

ЖЮЛЬ ВЕРН И АНДРЕ ЛОРИ
НАЙДЕНЫШ
С ПОГИБШЕЙ "ЦИНТИИ"

ДЕТГИЗ • 1959

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД ~ 1959

Жюль Верн и Андре Лори

НАЙДЕНЫШ
С ПОГИБШЕЙ
„ЦИНТИИ“

РОМАН

Рисунки Г. Фитингофа

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Перевод с французского
Е. Брандиса и Э. Шрайбер

Предисловие и примечания
Е. Брандиса

«Найденъш с погибшей «Цинтии» — единственный роман, написанный Жюлем Верном в соавторстве. Соавтор Жюля Верна — Андре Лори (псевдоним Паскаля Груссе), известный публицист и активный участник Парижской Коммуны.

Отдельным изданием это произведение в нашей стране издается впервые.

Основу повествования составляет описание путешествия Эрика Герсебома в Арктику по следам экспедиции Норденшельда и кругосветного плавания героя романа в арктических водах.

Роман «Найденъш с погибшей «Цинтии» отличается увлекательным приключенческим сюжетом и обличительной социальной направленностью.

В романе рассказывается история случайно уцелевшего при кораблекрушении мальчика, становление его характера и преодоление трудностей и препятствий, воздвигаемых на его пути американцем Тюдором Броуном — представителем хищного буржуазного мира. Чтобы помешать умному и энергичному юноше Эрику Герсебому узнать о его семье и родине, из-за корыстных соображений Тюдор Броун идет на любые преступления.

С большой теплотой нарисованы образы простых людей — норвежских рыбаков, заменивших найденъшу родителей,

ЖЮЛЬ ВЕРН, АНДРЕ ЛОРИ И «НАЙДЕПЫШ С ПОГИБШЕЙ «ЦИПТИИ»

1

Роман «Найденыш с погибшей «Циптии» вышел в свет в 1885 году. Это единственный роман, написанный знаменитым французским писателем Жюлем Верном (1828—1905) в сотрудничестве с другим автором.

Жюля Верна знают все. Он еще при жизни стяжал всемирную славу. Его лучшие книги и сейчас ежегодно переиздаются огромными тиражами. В нашей стране трудно найти школьника, который не читал бы «Дети капитана Гранта», «80 000 километров под водой», «Таинственный остров» или «Пятнадцатилетнего капитана».

Шестьдесят три романа и два сборника повестей и рассказов, составляющих многотомную серию «Необыкновенных путешествий», — таков итог более чем сорокалетней творческой работы Жюля Верна.

Источником для вдохновения служили писателю всевозможные научные исследования, замечательные изобретения, географические открытия. История науки, ее величайшие достижения и громадные возможности давали ему бесконечное разнообразие новых тем, увлекательных сюжетов, героических образов отважных ученых, изобретателей, инженеров, путешественников.

Герои Жюля Верна изобретают удивительные машины, открывают неведомые земли, исследуют глубины морей, кратеры вулканов, воздушное пространство, космические просторы.

Модели механизмов, действовавшие в мастерских изобретателей, машины, существовавшие только в проекте, от-

крытия, которые не вышли из стен лабораторий, Жюль Верн дорисовывал в воображении, представлял в законченном идеальном виде.

Герои «Необыкновенных путешествий» побывали на всех материках и океанах, проникали в такие заповедные края и дебри, которые были тогда еще обозначены на картах белыми пятнами. Замечательные географические открытия XIX и XX столетий совершались сначала на страницах «Необыкновенных путешествий», а потом уже в действительности.

Жюль Верн изображал желаемое, как уже осуществленное. Это и позволило ему стать зачинателем нового, любимого молодежью вида романа, который мы называем сейчас научно-фантастическим.

В 1862 году Жюль Верн написал свой первый роман «Нять недель на воздушном шаре». Большой успех этой книги побудил издателя Этцеля, выпустившего ее первым изданием, заключить с Жюлем Верном своеобразный договор на двадцать лет вперед: автор брал на себя обязательство ежегодно передавать издателю два новых романа или один двухтомный. Впоследствии договор был возобновлен еще на такой же срок и оставался в силе до конца жизни писателя, небогатой внешними событиями, но целиком заполненной всепоглощающим творческим трудом.

Самые интересные романы Жюля Верна сначала печатались в двухнедельном «Журнале воспитания и развлечения», а потом уже выходили отдельными книгами, в нарядных обложках, с великолепными гравюрами талантливых художников. «Журнал воспитания и развлечения» был одним из лучших юношеских журналов того времени. Наибольшим своим успехом он был обязан сотрудничеству Жюля Верна.

В 1881 году в «Журнале воспитания и развлечения» появился новый автор — никому не ведомый Андре Лори. Вскоре он приобрел популярность среди юных читателей. Его многочисленные романы и повести пользовались в свое время большим успехом.

Однако читатели даже не подозревали, что имя Андре Лори — не настоящее, а вымышленное. Да и сейчас мало кому известно, что Андре Лори — один из нескольких псевдонимов Наскаля Груссе (1845—1909), видного публициста и политического деятеля, участника Парижской Коммуны, о

котором не раз упоминали в своих статьях и письмах Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

2

10 января 1870 года. Париж. Разъяренная толпа осаждает особняк принца Ньера Бонапарта. Раздаются возгласы: «Смерть убийце!», «Наполеона долой!», «Всех Бонапартов на фонари!», «Нокончим с деспотизмом!», «Да здравствует республика!» В толпу врывается конная полиция. Льется кровь. В разных частях города возникают стихийные митинги.

В этот день двоюродный брат французского императора Наполеона III выстрелом из револьвера убил сотрудника республиканской газеты «Марсельеза», двадцатилетнего Виктора Нуара. Юноша явился к Ньеру Бонапарту в качестве секунданта Наскаля Груссе с вызовом на дуэль.

На совести Ньера Бонапарта было не мало бесчестных поступков и черных дел. Его одолевала жажда славы и денег. Славу заменяли ему скандальные похождения в разных странах Европы, но денег принцу не хватало. Наполеон III стеснялся пускать к себе на порог такого родственника и не предоставлял ему никаких доходных должностей. Желая выслужиться перед Наполеоном и получить доступ во дворец, этот прожженный авантюрист занялся сочинением гнусных пасквилей против республиканских политических деятелей и прогрессивных газет. Оскорбительным нападкам Ньера Бонапарта прежде всего подверглась газета «Марсельеза», которую издавал талантливый публицист Рошфор, и корсиканская газета «Реванш», осмелившаяся критиковать Наполеона III и его приближенных.

Наскаль Груссе сотрудничал в обеих газетах. Это был человек кинучей энергии и широких интересов. Он родился на Корсике в семье преподавателя лицея. Учился в Париже на медицинском факультете, куда его привела любовь к спорту. Увлекался педагогикой, особенно вопросами трудового и физического воспитания юношества. Участие в политической борьбе на стороне республиканской партии сделало его журналистом. Во второй половине шестидесятых годов Наскаль Груссе выпустил несколько остроумных памфлетов, направленных против бонапартистской клики.

Вызывая на дуэль Ньера Бонапарта, Наскаль Груссе, конечно, не мог предвидеть всех последствий своего смелого

поступка. Самое большое, на что он мог рассчитывать, — привлечь внимание общественности к негодяю-принцу и заклеить его позором. Но дальнейшие события показали, до какой степени был ненавистен народу деспотический режим Второй империи.

На следующий день после убийства Виктора Нуара газета «Марсельеза» вышла в траурной рамке со статьей-прокламацией Рошфора, в которой содержались такие слова: «Уже восемнадцать лет, как французский народ находится в окровавленных руках этих разбойников. Французский народ, разве не находишь ты, что пора положить этому конец?»

В день похорон Нуара в предместье Парижа Нейи собралась громадная демонстрация. Тысячи полицейских и солдат оцепили центр города, чтобы не допустить похоронную процессию и демонстрантов к кладбищу Нер-Лашез. С большим трудом властям удалось восстановить «порядок». За все годы царствования Наполеона III Франция не была так близка к революции.

Благодаря удивительному стечению обстоятельств журналист Наскаль Груссе дал толчок этим историческим событиям.

Вскоре Рошфора арестовали, а затем бросили в тюрьму и Наскаля Груссе. Но дни Второй империи были уже сочтены. 4 сентября 1870 года, в день провозглашения Республики, политические заключенные получили свободу. Неутомимый Груссе становится главным редактором возобновленной «Марсельезы» и уже в первом номере от 6 сентября высказывается за решительную революцию, за «демократическую и социальную республику».

«Марсельеза» спланировала силы республиканцев, обличала правительство «национальной обороны», которое в народе метко окрестили правительством «национальной измены».

Карл Маркс, внимательно читавший «Марсельезу», заметил в одном из писем к Энгельсу, что Наскаль Груссе «представляет собою весьма дельного, с сильным характером и смелого человека»¹.

¹ К. Маркс. Письмо к Энгельсу от 10 сентября 1870 года. К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, издание 1-е, т. XXIV, стр. 398.

В дальнейшем Груссе проявил себя как активный участник Парижской Коммуны, примкнувший к революционному большинству. В Совете Коммуны он возглавлял комиссию внешних сношений, иначе говоря, был министром иностранных дел.

Однако Наскаль Груссе, как и подавляющее большинство руководителей Парижской Коммуны, не был пролетарским революционером. Призывая к «решительной революции», он в то же время возлагал надежды на мирное сожительство разных классов. Руководители Коммуны, и в том числе Груссе, совершили много ошибочных действий, что ускорило ее гибель.

Разгром Коммуны войсками генерала Галифе сопровождался массовыми убийствами и казнями коммунаров. Оставшиеся в живых предстали перед военным судом и были сосланы на каторгу в Новую Каледонию.

На этом проклятом острове Наскаль Груссе провел почти три года. Он жил в глинобитной хижине, в нездоровой заболоченной местности, днем изнемогая от тропической жары, ночью — от полчищ москитов.

В 1874 году Наскаль Груссе совершил вместе с Рошфором отчаянно смелый побег с каторги. Сначала беглецы нашли прибежище в Австралии, а оттуда переправились в Англию.

В Лондоне Наскаль Груссе жил и писал под именем Филиппа Дариля. Этим псевдонимом подписана целая серия его книг, посвященных общественной жизни, быту и нравам Англии, Ирландии и других стран.

На родину он вернулся в 1880 году, когда французское правительство объявило амнистию коммунарам. Несмотря на «скверную репутацию» Наскаля Груссе в глазах официального общественного мнения Третьей республики¹, Этцель не побоялся привлечь его к участию в «Журнале воспитания и развлечения», и тогда Наскаль Груссе превратился в Андре Лори, оставаясь в то же время Филиппом Дарилем. Нисал он очень много и с большой быстротой. Под именем Андре Лори он выпустил две многотомные серии повестей и романов.

¹ Третья республика — буржуазно-республиканский строй, установившийся во Франции после Парижской Коммуны.

Первая серия озаглавлена — «Жизнь школы во всех странах». Здесь сказались педагогические интересы автора. Это своего рода детская педагогическая энциклопедия. Больше всего автор ценит и пропагандирует наглядное обучение, спортивную закалку и трудовое воспитание юношества. С этой точки зрения самыми лучшими кажутся ему шведские и швейцарские школы.

Описание жизни школьников, лицеистов, гимназистов или студентов облечено в повествовательную форму. Любая книга из этой серии — занимательная повесть о воспитании детей и юношества той или иной страны.

Приключенческие и фантастические романы Андре Лори печатались в «Журнале воспитания и развлечения» вперемежку с педагогическими повестями. Написаны романы очень живо, легко читаются, разнообразны по сюжетам, но в общем мало оригинальны. Часто мы находим в них неоправданное нагромождение случайностей и довольно нелепых авантур. Автор использует все известные приемы приключенческого повествования: погони, похищения, преследования, кораблекрушения, переодевания, тайные заговоры, коварные интриги и т. д., и т. п. После многих злоключений герои непременно достигают цели своего путешествия или осуществляют задуманное предприятие. При этом автор не упускает случая вознаградить их по ходу действия неожиданным кладом или наследством.

Хотя Андре Лори сознательно подражал Жюлью Верну, но ему не хватало ни обширных знаний, ни литературного мастерства своего учителя.

Из приключенческих романов удачнее других «Капитан Трафальгар» и «Наследник Робинзона», из научно-фантастических — «От Нью-Йорка до Бреста за семь часов».

3

В 1884 году Наскаль Груссе встретился у издателя с Жюлем Верном и рассказал ему о замысле своего нового романа.

— Героем будет приемыш, выросший в семье норвежского рыбака. Мальчик обладает удивительными способностями. Он разительно отличается своей внешностью от сверстников. Он француз, но принимают его за ирландца, и это будет служить поводом для всяческих недоразумений.

Загадочное происхождение ребенка и неудачные попытки раскрыть эту тайну создают напряженную интригу. Мальчик вырастает, получает хорошее образование в Швеции. Кстати, здесь можно будет рассказать о норвежских и шведских школах... Затем, добыв самые ничтожные сведения, которые дают ему путеводную нить, юноша отправляется на поиски своей семьи...

— Ну, а каким образом он ее найдет? — спросил Жюль Верн.

— Для этого он должен преодолеть массу препятствий, побывать в дальних странах, допустим, в Центральной Африке.

— В таком сюжете самое важное — убедительное обоснование приключений, — сказал Жюль Верн. — Я бы на вашем месте заставил его проделать какое-нибудь совершенно исключительное нутешествие, совершить по ходу действия важное географическое открытие. Ведь романы о подкидышах и найденышах насчитываются десятками. В каждом таком романе герой находит своих родителей, которые чаще всего оказываются знатными аристократами. Это стало уже общим местом. Вы должны тщательно продумать сюжет, чтобы избежать навязчивых повторений...

— Да, конечно, месье Верн... А не сделать ли моего героя моряком? Тогда его легче будет отправить в путешествие. В силу необходимости он может стать капитаном и проявит поразительное мужество...

— Нечто подобное у меня уже было в «Нятнадцатилетием капитане». Но это неважно. Легко найти какой-нибудь новый сюжетный ход... Если вы помните, в «Нятнадцатилетием капитане» Дик Сэнд попадает со своими снутниками в экваториальную Африку и путешествует по следам Ливингстона... И вы могли бы заставить вашего героя вдохновиться подвигом знаменитого исследователя... ну, скажем, Норденшельда... да, именно Норденшельда, ведь ваш герой получает образование в Швеции...

— Вы подали мне блестящую мысль, месье Верн, я вам очень признателен... Но, сказать по совести, описание географических исследований, особенно в арктических широтах, — мне не по плечу. Это требует специальных знаний и особой подготовки... А не согласились ли бы вы, месье Верн, принять участие в работе над этим романом?.. Мне думается, вышло бы интересно...

— Не знаю, я никогда не писал романов в соавторстве... Другое дело — пьесы... Я не уверен, что из этого что-нибудь получится. Впрочем, надо подумать...

Мы, конечно, не ручаемся за то, что приведенный разговор велся именно в такой форме. Но подобная беседа, несомненно, состоялась, прежде чем оба автора взялись за работу над романом.

Зная творческую манеру Жюль Верна и Андре Лори, зная интересы того и другого писателя, можно сказать с уверенностью, что история происхождения Эрика, рассуждения о его «кельтской внешности», описание обстановки, в которой он вырос и воспитывался, неожиданно свалившееся на него в последней главе огромное состояние — всё это близко по духу приключенческим романам Андре Лори и повторяется в той или иной связи в разных его книгах.

Самая значительная и интересная часть повествования — плавание «Аляски» по следам Норденшельда и великий географический подвиг, совершенный Эриком, описание суровой природы Арктики, приключения на дрейфующей льдине. Это, как легко догадаться, — результат творческой работы Жюль Верна. Юмористические образы чудаковатых друзей — доктора Швариенкрона, адвоката Бредежора и профессора Гохштедта — тоже, по-видимому, — его находка.

Несмотря на небольшой объем, «Найденыйш с погибшей «Цинтии» — роман очень содержательный. Он является одновременно и нравоописательным (жизнь Эрика в Нороз и Стокгольме), и приключенческо-географическим (поиски семьи Эрика и плавание «Аляски»), и научно-фантастическим, что особенно интересно.

У Жюль Верна есть, несколько научно-фантастических романов, основанных на воображаемых географических открытиях.

Аэростат «Виктория» пролетает над необследованными частями африканского континента, которые описываются так же подробно, как и изученные («Нять недель на воздушном шаре»).

Капитан Гаттерас достигает Северного полюса в то время, когда ни один исследователь Арктики не поднимался выше 82° северной широты.

Герои романа «Ледяной сфинкс» попадают на Южный полюс задолго до его фактического открытия.

Эрик Герсебом осуществляет беспрецедентное кругосветное плавание в арктических водах России и Америки, успешно пройдя за одну навигацию неосвоенными в то время Северо-Восточным и Северо-Западным морскими проходами.

Чтобы оценить смелость такого замысла, надо знать, что же было в действительности.

На протяжении нескольких столетий мореплаватели европейских стран безуспешно пытались найти кратчайший путь из Атлантического в Тихий океан. Обычные маршруты — мимо мыса Доброй Надежды или в обход мыса Горн — сильно затрудняли торговые связи с восточными странами и делали морские путешествия чрезвычайно длительными и опасными.

Первым, кому удалось проложить кратчайший путь из европейских вод в Тихий океан, — знаменитый шведский географ и исследователь Арктики Адольф Эрик Норденшельд (1832—1901).

Денежные средства для экспедиции предоставили Норденшельду русский капиталист-золотопромышленник А. М. Сибиряков, шведский король Оскар II и богатый швед О. Диксон, именем которого назван остров в Карском море.

После долгих поисков был найден прочный китобойный пароход «Вега» водоизмещением в 357 тонн, снабженный специальной ледовой обшивкой. Кроме паровой машины в 60 лошадиных сил, корабль был оснащен парусами. Капитаном назначили опытного шведского моряка Наландера.

21 июля 1878 года «Вега» покинула Гётеборг в сопровождении трех вспомогательных судов, купленных Сибиряковым в Швеции для плавания по Енисею и Лене.

Первая остановка была сделана у селения Хабарово на материковом берегу Югорского Шара. Шведские ученые подробно ознакомились с жизнью и бытом ненцев-оленьеводов.

19 августа показался мыс Челюскина — самая северная оконечность европейского континента, и таким образом первая часть задачи была успешно решена. До этих мест не добирался из Атлантики ни один корабль.

От мыса Челюскина Норденшельд пошел прямо на восток к Новосибирским островам. Дальнейшее плавание затрудняли тяжелые льды, борьба с которыми отнимала много

времени и сил. Нередко мореплавателям приходилось прокладывать нуть с помощью топоров и ледорубов.

Наконец, «Вега» достигла Колючинской губы. Сильный мороз сковал море, и Норденшельд вынужден был остановиться на зимовку у мыса Сердце-Камень, в каких-нибудь двухстах километрах от Берингова пролива, то есть у самой цели нутешествия.

Недалеко от места стоянки «Веги» находились чукотские стойбища. С чукчами поддерживались самые дружеские отношения. Норденшельд не устал восхищаться их исключительной честностью, прямодушием и отзывчивостью. Один из чукчей-оленьеводов Василий Менка взялся доставить письма с «Веги» губернатору Иркутска, который, в свою очередь, должен был переслать их в Стокгольм. Нисьма прибыли в Иркутск только 10 мая 1879 года, а тем временем в Швеции уже снаряжалась спасательная экспедиция.

18 июля 1879 года «Вега» освободилась из ледового плена и уже 20-го вошла в Берингов пролив. В начале сентября Норденшельд прибыл в Японию, завершив свое великое предприятие.

Практическое освоение Северного морского нута началось только при советской власти. Ныне мощные ледоколы проводят этим путем целые караваны судов, и в разных местах полярного побережья Сибири выросли портовые города.

Что касается Северо-Западного пути — вдоль северных берегов Америки — из Тихого в Атлантический океан, — то он был пройден в 1850—1853 годах английским полярным исследователем Мак Клором. Однако большую часть пути Мак Клор проделал по льду на санях. Только Амундсену в 1903—1906 годах удалось преодолеть Северо-Западный проход на судне. Но практического значения этот маршрут до сих пор не имеет, так как проливы почти всегда забиты тяжелыми льдами.

В романе «Найденыш с погибшей «Цинтии» правда переплетается с вымыслом, фантазия — с действительными фактами.

В книге Норденшельда «Нлавание на «Веге» Жюль Верн нашел много интересных сведений о природе русской Арктики и все необходимые для романа фактические данные о зимовке «Веги» у мыса Сердце-Камень.

История экспедиции Норденшельда входит в сюжет повествования. Хотя Норденшельд и не выведен в качестве действующего лица, по сути дела он является одним из героев романа. Его образ незримо присутствует на страницах книги. Географический подвиг шведского ученого служит Эрику вдохновляющим примером.

Великолепное оснащение «Аляски» для плавания в арктических морях превосходило возможности полярной навигации того времени.

Но самое удивительное — маршрут «Аляски». Нокинув Стокгольм, она пересекла Атлантический океан, вошла в Баффинов залив, оставила позади проливы американской Арктики и достигла Берингова пролива. Так был пройден Северо-Западный морской нуть.

Из Берингова пролива «Аляска» вошла в Восточно-Сибирское море, взяла курс на запад — вдоль берегов Сибири, обогнула мыс Челюскина и вернулась в Стокгольм, повторив в обратном направлении маршрут Норденшельда. Так был пройден Северо-Восточный морской нуть. Первое в мире кругосветное плавание в полярных водах было осуществлено двадцатидвухлетним капитаном за семь месяцев и четыре дня.

Авторы заставили своего героя выполнить фантастически трудное дело.

Современные мощные ледоколы вполне могут справиться с такой задачей. Но, насколько нам известно, еще ни один корабль не преодолел за одну навигацию и Северо-Западный, и Северо-Восточный нуть.

Образ Эрика покоряет читателя с первых же страниц. Он наделен сильным и мужественным характером, который раскрывается в действии и закаляется в борьбе с суровыми испытаниями. Эрик вырастает на наших глазах, проходит большую жизненную школу, превращается в настоящего героя.

Все симпатии авторов на стороне людей из народа, воспитавших Эрика.

Маастер Герсебом и матушка Катрина, самоотверженный учитель Маляриус, Отто и Ванда воплощают в себе самые лучшие человеческие качества. И не случайно чванливой и избалованной столичной барышне Кайсе резко противопоставлена скромная и умная деревенская девушка Ванда.

Надо обратить внимание и на то, как тщательно продуман во всех деталях и как хорошо построен этот роман. Здесь нет лишних эпизодов. Темп действия нарастает с каждой главой.

Все злоключения, выпавшие на долю Эрика и его друзей, в конечном счете являются следствием преступных действий бывшего работорговца из Южной Каролины Ноя Джонса и матроса Натрика О'Доногана, ставшего послушным орудием в руках преступника.

Благородные чувства, честность, бесстрашие, упорство в достижении цели помогают Эрику одержать победу над силами зла. Ной Джонс сам же и становится жертвой своих коварных интриг.

Как бы давно ни было совершено преступление, какими бы предосторожностями оно ни было обставлено, рано или поздно тайное станет явным и справедливость восторжествует — такая мысль вытекает из самого замысла романа.

«Найденыш с погибшей «Цинтии», написанный Жюлем Верном совместно с Андре Лори, входит в серию «Необыкновенных путешествий» и принадлежит к числу удачных произведений обоих авторов.

Во Франции «Найденыш с погибшей «Цинтии» издавался много раз. Но русским читателям по какой-то странной случайности он остался неизвестным. Его не включали в нашей стране ни в одно собрание сочинений Жюль Верна, он не попал и в русское издание сочинений Андре Лори и вообще не переводился на русский язык, если не считать сильно сокращенного и очень неточного перевода, напечатанного в 1886 году под заглавием «Тайна матроса Натрика» в детском журнале «Задушевное слово».

Таким образом, наш перевод должен вернуть к жизни несправедливо забытый роман Жюль Верна и Андре Лори, роман, который безусловно заслуживает внимания юных читателей.

Е. Брандис

Глава первая.

ДРУГ УЧИТЕЛЯ МАЛЯРИУСА

Вряд ли ещё найдётся в Европе или за её пределами учёный, чьё лицо было бы так хорошо всем знакомо, как лицо доктора Швариенкрона из Стокгольма. Фабричные этикетки с его изображением наклеиваются на миллионы бутылок, запечатанных зелёной облаткой, и бутылки эти благодаря стараниям поставщиков проникают даже в самые отдалённые уголки земного шара.

Но правде говоря, это был всего-навсего рыбий жир — по одному франку тридцати девяти сантимов за бутылку — всеми признанное, весьма благотворное лекарство, особенно для жителей Норвегии, которым оно приносит годовой доход в кронах, исчисляемый восьмизначными цифрами.

Изготовлением рыбьего жира с давних времён занимались норвежские рыбаки. Сейчас его производство значительно усложнилось благодаря применению научных методов. Настоящим королём рыбьего жира ныне является знаменитый доктор Швариенкрона.

Каждому знакомы его остроконечная бородка, очки, крючковатый нос и меховая шапка. Хотя портрет доктора на бутылочных этикетках и не отличается художественным совершенством, но зато поражает несомненным сходством с оригиналом. Доказательством тому послужило одно происшествие в начальной школе рыбацкого посёлка Нороз на западном побережье Норвегии, в нескольких льё¹ от Бергена.

¹ Лъ ё — устаревшая французская мера длины, равная 4,5 км

Было два часа пополудни. Ученики сидели в классе — в большой комнате с земляным полом, посыпанным песком, — девочки по левую сторону, мальчики — по правую. Все они внимательно слушали учителя Маляриуса, объяснявшего на доске решение задачи, как вдруг дверь распахнулась и на пороге показался какой-то человек в меховой шубе, меховой шапке, меховых сапогах и меховых рукавицах.

Школьники почтительно встали с мест, как принято, когда в класс входит посетитель. Никто из них не знал этого человека, но, едва только он появился, ученики стали перешёптываться:

— Доктор Швариенкрона!

Так велико было его сходство с изображением, запечатлённым на бутылочных этикетках!

Надо заметить, что бутылки с рыбьим жиром всегда были перед глазами учеников Маляриуса, — одна из фабрик доктора находилась в Нороз. Тем не менее доктор Швариенкрона уже много лет не бывал в Нороз и до сего дня никто из школьников не мог похвалиться, что видел его воочию.

Но зато слышали о нем немало. Доктора Швариенкрона частенько вспоминали по вечерам в рыбацком посёлке. Вспоминали так часто, что у него должны были бы постоянно гореть уши, если народные поверья действительно имеют под собой какую-то основу.

Как бы то ни было, столь поразительное сходство, единодушно признанное всеми, свидетельствовало о незаурядном даровании неизвестного портретиста, о таком даровании, которым этот скромный художник был бы вправе гордиться, вызывая зависть у любого модного фотографа.

Да, это был в самом деле он — его остроконечная борода, его очки, крючковатый нос и неизменная меховая шапка. Обознаться было невозможно! Все ученики Маляриуса дали бы голову на отсечение, что это был именно он. Правда, их несколько удивило и даже смутило то, что доктор Швариенкрона оказался в действительности человеком самого обыкновенного среднего роста, а вовсе не гигантом, каким они его представляли себе. И в самом деле, как такой знаменитый учёный мог довольствоваться ростом, не превышавшим пяти футов и трех дюймов?

Его седая голова едва доходила до плеча господина Малярнуса, а ведь Маляриус уже сгорбился под бременем лет! Благодаря своей худобе он казался значительно выше доктора. Просторный коричневый плащ учителя, от длительного употребления приобретший зеленоватый оттенок, развевался на нём, словно флаг на древке. Он носил штаны до колен и башмаки на пряжках. На голове у него была чёрная шёлковая шапочка, из-под которой выбивались седые пряди. Его румяное, всегда улыбающееся лицо выражало безграничную доброту.

В отличие от доктора, который смотрел сквозь очки пронизывающим взглядом, голубые глаза Малярнуса, также вооружённые очками, взирали на мир с неизменной благожелательностью. Школьники не помнили ни одного случая, когда бы Малярнус наказал кого-либо из них. Однако это им не мешало не только любить, но и уважать его.

Все знали, какой он самоотверженный человек. Жители Нороз помнили, что в молодости Малярнус блестяще выдержал экзамены и, так же как доктор, мог бы получить учёную степень, стать «господином профессором» в каком-нибудь большом университете, добиться известности и богатства. Но у него была сестра, бедняжка Кристина, больная и немощная. Ни за что на свете она не соглашалась покинуть своё родное селение. Она испытывала страх перед городом, и ей казалось, что там она умрёт. Малярнус, безропотно пожертвовав собой, добросовестно выполнял трудные и скромные обязанности школьного учителя. Когда двадцать лет спустя Кристина тихо угасла, благословляя брата, Маляриус, привыкший к своей скромной уединённой жизни, даже и не подумал о том, чтобы начать строить её заново.

Погруженный в научные изыскания, о которых он из скромности умалчивал, Маляриус находил высшее удовлетворение в повседневных обязанностях школьного учителя. Его школа была лучшей в округе, и на своих уроках он не ограничивался лишь начатками знаний, которые признавались достаточными для сельской школы. Он расширял знания своих лучших учеников, прививая им любовь к наукам, к древней и новой литературе, ко всему тому, что обычно является достоянием обеспеченных слоёв населения и недоступно детям рыбаков и крестьян.

— Почему блага, принадлежащие одним, недостижимы для других? — говорил он. — Если у бедняков и без того отняты многие житейские радости, то почему же их ещё лишать возможности наслаждаться Гомером и Шекспиром¹, уметь ориентироваться в море по звёздам или распознавать окружающий растительный мир? Ведь уже в ранние годы нужда схватывает их за горло и заставляет трудиться без усталости всю жизнь. Пусть хотя бы в детские годы им дано будет прильнуть к чистому роднику знаний, принадлежащему всему человечеству!

Подобные взгляды на народное образование во многих странах сочли бы по меньшей мере неблагоприятными, так как они могут внушить беднякам недовольство их скромной долей и толкнуть на всякие сомнительные поступки.

Но в Норвегии это никого не тревожит. Патриархальная простота нравов, отдалённость городов от сельских местностей, трудолюбие её немногочисленного народа не внушает опасений к подобного рода экспериментам. Скандинавский полуостров может гордиться тем, что при сравнительно небольшой плотности населения здесь насчитывается больше учёных и разносторонне образованных людей, чем в любой из европейских стран. Путешественников всегда поражает контраст между полудикой скандинавской природой и хорошо поставленным производством на фабриках и в мастерских, что свидетельствует о достаточно высоком уровне культуры.

Но не пора ли уже возвратиться к доктору Швариенкроду, которого мы оставили на пороге школы в Нороз?

Если он сразу же был узнан школьниками, которые никогда его раньше не видели, то этого нельзя было сказать об их учителе, знавшем доктора с незапамятных времён.

— Здравствуй, мой дорогой Маляриус! — радостно воскликнул доктор, направляясь к учителю с протянутой рукой.

— Добро пожаловать, сударь! — ответил тот, немного озадаченный и смущённый, как это бывает со всеми людьми, привыкшими к уединённому образу жизни. Доктор пре-

¹ Гомер — легендарный древнегреческий поэт, которому приписывается авторство величайших поэм древности «Иллиады» (IX век до н. э.) и «Одиссеи» (VIII век до н. э.). Шекспир Вильям (1564-1616) — гениальный английский драматург.

рвал Маляриуса как раз в ту минуту, когда он что-то объяснял ученикам.

— Извините, а с кем я имею честь?..

— О, неужели я настолько изменился с той поры, когда мы бегали взапуски по снегу и курили длинные трубки в Христиании¹? Да неужели ты забыл пансион Крауса и мне придётся напомнить тебе имя твоего товарища и друга?

— Швариенкрона! — воскликнул Маляриус. — Возможно ли это? Неужели это ты? Неужели это вы, господин доктор?

— Пожалуйста, без церемоний! Разве я не твой старина Рофф, а ты не мой славный Олаф, самый близкий, самый дорогой друг моей юности? О, я понимаю. Годы идут, и за тридцать лет мы немного изменились. Но ведь сердце не стареет, — не так ли? И в нём всегда останется уголок для тех, кого ты любил и с кем делил невзгоды в двадцать лет!

Говоря это, доктор смеялся и крепко жал обе руки Маляриуса, на глазах которого показались слезы.

— Мой дорогой друг, мой милый, милый доктор! — повторял он. — Мы не задержимся здесь. Я сейчас отпущу своих сорванцов. Разумеется, их это не огорчит, и мы пойдём ко мне.

— Да не стоит, право, — проговорил доктор, обернувшись к ученикам, которые следили с живым интересом за всеми подробностями этой сцены. — Я отнюдь не хочу мешать твоей работе и тем более прервать занятия этих славных ребятишек!.. Если ты хочешь доставить мне удовольствие, позволь мне посидеть рядом с тобой, пока ты будешь продолжать урок.

— С удовольствием, — согласился Маляриус, — но, по правде говоря, сейчас у меня душа совсем не лежит к геометрии, и раз уж я обещал раснустить их по домам, то теперь мне нельзя нарушать слова! Впрочем, есть выход из положения. Если господину Швариенкрона будет угодно оказать честь моим ученикам и проверить их знания, то потом их можно будет освободить.

— Чудесная мысль! — сказал доктор, заняв место учителя. — Решено! Вот я и выступлю в роли инспектора! Скажите, а кто у вас здесь лучший ученик?

¹ Х р и с т и а н и я — прежнее название города Осло, столицы Норвегии

— Эрик Герсебом! — дружно ответили пятьдесят звонких голосов.

— Эрик Герсебом? Прекрасно. Ну хорошо, Эрик Герсебом, подойдите-ка, пожалуйста, сюда.

Двенадцатилетний мальчик, сидевший за первой партой, поднялся с места и приблизился к кафедре. Это был серьёзный и сдержанный ребёнок, с задумчивым лицом и сосредоточенным взглядом. Его смуглая кожа, тёмные волосы и большие карие глаза резко выделяли его среди белокурых, голубоглазых и розовощёких сверстников. Он не был скуласт и курнос и не ходил вразвалку, как большинство детей в Скандинавии. Одним словом, своей внешностью он заметно отличался от своеобразного и ярко выраженного скандинавского типа, к которому принадлежали его товарищи.

Так же как и они, Эрик Герсебом был в костюме из грубого сукна, какие носят обычно крестьяне бергенской округи. Но мягкие черты лица, небольшая, хорошо посаженная голова, природное изящество движений и непринуждённость манер — все подчёркивало в нём иностранное происхождение. И пожалуй, любого психолога эти особенности поразили бы не меньше, чем доктора Швариенкрона. Однако ему показалось неудобным так долго разглядывать мальчика, и он приступил к опросу.

— С чего же мы начнём? Может быть, с грамматики? — спросил он.

— Как будет угодно господину доктору, — скромно ответил Эрик.

Доктор задал ему два несложных вопроса. К его величайшему удивлению мальчик приводил примеры не только из шведского, но и французского, и английского языков. Впрочем, Малярнус преподавал своим ученикам и иностранные языки, полагая, что усвоить одновременно три языка так же легко, как и один.

— Разве ты их обучаешь и французскому и английскому? — обратился доктор к своему другу.

— А почему бы и нет? К тому же я знакомлю их ещё с основами греческого языка и латыни. В этом я не вижу вреда.

— И я тоже, — ответил доктор, улыбаясь. И он открыл наудачу том Цицерона¹, откуда Эрик Герсебом свободно перевёл несколько фраз.

В этом отрывке речь шла о цикуте, выпитой Сократом². Маляриус посоветовал доктору спросить, к какому виду растений относится цикута. Эрик не задумываясь ответил, что она принадлежит к семейству зонтичных, и тут же указал все отличительные признаки этого растения.

¹ Цицерон Марк Тулий (106-43 до н.э.) — знаменитый римский оратор, писатель и политический деятель

² Сократ (469-399 до н.э.) — знаменитый древнегреческий философ; преследуемый за своё учение, вынужден был принять кубок с ядом цикуты (ядовитое растение)

От ботаники перешли к геометрии. Эрик великолепно доказал теорему о сумме углов треугольника.

Доктор все больше и больше удивлялся.

— А теперь обратимся к географии, — сказал он. — Назовите мне море, которое граничит на Севере со Скандинавией, Россией и Сибирью.

— Это Северный Ледовитый океан, — ответил Эрик.

— А с какими морями он сообщается?

— С Атлантическим океаном на западе и с Тихим — на востоке.

— Не назовёте ли вы мне два или три наиболее значительных порта на Тихом океане?

— Я могу назвать Иокогаму в Японии, Мельбурн в Австралии, Сан-Франциско в штате Калифорния.

— Итак, если Северный Ледовитый океан с одной стороны соединяется с Атлантическим, который омывает наши берега, а с другой стороны — с Тихим океаном, то не кажется ли вам, что кратчайший нуть в Иокогаму или в Сан-Франциско пролегает именно через Северный Ледовитый океан?

— Конечно, господин доктор, — ответил Эрик, — если бы только этот кратчайший путь был доступен. Но до сих пор все мореплаватели, которые пытались следовать этим путём, наталкивались на льды и если им и удавалось уцелеть, то они вынуждены были отказываться от своего намерения.

— Вы говорите, что были неоднократные попытки проложить путь на северо-восток через Ледовитый океан?

— Не менее пятидесяти попыток в течение трех столетий, и все они были безуспешны.

— Не могли бы вы перечислить некоторые из этих экспедиций?

— Первая была предпринята в 1523 году по почину Себастьяна Кабота. Она состояла из трех кораблей под командованием несчастного Хью Уиллоуби, погибшего в Лапландии вместе со всем экипажем. Ченслер, один из его помощников, вначале оказался счастливее остальных. Ему удалось открыть прямой нуть через Северный Ледовитый океан между Ла-Маншем и Россией. Но при второй попытке он потерпел кораблекрушение и погиб.

Капитану Стефану Борроу, посланному на поиски, удалось преодолеть пролив, отделяющий Новую Землю от острова Вайгач, и достигнуть Карского моря, но льды и туманы не дали ему возможности продвинуться дальше... Две экспедиции, организованные в 1589 году, оказались также бесплодными. Через пятнадцать лет ту же задачу попытались разрешить голландцы, которые снарядили для поисков Северо-Восточного прохода три экспедиции подряд под командованием Баренца. В 1596 году Баренц погиб во льдах Новой Земли. Десять лет спустя Генри Гудзон, посланный голландской Ост-Индской компанией, точно так же потерпел крушение во время третьей из последовавших одна за другой экспедиций. И датчанам не посчастливилось в 1653 году. И капитана Джона Вуда в 1676 году постигла та же участь¹. С тех пор это предприятие признано неосуществимым и отвергнуто всеми морскими державами.

— Так, значит, с того времени не было больше попыток?

— Были. Их предпринимала Россия, которая, подобно другим северным странам, особенно заинтересована в открытии кратчайшего морского пути между её Европейской частью и Сибирью. На протяжении одного века она послала по крайней мере восемнадцать экспедиций для исследования Новой Земли, Карского моря, восточных и западных подступов к Сибири. Но хотя эти экспедиции и помогли лучше изучить те края, они снова подтвердили невозможность прохода через Северный Ледовитый океан. Академик Бэр², в последний раз повторивший эту попытку в 1837 году, после адмирала Литке³ и Пахтусова⁴, решительно заявил во всеуслышание, что этот «океан» — сплошной ледник, столь же не пригодный для плавания, как и твёрдая земля.

— Так, значит, нужно окончательно отказаться от Северо-восточного пути?

— Таков, по крайней мере, вывод, который напрашивается после всех этих многочисленных и неудачных экспеди-

¹ История ноярных экспедиций упомянутых здесь мореплавателей подробно изложена в книге Жюль Верн «Открытие Земли»

² Бэр К. М. (1792—1876) — крупный русский учёный-натуралист

³ Литке Ф. Н. (1797—1882) — знаменитый русский мореплаватель и географ; исследовал берега Новой Земли, совершил два кругосветных плавания

⁴ Пахтусов Н. К. (1800—1835) — русский географ, исследователь Новой Земли

ций, но я слышал, что наш великий нутешественник Норденшельд¹ намерен возобновить эти поиски. Сначала он хочет исследовать Северный Ледовитый океан по частям и, если это действительно так, то, значит, он верит в успех своего дела. Он достаточно сведущ, чтобы к его мнению можно было прислушаться.

Доктор Швариенкрона был одним из горячих поклонников Норденшельда. Поэтому он и завёл разговор о Северо-Восточном пути. Подробные и точные ответы мальчика привели его в восхищение.

Он смотрел на Эрика Герсебома с выражением живейшего интереса.

— Где вы все это почерпнули, друг мой? — спросил он после длительного молчания.

— Здесь, господин доктор, — ответил Эрик, удивлённый таким вопросом.

— И вы никогда не учились в другой школе?

— Конечно, нет.

— Господин Маляриус вправе гордиться вами, — сказал доктор, обернувшись к учителю.

— Я очень доволен Эриком, — ответил тот. — Вот уже скоро семь лет, как он мой ученик. Он поступил сюда совсем маленьким, но среди своих товарищей всегда был первым.

Доктор погрузился в молчание. Он не сводил с Эрика своих пронизательных глаз. Казалось, он был занят решением вопроса, о котором не считал нужным говорить вслух.

— Лучше отвечать невозможно и незачем продолжать экзамен, — произнёс он наконец, — я вас больше не стану задерживать, друзья мои. Если господин Маляриус не возражает, на этом мы и закончим.

Малярнус хлопнул в ладоши. Все ученики одновременно встали и, собрав свои книги, выстроились по четыре в ряд на свободном участке перед партами. Маляриус вторично хлопнул в ладоши, и шеренга двинулась, чеканя шаг, с чисто военной выправкой.

После третьего сигнала школьники, смешав ряды, разбежались с весёлыми криками. Через несколько секунд они

¹ Норденшельд Адольф Эрик (1832—1901) — выдающийся шведский учёный, нутешественник и географ

рассыпались по берегу фьорда¹, в голубой воде которого отражаются покрытые дёрном кровли Нороз.

Глава вторая.

У РЫБАКА ИЗ НОРОЭ

Дом маастера² Герсебома, как и все дома в Нороз, покрыт дёрном и сложен из огромных сосновых брёвен по старинному скандинавскому способу: две большие комнаты посередине разделены длинным узким проходом, ведущим в сарай, где хранятся лодки, рыболовные снасти и целые груды мелкой норвежской и исландской трески, которую раскалывают после сушки, чтобы поставлять её торговцам в виде «Rondfish» («круглая рыба») и «Stock-fish» («рыба на палке»).

Каждая из двух комнат служит одновременно и горницей и спальней. Постельные принадлежности — матрацы и одеяла из шкур — хранятся в особых ящиках в деревянных стенах и извлекаются оттуда только на ночь. Это удобное приспособление, а также свежевыбеленные стены, высокий очаг в углу, в котором всегда весело потрескивает большая охапка дров, придают самым скромным жилищам опрятность и уют, несвойственные крестьянским домам в Южной Европе.

В этот вечер вся семья собралась у очага, где в огромном горшке варилась на медленном огне похлёбка из копчёной селёдки, кусочков лосося и картофеля. Маастер Герсебом, сидя в высоком деревянном кресле, плёл сети, чем он обычно занимался, когда не находился в море или в сушильне. Это был суровый моряк с красным обветренным лицом, рано поседевший, хотя и был в расцвете лет. Его сын Отто, рослый четырнадцатилетний мальчик, как две капли воды похожий на отца, по всей видимости должен был стать впоследствии таким же умелым рыбаком. А сейчас он пытался постигнуть тайну «тронного правила», испещряя цифрами маленькую графитную доску. Его большая рука каза-

¹ Фьорд — узкий извилистый морской залив с крутыми и высокими берегами; берега Норвегии на большом протяжении изрезаны фьордами

² Маастер — в скандинавских странах — обращение к ремесленнику или к хозяину дома из трудовых слоёв населения

лась куда более приспособленной для управления веслом, чем для такой работы. Эрик, склонившись над обеденным столом, с увлечением читал толстую книгу по истории, взятую у господина Маляриуса. Рядом с ним Ка-

трина Герсебом, добродушная женщина, спокойно сучила пряжу, а белокурая Ванда, девочка десяти — двенадцати лет, сидя на низкой скамейке, усердно вязала толстый чулок из красной шерсти. У её ног спала, свернувшись клубком, большая жёлтая собака с белыми пятнами и курчавой, как у барашка, шерстью.

Молчание не нарушалось по крайней мере в течение часа. Медная лампа, в которую был налит рыбий жир, ровно освещала своими четырьмя фитилями все уголки этого мирного жилища.

По правде говоря, молчание начало тяготить матушку Катрину, уже несколько раз порывавшуюся развязать язык.

Наконец она не выдержала больше:

— Хватит работы на этот вечер, — сказала она. — Пора ужинать!

Не возразив ей ни слова, Эрик забрал свою толстую книгу и пересел к очагу, а Ванда, отложив вязанье, направилась к буфету, чтобы достать тарелки и ложки.

— Так ты говоришь, Отто, — продолжала матушка Катрина, — это наш Эрик сегодня хорошо ответил господину доктору?

— Хорошо ответил? Он говорил, как по книге читал, честное слово! — восторженно воскликнул Отто. — Я даже не понимаю, откуда он это все узнает. Чем больше доктор спрашивал, тем больше он отвечал! А слова у него так и лились! До чего же был доволен господин Маляриус!

— И я тоже была очень довольна, — серьёзно сказала Ванда.

— Понятно! Мы все были рады! Если бы вы, мама, только видели, как мы сидели, разинув рты! Мы боялись только, как бы нас тоже не вызвали! А он ничуть не боялся и отвечал доктору, как отвечал бы нашему учителю!

— Подумаешь! Господин Маляриус стоит любого доктора и уж знает он, конечно, не меньше! — сказал Эрик, смутившись от того, что его хвалили при всех.

Старый рыбак удовлетворённо улыбнулся.

— Ты прав, малыш, — сказал он, не выпуская работы из своих мозолистых рук. — Господин Маляриус заткнул бы за пояс, если бы захотел, всех городских докторов. К тому же он не разоряет своей учёностью бедных людей!

— А разве доктор Швариенкрона кого-нибудь разорил? — с любопытством спросил Эрик.

— Гм!.. Гм!.. Если этого не случилось, то уж не по его вине! А я вам скажу, и можете мне поверить, что я глядел без всякого удовольствия, как строилась его фабрика, которая теперь коптит на берегу фьорда. Мать может вам подтвердить, что раньше мы сами изготовляли рыбий жир и выручали за него в Бергене по сто пятьдесят и даже по двести крон в год! А теперь баста! Никто уже не захочет покупать неочищенный рыбий жир, или же за него дают так мало, что не стоит даже тратиться на дорогу. Только и остаётся, что продавать тресковую печень на фабрику. И, бог свидетель, управляющий доктора всякий раз норовит взять подешевле. Мне едва удаётся выручить за неё сорок пять крон, а труда затрачиваешь в три раза больше, чем раньше... Так вот, я и

говорю, что это несправедливо. Уж лучше бы доктор лечил своих больных в Стокгольме, чем лишать нас ремесла и отнимать заработок.

Все умолкли после этих горьких слов. В течение нескольких минут слышался только стук тарелок, расставляемых Вандой, между тем как мать её выкладывала кушанье да глиняное глазированное блюдо весьма внушительных размеров.

Эрик глубоко задумался над словами маастера Герсебома. Смутные возражения возникали в его уме, но он был слишком прямодушен, чтобы не высказать свои мысли вслух.

— Мне кажется, отец, что вы вправе жалеть о доходах прошлых лет, — заметил он. — Но не совсем справедливо обвинять в их уменьшении доктора Швариенкрона. Разве его рыбий жир не лучше, чем наш?

— Лучше? Прозрачнее, только и всего! Да они ещё говорят, что от него не пахнет дымом, как от нашего... Потому-то его и предпочитают все городские дамочки. Но, почём знать, — полезен ли он так для лёгочных больных, как наш прежний добрый рыбий жир!

— Всё-таки, по той или иной причине, но его предпочитают! А так как это очень целебное лекарство, то важно, чтобы больные, принимая его, не чувствовали отвращения. Поэтому, если врач находит средство уменьшить неприятный вкус лекарства, изменив способ приготовления, то разве он не должен воспользоваться этим преимуществом?

Маастер Герсебом почесал затылок.

— Конечно, — ответил он с сожалением, — может быть, это его долг как врача» Но отсюда не следует, что нужно мешать бедным рыбакам зарабатывать на жизнь...

— На фабрике доктора, как я знаю, занято свыше трехсот работников, а в то время, о котором вы говорите, в Нороз не было и двадцати рабочих, — робко возразил Эрик.

— Потому-то работа теперь ни во что не ценится! — воскликнул Герсебом.

— Ну хватит! Ужин подан, садитесь за стол, — сказала матушка Катрина, видя, что спор становится более жарким, чем это казалось ей донустимым.

Эрик, поняв, что дальнейшие возражения были бы неуместны, оставил без ответа довод маастера Герсебома и занял своё обычное место за столом рядом с Вандой.

— Доктор и господин Малярнус друг с другом «на ты». Значит, они друзья детства? — спросил он, чтобы переменить тему разговора.

— Конечно, — ответил рыбак, усаживаясь за стол. — Оба они родились в Нороз, и я помню время, когда они играли на площадке перед школой, хотя я и моложе их лет на десять. Малярнус был сыном нашего врача, а доктор — сыном простого рыбака. Но он здорово изменился с тех пор! Говорят, что он миллионер и живёт в Стокгольме в настоящем дворце. Да, образование вещь хорошая!

Произнеся эту сентенцию, рыбак только было собрался погрузить ложку в дымящееся варево из рыбы и картофеля, как ему помешал стук в дверь.

— Можно войти, хозяин Герсебом? — раздался в сенях громкий и звучный голос.

И, не дожидаясь ответа, тот самый человек, о котором только что шла речь, вошёл в комнату, внеся с собой струю ледяного воздуха.

— Господин доктор Швариенкрона! — воскликнули трое детей, в то время как отец и мать поспешно встали из-за стола.

— Мой дорогой Герсебом, — сказал учёный, пожимая руку рыбака. — Мы не виделись в течение многих лет. Но я не забыл вашего замечательного отца и подумал, что могу зайти к вам запросто, на правах друга детства.

Честный рыбак, несколько смущённый тем, что он только сейчас выдвигал против доктора обвинения, не знал, как ответить на его слова, ограничившись крепким рукопожатием и радушной улыбкой. А жена его между тем суежилась, поторапливая детей.

— Живее, Отто, Эрик, помогите господину доктору снять шубу, а ты, Ванда, подай тарелку и ложку, — говорила матушка Катрина, гостеприимная, как и все норвежские хозяйки.

— Ей-богу, поверьте, я не отказался бы от этого соблазнительного блюда, если бы был голоден, но ещё и часа не прошло, как я поужинал вместе с моим другом Малярнусом.

Я, конечно, не пришёл бы так рано, если бы предполагал, что застану вас за столом. Прошу вас, доставьте мне удовольствие: не обращайтесь на меня внимания и продолжайте ужин.

— Тогда выпейте с нами хоть чашечку чая со сноргасом, — упрашивала добрая женщина.

— На чашку чая согласен, но только с условием, что вы раньше поужинаете, — ответил доктор, удобно расположившись в большом кресле.

Ванда бесшумно поставила чайник на огонь и незаметно, подобно эльфу, проскользнула в соседнюю комнату, а все остальные, поняв, с присущей им деликатностью, что дальнейшие упрасивания только стесняли бы доктора, снова принялись за еду.

Через несколько минут доктор уже совсем освоился. Помешивая угли в очаге, куда матушка Катрина успела подбросить сухого топлива, и грея ноги у огня, он вспоминал прошлое, старых знакомых, многие из которых уже умерли, говорил об изменениях, происшедших в стране и в самом Бергене. Он чувствовал себя совсем как дома, и, что удивительно, ему даже удалось вернуть маастеру Герсебому его обычное спокойствие.

В комнату вошла Ванда с деревянным подносом, уставленным блюдечками, и так мило протянула его доктору, что он никак не мог отказаться.

Это были знаменитые норвежские «сноргас» — тонкие кусочки копчёной оленины, селёдки, посыпанной красным перцем, ломтики чёрного хлеба, острого сыра и другие пряности, которые едят в любое время для возбуждения аппетита.

Сноргас так хорошо отвечал своему назначению, что доктор, который попробовал это кушанье сначала только из вежливости, теперь уже был в состоянии оказать честь хозяйке дома, отведав варенья из шелковицы, которым славилась матушка Катрина, а для утоления жажды ему понадобилось не менее семи — восьми чашек чая без сахара.

Маастер Герсебом поставил на стол глиняный кувшин с превосходным «скидем» — голландской водкой, которая досталась ему от одного покупателя-голландца. Затем, когда ужин был окончен, доктор принял из рук хозяина огромную

трубку, набил её табаком и закурил, ко всеобщему удовольствию.

Нечего и говорить, что лёд был сломлен, и доктору стало казаться, что он давно уже находится в этом доме как член семьи. Оживлённая беседа, шутки и смех были прерваны десятью ударами старых стенных часов в футляре из полированного дерева.

— Уже поздно, дорогие друзья, — сказал доктор. — Если детям пора отправляться спать, то мы сможем поговорить с вами о серьёзных делах.

По знаку Катрины Отто, Эрик и Ванда пожелали всем спокойной ночи и немедленно удалились.

— Вы, наверное, удивлены моему вторжению, — продолжал доктор после минутного молчания, устремив пронизательный взгляд на маастера Герсебома.

— Мы всегда рады гостю, — серьёзно ответил рыбака.

— О, я знаю, Нороз всегда славился гостеприимством!.. И все же вы, наверное, подумали, что я неспроста пришёл к вам, покинув в этот вечер моего старого друга Малярнуса. Бьюсь об заклад, что матушка Герсебом даже кое-что подозревает на этот счёт.

— Мы узнаем об этом, когда вы нам сами расскажете, — заметила дипломатично славная женщина.

— Итак, — вздохнул доктор, — если вы не хотите помочь, то мне самому придётся приступить к делу. Ваш сын Эрик незаурядный ребёнок, маастер Герсебом.

— Я на него не жалуюсь, — ответил рыбака.

— Для своего возраста он очень умён и образован, — продолжал доктор. — Я проверял сегодня в школе его знания и был поражён его необычными способностями к наукам и умению мыслить. Я был также удивлён, узнав его имя, так как он на вас совсем не похож и сильно отличается от местных детей.

Рыбак и его жена слушали молча и внимательно.

— Короче говоря, — продолжал доктор с некоторым нетерпением, — этот мальчик меня не только занимает, но и серьёзно интересует. Я беседовал о нем с Малярнусом и узнал от него, что он не родной ваш сын, что он попал сюда после кораблекрушения, что вы его подобрали, воспитали,

усыновили и даже дали ему своё имя. Все это так, — не правда ли?

— Да, господин доктор, — серьёзно ответил Герсебом.

— Если он не наш сын по крови, то всё равно мы его любим всем сердцем! — воскликнула Катрина. Её губы задрожали и на глаза навернулись слезы.

— Мы не делаем никакого различия между ним и нашими Отто и Вандой, и даже никогда об этом не вспоминаем.

— Такие чувства делают вам обоим честь, — сказал доктор, растроганный волнением доброй женщины. — Но я попрошу вас, друзья мои, рассказать мне всю историю этого ребёнка. Я специально к вам пришёл, чтобы узнать её и, поверьте мне, желаю ему самого лучшего.

Почёсывая за ухом, рыбак, казалось, колебался, но видя, что доктор с нетерпением ожидает его рассказа, наконец решился и приступил к делу:

— Все так и есть, как вам говорили, и ребёнок действительно не наш сын, — сказал он как бы с сожалением. — Вот уже скоро двенадцать лет с того памятного дня, как я отправился рыбачить по ту сторону острова, который прикрывает выход из фьорда в открытое море. Вы же знаете, за этим островком тянется песчаная отмель и треска там водится в изобилии. После хорошего улова я снимал свои последние снасти и собирался поднять парус, когда моё внимание привлёк плывущий по волнам какой-то белый предмет, освещённый лучами заходящего солнца. Море было спокойно, и я не торопился домой. Вместо того, чтобы повернуть лодку к Нороз, я направил её из любопытства на этот белый предмет.

Минут через десять я поравнялся с ним. Оказалось, что с наступающим приливом к берегу приближалась маленькая колыбель из ивовых прутьев, покрытая муслиновой накидкой и крепко привязанная к спасательному кругу. Я приблизился к нему с большим волнением. Схватив круг, я вытянул его из воды и заметил тогда в колыбели несчастного младенца семи — восьми месяцев. Малютка спал крепким сном. Он был бледненький и посинел от холода, но, казалось, не слишком пострадал от такого необычного и опасного путешествия. Об этом можно было судить, когда он начал кричать во весь голос, почувствовав, что волны больше его не

укачивают. У нас уже в это время был Отто, и я умел обращаться с такими малышами. Я поспешил сделать соску из тряпки, обмакнул её в водку, разведённую водой, и сунул ему в рот. Он тотчас же замолчал и, казалось, принял это подкрепляющее средство с большим удовольствием. Но я знал, что надолго ему этого не хватит, и быстро вернулся в Норрö. Разумеется, люльку я отвязал и поставил в лодку у своих ног. Не выпуская из рук шкот¹ от паруса, я смотрел на этого младенца и спрашивал себя, — откуда он взялся? Без сомнения, он мог попасть сюда с корабля, потерпевшего крушение. Ночью море было беспокойное, свирепствовал ураган. Но какое стечение обстоятельств помешало ребёнку избежать участи его родных? Кому пришло в голову привязать его к спасательному кругу? Много ли часов провёл он на волнах? Что случилось с его отцом, матерью и со всеми, кому он был дорог? Сколько вопросов должны были навсегда остаться без ответа, — ведь бедный малютка ничего не мог объяснить. Коротко говоря, не прошло и получаса, как я был дома и вручил мою находку Катрине. Тогда мы держали корову, которая и стала кормилицей малыша. Напившись вволю молока и обогревшись у огня, он стал таким хорошеньким, розовеньким и так мило улыбался, что, честное слово, мы его сразу же полюбили, как своего собственного сына. Вот и весь рассказ! Мы его выходили, оставили у себя и никогда не делаем различия между ним и нашими двумя детьми. Не правда ли, жена? — добавил маастер Герсебом, оборачиваясь к Катрине.

— Ну, конечно, бедный малютка! — ответила хозяйка, смахивая слезы, навернувшиеся при этих воспоминаниях. — И ведь это в самом деле наше дитя, раз мы его усыновили. Я даже не знаю, зачем господину Маляриусу понадобилось говорить, что он нам не родной.

И славная женщина, глубоко возмущённая этим, принялась в сердцах вертеть своё веретено.

— Правильно, — подтвердил Герсебом, — разве это касается кого-нибудь, кроме нас?

— Вы правы, — миролюбиво сказал доктор, — но зачем обвинять Маляриуса в болтливости. Во всем виноват я

¹ Шкот — снасть для унравления нарусом

один. Это я попросил его рассказать мне по секрету историю ребёнка, так поразившего меня. Малярнус не скрыл, что Эрик считает себя вашим сыном и что в Нороз давно уже все забыли, откуда он взялся. Вы же видите, что я вёл этот разговор в отсутствии мальчика и попросил отправить его спать вместе с Отто и Вандой... Вы говорите, что ему могло быть семь или восемь месяцев в то время, когда вы его нашли?

— Около того. У него было уже четыре зуба, у этого разбойника, и я уверяю вас, что он довольно быстро их пустил в ход, — сказал, смеясь, Герсебом.

— О, это был замечательный ребёнок, — живо подхватила Катрина, — такой беленький, упитанный крепыш! А какие ручки и ножки — стоило на них поглядеть!

— А как он был одет? — спросил доктор Швариенкрона.

Герсебом ничего не ответил, но жена его оказалась менее сдержанной.

— Как маленький принц! — воскликнула она. — Представьте себе, господин доктор, пикейное платьице, обшитое кружевами, шубка на шёлковой подкладке — не хуже, чем у настоящего королевского сына, плиссированный капор и белый бархатный конверт. Все самое красивое! Впрочем, вы в этом сами можете убедиться: я сберегла его вещицы в целости и сохранности. Вы же понимаете, что мы не стали во все это наряжать малютку. Я отдала ему платьица, из которых вырос Отто, а потом они перешли к Ванде. Приданое малыша здесь, и я вам его сейчас покажу.

Говоря это, честная женщина опустилась на колени перед большим дубовым сундуком со старинным запором, подняла крышку и стала в нём усердно рыться. Один за другим она извлекла оттуда все названные предметы и с гордостью развернула их перед доктором. Там были также тончайшие батистовые пелёнки, роскошный кружевной чепчик, маленькое шёлковое одеяльце и белые шерстяные носочки.

Доктор тотчас же заметил, что все эти вещицы были помечены изящно вышитыми инициалами «Э.Д.»

— «Э.Д.»! Потому-то вы и назвали мальчугана Эриком? — спросил он.

— Вы угадали, — ответила Катрина, у которой от этого занятия повеселело лицо, между тем как у её мужа оно,

напротив, помрачнело. — А вот это самая красивая вещица. Она была у него на шее, — добавила Катрина, вытаскивая из тайника золотое колечко для зубов. Оно было украшено кораллами и висело на тонкой цепочке.

На нём были выгравированы те же самые инициалы Э.Д., обрамлённые латинским изречением: *Semper idem*.

— Мы подумали было, что это имя ребёнка, — заметила она, видя старания доктора разобрать надпись, — но господин Малярнус нам объяснил, что здесь написано: «Всегда такой же». Не так ли?

— Господин Малярнус сказал вам правду, — ответил доктор на этот далеко не бесхитростный вопрос. — Ясно, что ребёнок родился в богатой и знатной семье... — добавил он, в то время как Катрина убирала приданое в сундук. — А вы не задумывались над его происхождением?

— А как узнаешь об этом, если я нашёл его в море? — ответил Герсебом.

— Да, но вы сказали сами, что колыбель была привязана к спасательному кругу. А по морскому обычаю на круге всегда указывают название корабля, которому он принадлежит, — возразил доктор, пристально взглянув рыбаку прямо в глаза.

— Разумеется, — ответил тот, опустив голову.

— Ну, так какое же название было на этом спасательном круге?

— Ах, господи, сударь, да я же не учёный! Я немного умею читать на моем родном языке, но на чужих языках, — увольте. Да и к тому же это было так давно.

— Тем не менее вы должны хоть приблизительно вспомнить. Ведь вы, конечно, показывали этот круг, как и все остальное, господину Маляриусу? Ну же, маастер Герсебом, подумайте. Не «Цинтия» ли было написано на этом круге?

— Мне кажется, что там было что-то вроде этого, — уклончиво ответил рыбак.

— Это иностранное название. Но какой страны, как повашему, маастер Герсебом?

— Да почём я знаю? И откуда мне знать все эти дьявольские страны. Ведь я никогда и не выходил за пределы Бергена и Нороз, если не считать одного или двух раз, когда я

рыбачил у берегов Исландии и Гренландии, — ответил он недовольным тоном.

— Я бы охотно предположил, что это английское или немецкое название, — сказал доктор, как бы намеренно не замечая тона своего собеседника. — Я мог бы это легко определить по форме букв, если бы увидел круг. Вы не сохранили его?

— Нет, чёрт возьми, он уже давным-давно сожжён! — не без ехидства воскликнул Герсебом.

— Маляриус запомнил, что буквы были латинские, — произнёс доктор, как бы размышляя вслух, — и на белье тоже латинские; значит, можно допустить, что «Цинтия» не немецкое судно¹. Я склонен думать, что это был английский корабль. А вы как думаете, маастер Герсебом?

— Меня это мало трогает, — ответил рыбак. — Будь он английским, русским или патагонским, это не моя забота. Не мало времени прошло с тех пор, как этот корабль поделился своей тайной с океаном на трех— или четырехкилометровой глубине.

Можно было подумать, маастера Герсебома даже радовало, что тайна судна погребена на дне морском.

— Но вы, конечно, пытались отыскать семью ребёнка? — спросил доктор, и сквозь стекла его очков, казалось, блеснуло лукавство. — Вы, наверное, обращались к мэру Бергена, просили напечатать объявления в газетах? Не так ли?

— Я? — воскликнул рыбак. — Ничего подобного я не делал. Одному богу известно, откуда взялся этот ребёнок и кто о нем печалился. Да и мог ли я швырять деньги на ветер и разыскивать людей, которые так мало о нем тревожились? Представьте себя на моем месте, доктор. Кто-кто, а я-то уж далеко не миллионер! Нечего и сомневаться, если бы даже мы и потратили всё, что имели, то всё равно не добились бы толку! Мы сделали, что могли: воспитали мальчика, как своего родного сына, любили его, лелеяли...

— Даже больше, чем родных детей, если только это возможно, — перебила его Катрина, утирая слезы концом пе-

¹ В XIX веке в Германии был повсеместно распространён готический прифт.

редника. — Уж если мы и можем себя в чём-нибудь упрекнуть, то только в том, что давали ему слишком много ласки.

— Чёрт возьми, Герсебом, вы меня просто обидите, если подумаете, что ваше доброе и хорошее отношение к бедному приёмышу вызвало во мне какое-либо иное чувство, кроме глубокого восхищения! Нет, вы не должны думать ничего подобного! Но если вы хотите, чтобы я говорил с вами начистоту, то я думаю, что именно любовь к Эрику и заставила вас забыть о вашем долге. А долг состоял в том, чтобы найти семью ребёнка, приложив к этому все усилия!

Воцарилось глубокое молчание.

— Возможно! — произнёс наконец маастер Герсебом, потупив голову от этих упреков. — Но что сделано, того не воротишь. Теперь Эрик уже действительно наш, и я не намерен рассказывать ему об этой старой истории.

— Успокойтесь! Разумеется, я не употреблю во зло ваше доверие, — сказал доктор, вставая. — Уже поздно, и я должен покинуть вас, мои добрые друзья. Желаю вам спокойной ночи и — без всяких угрызений совести, — добавил он многозначительно.

Затем, надев свою меховую шубу, он отклонил предложение рыбака проводить его, сердечно пожал руки хозяевам и направился в сторону фабрики.

Герсебом задержался на несколько секунд у порога, глядя на его удаляющуюся фигуру, освещённую лунным светом.

— Ну и дьявол! — пробормотал он сквозь зубы, решив, наконец, закрыть дверь.

Глава третья.

РАЗМЫШЛЕНИЯ МААСТЕРА ГЕРСЕБОМА

Когда на следующее утро, после тщательного осмотра фабрики, доктор Швариенкрона заканчивал завтрак вместе со своим управляющим, вошёл человек, в котором юн не без труда признал маастера Герсебома.

Одетый в праздничный костюм, состоящий из отороченного мехом пальто, вышитого жилета и старомодной высокой шляпы, рыбак выглядел совсем не так, как в своей обычной рабочей куртке. И уже окончательно делал его не

похожим на самого себя грустный и растерянный вид. Прекрасневшие веки свидетельствовали о бессонной ночи.

Так оно и было в действительности. Маастер Герсебом, до сих пор никогда не знавший укоров совести, ни на минуту не сомкнул глаз, ворочаясь с боку на бок на кожаном тюфяке. Под утро он поделился своими грустными думами с матушкой Катриной, которая тоже провела всю ночь без сна.

— Знаешь, Катрина, я все время размышляю о том, что сказал нам доктор, — произнёс он, измученный бессонницей.

— И я тоже об этом не перестаю думать с тех пор, как он ушёл, — ответила честная женщина.

— Мне кажется, тут есть какая-то доля правды, и мы были большими эгоистами, чем сами могли предположить. Как знать, не имеет ли наш мальчик права на какое-нибудь большое состояние и не лишился ли он его из-за нашей беспечности?.. Как знать, не оплакивают ли Эрика в течение двенадцати лет его родные, которые справедливо могут обвинить нас в том, что мы даже и не попытались вернуть им ребёнка?

— То же самое тревожит и меня, — ответила Катрина, вздыхая. — Если его мать жива — бедняжка! — как она должна быть несчастна, считая своего ребёнка утонувшим! Представляю, что было бы со мной, если бы мы лишились таким образом нашего Отто... Мы бы никогда не утешились!

— Я тревожусь не только о его матери. Судя по всему, её давно уже нет в живых, — продолжал Герсебом после некоторого молчания, прерываемого с той и с другой стороны новыми вздохами. — Разве можно допустить, чтобы ребёнок в таком возрасте путешествовал без матери, и кто бы мог привязать его к спасательному кругу и бросить на произвол океана, если бы она была жива?..

— И это верно, но ведь нам ничего не известно. А вдруг ей тоже удалось чудом уцелеть?

— Может быть, у неё похитили, ребёнка? Эта мысль иногда приходила мне в голову, — заметил Герсебом. — Разве можно поручиться, что кто-нибудь не был заинтересован в его исчезновении? Привязать ребёнка к спасательному

кругу — это настолько необычный случай, что допустимы всякие предположения. А раз так, то мы оказались бы соучастниками преступления и невольно способствовали бы его успеху. Даже и подумать об этом страшно!

— Кто решился бы нас обвинить, нас, усыновивших малютку только из добрых побуждений!

— Ну, конечно, ведь мы не причинили ему никакого зла! Мы его вырастили и воспитали как можно лучше. И все же мы поступили безрассудно. Настанет день, когда малыш вправе будет нас за это упрекнуть.

— Этого как раз можно не бояться, я уверена. Довольно и того, что мы сами можем себя кое в чём упрекнуть!

— Прямо удивительно, как одна и та же вещь с разных точек зрения может быть расценена совсем по-разному! Мне бы это никогда и в голову не пришло... Достаточно было нескольких слов доктора, чтобы выворотить нам душу...

Так рассуждали эти славные люди.

Неожиданное появление маастера Герсебома и было результатом их ночной беседы. Рыбак решил посоветоваться с доктором, как исправить допущенную ошибку.

Но доктор не счёл нужным сразу же вернуться к предмету вчерашнего разговора. Он дружелюбно принял Герсебома, заговорил с ним о погоде, о ценах на рыбу, притворившись, будто считает его приход обычным визитом вежливости.

Но это отнюдь не входило в расчёты маастера Герсебома, которому хотелось поскорее перейти к интересующему его вопросу. Он завёл было речь о школе господина Маляриуса, но затем собрался с духом и без дальнейших промедлений приступил прямо к делу.

— Господин доктор, — сказал он, — и я, и моя жена, мы размышляли всю ночь напролёт над тем, что вы нам сказали относительно малыша. Мы никогда не думали, что были неправы, воспитывая его как родного сына... Но вы внушили нам другие мысли, и потому я хотел посоветоваться с вами, как нам поступить теперь, чтобы и дальше не грешить по неведению. Как вы думаете, ещё не поздно начать поиски семьи Эрика?

— Выполнить свой долг никогда не поздно, — ответил доктор, — хотя сейчас эта задача кажется значительно более

сложной, чем раньше. Не согласитесь ли вы поручить её мне? Я бы охотно взялся за это дело и приложил бы к нему все силы, но только с одним условием: вы доверите мне и ребёнка, которого я увезу с собой в Стокгольм¹.

Удар дубиной по голове не произвёл бы на маастера Герсебома более ошеломляющего действия. Он побледнел и пришёл в полное замешательство.

— Вам доверить Эрика?.. Отослать его в Стокгольм?.. Но для чего, доктор?.. — спросил он прерывающимся от волнения голосом.

— Сейчас я вам объясню... Мальчик привлёк моё внимание не только своей внешностью, которая резко отличает его от товарищей. Меня особенно поразил его живой ум, его ярко выраженные способности к наукам. Ещё до того, как я узнал о необычном появлении Эрика в Нороз, я сказал себе, что было бы величайшим преступлением оставлять этого одарённого ребёнка в сельской школе, даже и у такого учителя, как Маляриус. Ведь здесь многого не хватает, что могло бы развить его редкие способности — здесь нет ни музеев, ни учебных пособий, ни библиотек, ни равных ему по развитию товарищей. Вот что побудило меня заинтересоваться Эриком и разузнать его историю. Ещё не зная её, я загорелся желанием предоставить мальчику возможность получить законченное образование... И теперь вы, конечно, поймёте, почему эта мысль, когда вы сообщили о нем все подробности, ещё больше завладела мною. Разумеется, мои заботы о малыше не могут ограничиться только поисками его родителей... Мне незачем вам напоминать, маастер Герсебом, что ваш приёмный сын, очевидно, происходит из богатой и знатной семьи. Неужели вы хотите, чтобы я вернулся в семью, если удастся её найти, ребёнка, воспитанного в деревенских условиях и не получившего надлежащего образования, без которого он будет резко отличаться от своей новой среды? Это было бы по меньшей мере неразумно, а вы достаточно рассудительный человек, чтобы согласиться с моими доводами...

¹ До 1905 года Швеция и Норвегия составляли одно государство; столица Швеции — Стокгольм — считалась официально и столицей Норвегии

Маастер Герсебом опустил голову. На глаза его невольно навернулись две большие слезы и потекли по загоревшим щекам.

— Но в таком случае, — сказал он, — это заставило бы нас навсегда разлучиться. Ещё не известно, обретёт ли мальчик другую семью, а свой родной дом он потеряет. Вы слишком много требуете от нас, господин доктор, от меня и от моей жены... Ведь ребёнок счастлив, живя у нас. Почему бы его не оставить здесь, хотя бы до тех пор, пока ему не будет обеспечено более блестящее будущее?

— Счастлив, вы говорите? А разве можно поручиться, что так будет и в дальнейшем? И вы уверены, что ему не придётся, когда он вырастет, пожалеть о своём спасении? Интеллигентный и образованный человек — а таким Эрик вполне может стать, — он будет томиться в Нороз, маастер Герсебом!

— Чёрт возьми, господин доктор, наша жизнь, которую вы так презираете, нас вполне устраивает! Чем же она не подходит для мальчика?

— Я вовсе не презираю её! — запальчиво возразил учёный. — Я люблю и уважаю труд больше, чем кто бы то ни было! Неужели вы могли подумать, маастер Герсебом, что я пренебрегаю той средой, из которой вышел сам? Мой отец и дед были такими же рыбаками, как и вы. И именно потому, что я получил благодаря их предусмотрительности образование, я могу понять, какое это неоценимое благо, и хочу помочь мальчику воспользоваться тем, что должно принадлежать ему по праву. Поверьте мне, я забочусь только о его интересах.

— А кто знает, выиграет ли Эрик от того, что вы сделаете из него барчука, не способного собственными руками заработать себе на жизнь? А если вы не разыщете его семью — это вполне возможно, ведь прошло уже двенадцать лет! — какое будущее мы ему уготовим? Поверьте, господин доктор, морское ремесло вполне достойно хорошего человека и не уступит никакой другой работе! Надёжная палуба под ногами, свежий ветер, развевающий волосы, добрый улов трески в сетях — и норвежский рыбак ничего не боится и ни от кого не зависит!.. Вы говорите, что такая жизнь не принесёт Эрику счастья? Разрешите мне с этим не согла-

ситься! Уж я-то хорошо знаю мальчика. Конечно, он любит книги, но больше всего на свете он любит море! Можно подумать, что он запомнил, как оно качало его колыбельку, и никакие музеи в мире не смогут Эрику его заменить!

— У нас в Стокгольме тоже есть море, — с улыбкой сказал доктор, поневоле растроганный таким упорным сопротивлением, продиктованным любовью.

— Так чего же вы, в конце концов, хотите? — продолжал рыбак, скрестив руки на груди. — Что вы предлагаете, господин доктор?

— Ну вот, мы и подошли к самому главному!.. Вы же сами чувствуете, что необходимо что-то предпринять. Я предлагаю следующее. Эрику двенадцать лет, скоро исполнится тринадцать. Его способности не вызывают сомнения. Не важно, из какой семьи он происходит. Забудем пока о его происхождении. Он заслуживает, чтобы ему была предоставлена возможность углубить и расширить знания. Это нас и должно сейчас больше всего занимать. Я, как вы знаете, человек состоятельный и бездетный. Я берусь предоставить ему все необходимое: найму лучших учителей и буду всячески способствовать его успехам. Назначим двухгодичный срок... За этот промежуток времени я постараюсь сделать все возможное, предприму розыски, дам объявления в газеты, все поставлю на ноги, чтобы найти родителей ребёнка. И если в течение двух лет я не достигну цели, то, значит, она вообще недостижима! Допустим теперь, что его родители найдутся. Им, естественно, и предоставим решить, что делать дальше. В противном случае я возвращу вам Эрика. Ему исполнится пятнадцать лет, он многое увидит и узнает, и тогда наступит час сообщить ему правду о его происхождении. Руководствуясь нашими советами и опытом своих учителей, он сможет сознательно выбрать себе дорогу в жизни. Если он захочет остаться рыбаком, то я не буду этому противиться. Если он захочет учиться дальше, а он наверное будет этого достоин, я помогу ему закончить образование и выбрать профессию, соответствующую его склонностям. Неужели вы не согласитесь с тем, что это разумное решение?

— Больше, чем разумное!.. Вашими устами говорит сама мудрость, господин доктор! — воскликнул маастер Герсе-

бом, окончательно побеждённый столь вескими аргументами. — Вот что значит быть учёным, — продолжал он, качая головой. — Неграмотного человека переубедить нетрудно. Но как все это рассказать моей жене?.. А когда бы вы хотели забрать с собой малыша?

— Завтра! Я ни на один день не могу откладывать возвращение в Стокгольм.

У маастера Герсебома вырвался вздох, похожий на сдавленное рыдание.

— Завтра... так быстро! — сказал он. — Ну что же, чему быть, того не миновать. Пойду поговорю с женой.

— Хорошо. Посоветуйтесь также и с господином Маляриусом. Вы убедитесь, что он разделяет моё мнение.

— О, в этом я не сомневаюсь, — ответил рыбак с печальной улыбкой, он пожал доктору руку и удалился, погруженный в раздумье.

Вечером доктор Швариенкрона снова направился к дому маастера Герсебома. Он застал всю семью в сборе, но здесь уже не чувствовалось вчерашней умиротворённости и покоя. Отец молча сидел поодаль от очага, опустив руки, не привыкшие к праздности. Катрина прижимала к себе Эрика, и глаза её были полны слез. У мальчика, взволнованного неожиданной переменой своей судьбы, горели щеки и взор был затуманен грустью. Ему жаль было расставаться со всем, что он любил; и он не знал, радоваться ли ему или горевать. Маленькая Ванда уткнула голову в колени отца. Видны были только её длинные золотистые косы, тяжело падавшие на хрупкие худенькие плечи. Отто, не менее других взволнованный предстоящей разлукой с Эриком, не отходил ни на шаг от своего приёмного брата.

— Какие вы все грустные и расстроенные! — воскликнул доктор, остановившись на пороге. — На ваших лицах написано такое горе, словно Эрику предстоит невероятно опасная и далёкая экспедиция. Не стоит печалиться, друзья! Стокгольм ведь не на другом полушарии, и мальчик уезжает от вас не навсегда! Он будет вам часто писать, в этом я не сомневаюсь. Ведь многие мальчики покидают родной дом, отправляясь в колледж. Эрик вернётся к вам через два года повзрослевшим и образованным. Он изменится во всех отношениях только к лучшему. Право же, не стоит горевать. Поймите, что это неразумно!

Матушка Катрина встала. Во всем её облике чувствовалось врождённое достоинство, свойственное крестьянкам северных стран.

— Господин доктор, бог свидетель, как я благодарна вам за всё, что вы делаете для нашего Эрика, — сказала она, — но не стоит нас укорять за то, что мы огорчены его отъездом. Герсебом объяснил мне, что разлука необходима. Я вынуждена подчиниться, но не требуйте, чтобы мы отнеслись к ней легко и без сожаления.

— Мама, я не поеду, если это вас так огорчает! — воскликнул Эрик.

— Нет, нет, дитя моё, — возразила добрая женщина, принимая его. — Образование пойдёт тебе на пользу, и мы не вправе лишать тебя его! Поблагодари же, мой сын, господина доктора, который хочет тебя сделать учёным, и постарайся доказать своим прилежанием, как ты ценишь его заботы.

— Да что вы, что вы! — сказал доктор, очки которого как-то странно помутнели. — Уж не хотите ли вы, чтобы и я расчувствовался? Поговорим-ка лучше о наших делах. Вы же знаете, что мы должны выехать рано утром. Успеете ли вы все приготовить? Говоря «все», я имею в виду только самое необходимое. Мы доедем на санях до Бергена, а там пересядем в поезд. Эрику нужно дать с собой немного белья. Остальную одежду он получит в Стокгольме...

— Вещи будут собраны, — ответила просто матушка Герсебом. — Ванда, а ведь доктор все ещё стоит, — добавила она с чисто норвежской учтивостью.

Девочка поспешила подвинуть доктору большое кресло из полированного дуба.

— Не беспокойтесь, я уже ухожу, — заявил доктор. — Маляриус ждёт меня к ужину. Ну как, флипка¹, — сказал он, положив руку на белокурую головку девочки, — ты на меня не очень сердишься за то, что я увожу твоего братца?

— Нет, господин доктор, — серьёзно ответила Ванда, — Эрику там будет лучше. Ему нечего делать у нас в деревне.

— А ты будешь скучать без него, детка?

— Особенно будет скучно без него на берегу, — задумчиво сказала девочка. — И чайки будут скучать, и море, и

¹ Обращение к девочке (Прим.авт.)

дом онустеет... Но зато Эрик будет рад. Он получит много книг и станет учёным.

— А его славная маленькая сестричка будет радоваться вместе с ним, — не так ли, детка? — произнёс доктор, целуя девочку в лоб. — И она будет гордиться им, когда он придет обратно?.. Ну, значит, все улажено! А теперь мне надо спешить! До свиданья!

— Господин доктор, — робко обратилась к нему Ванда, — я хотела бы вас кое о чём попросить.

— Пожалуйста, фликка!

— Вы сказали, что поедете на санях. Я хотела бы с разрешения родителей отвезти вас до первой почтовой станций.

— Как жаль! Ведь я уже обещал то же самое Регнильде, дочери моего управляющего.

— Она мне сама об этом сказала. Регнильда согласна уступить мне своё место, если вы позволите.

— В таком случае тебе остаётся только получить разрешение у папы и мамы.

— Они согласны.

— Ну, значит, и я не возражаю, — ответил доктор, уходя.

На следующее утро, когда большие сани остановились перед домом Герсебома, Ванда, как было решено накануне, сидела на козлах с поводьями в руках. Ей предстояло доехать до соседней деревни, а там доктор должен был переменить лошадь и найти другую девочку-возницу, и так — до самого Бергена. Любой иностранец удивился бы, конечно, столь необычному кучеру. Но уж таков обычай в Швеции и Норвегии. Мужчины, считая исполнение подобных обязанностей бесполезной тратой времени, нередко доверяют править тяжёлыми упряжками десяти-двенадцатилетним детям, которые приучены к этому с малолетства.

Доктор уже возлежал в глубине саней, закутанный в меховую шубу. Эрик сел рядом с Вандой, нежно простившись с отцом и братом, грустное молчание которых красноречивее всяких слов говорило о том, как они огорчены разлукой с ним. Что же касается менее сдержанной Катрины, то она твердила мальчику сквозь слезы:

— Прощай, сынок, и никогда не забывай, чему мы тебя учили. Будь честным и мужественным! Никогда не лги! Работай как можно лучше! Всегда помогай тем, кто слабее те-

бя! А если тебе не удастся найти счастье, которое ты заслуживаешь, возвращайся к нам, и ты его найдёшь здесь!..

Ванда натянула поводья, лошадь побежала рысью, колокольчики зазвенели. Погода была холодная, и сани хорошо скользили по оледеневшей дороге, гладкой, как стекло. Бледное солнце, стоявшее низко над горизонтом, покрывало нежной позолотой усыпанную снегом землю. Прошло несколько минут, и Нороз скрылся вдали.

Глава четвертая.

В СТОКГОЛЬМЕ

Доктор Швариенкрона жил в Стокгольме, в богатом особняке, находящемся на острове Стедсхольмен. Это самый старинный и аристократический квартал столицы, одной из наиболее живописных и привлекательных в Европе, одной из тех чудесных столиц, которую иностранцы посещали бы гораздо чаще, если бы мода и предрассудки оказывали на маршруты путешествий такое же влияние, как хотя бы на фасоны шляп.

Расположенный между озером Мелар и Балтийским морем, на восьми островах, соединённых между собой бесчисленными мостами, обрамлённый великолепными набережными, оживляемый непрерывным движением пароходов, заменяющих здесь омнибусы¹, весёлостью своего трудолюбивого населения, самого гостеприимного, вежливого и образованного в Европе, Стокгольм, со своими большими городскими садами, библиотеками, музеями, научными учреждениями является одновременно и северными Афинами², и крупным торговым центром.

Между тем Эрик находился под впечатлением разлуки с Вандой, расставшейся с ним на первой подставе³. Прощание детей было более тягостным, чем можно было ожидать в их возрасте. Они не в состоянии были скрыть друг от друга глубокого волнения.

¹ О м н и б у с — многоместная карета, запряжённая лошадьми; выпешдшний из употребления вид городского транспорта.

² С е в е р н ы е А ф и н ы — иносказательное выражение; в древней Греции город Афины славился своими учёными и ремесленниками.

³ Н о д с т а в а — рейсовая станция, где меняют лошадей.

Но когда карета, ожидавшая доктора на вокзальной площади, остановилась перед большим каменным домом, сквозь двойные рамы которого лился яркий газовый свет, Эрик замер от восторга. Медный дверной молоток показался ему отлитым из чистого золота. Вестибюль, облицованный мраморными плитами, украшенный статуями, бронзовыми канделябрами и большими китайскими вазами, окончательно его ошеломил. Пока слуга в ливрее помогал доктору снять шубу и учтиво осведомлялся о его здоровье, Эрик с изумлением оглядывался по сторонам.

Шум голосов привлёк его внимание и заставил обернуться к лестнице с массивными дубовыми перилами, застланной ковром. По лестнице снускались две особы, чьи платья показались Эрику ослепительно красивыми. Одна из них, седая дама среднего роста, выглядевшая очень гордой, была в чёрном суконном платье со складками, достаточно коротком, чтобы можно было заметить красные чулки с жёлтыми стрелками и башмаки на пряжках. За поясом у неё висела на стальной цепочке огромная связка ключей. Она величественно держала голову и бросала по сторонам быстрые и пронизательные взгляды. Это была фру¹ Грета-Мария, экономка доктора, неограниченный повелитель по части кулинарии и домашнего хозяйства.

Позади неё шла девочка лет одиннадцати — двенадцати, показавшаяся Эрику настоящей сказочной принцессой. Вместо национального наряда, единственного, который ему приходилось видеть у девочек её возраста, на ней было синее бархатное платье. Белокурые волосы спадали с плеч шелковистыми локонами. На ногах у неё были чёрные чулки и шёлковые туфельки. Огромный бант вишнёвого цвета, похожий на бабочку, оживлял необычно бледное лицо, освещённое фосфорическим блеском зелёных глаз.

— Как я рада, дядя, что снова вижу вас! Хорошо ли вы съездили? — воскликнула она, бросаясь доктору на шею.

Девочка едва соблаговолила удостоить взглядом Эрика, скромно державшегося в стороне.

Доктор приласкал её, подал руку экономке, а затем позвал Эрика к себе.

¹ Фру — госножа; обращение к замужней женщине в скандинавских странах.

— Кайса и фру Грета! Прошу вас любить и жаловать Эрика Герсебома, которого я привёз из Норвегии, — сказал доктор. — А ты, мой мальчик, не робей, — добродушно добавил ан. — Фру Грета совсем не такая строгая, какой она кажется с первого взгляда, а моя племянница Кайса вскоре с тобой подружится. Не так ли, моя крошка? — спросил он, ласково ущипнув маленькую фею за щёчку. Но маленькая фея ответила на это только пренебрежительной гримасой. Что же касается экономки, то она как будто тоже не была в восторге от представленного ей новичка.

— А нельзя ли узнать, господин доктор, что это за мальчик? — спросила она недовольным тоном, поднимаясь по лестнице.

— Ну, конечно, конечно, фру Грета, позднее вы все узнаете, — ответил доктор. — А пока, если вы не возражаете, не мешало бы перекусить.

В обеденном зале, на столе, покрытом белоснежной скатертью, на сверкающих хрустальных блюдах были разложены снегас. Эрик даже и не представлял себе подобной роскоши, так как у норвежских крестьян не принято употреблять столовое бельё. Даже тарелки там вошли в обиход совсем недавно. Большинство норвежских крестьян и сейчас ещё едят рыбу на хлебных лепёшках и не видят в этом неудобства.

Понадобились настойчивые приглашения доктора, прежде чем мальчик решился сесть за стол, а неловкость его движений навлекла на него не один иронический взгляд со стороны «фрекен»¹ Кайсы. Но чувство голода заставило юного путешественника преодолеть свою застенчивость. Обед, поданный после сноргас, привёл бы в смятение французский желудок и насытил бы целый батальон пехотинцев после двадцативосьмикилометрового перехода: рыбный суп, домашний хлеб, гусь, начинённый каштанами, отварная говядина с гарниром из всевозможных овощей, груда дымящегося картофеля, крутые яйца, пудинг с изюмом — все это было взято приступом и уничтожено.

Когда обильная трапеза, прошедшая почти в полном безмолвии, была окончена, все перешли в кабинет — просторную комнату с дубовыми панелями, в шесть окон, огромные амбразуры которых, завешанные тяжёлыми суконными шторами, в руках умелого французского архитектора могли бы превратиться в отдельные комнатки. Доктор сел у огня в большое кожаное кресло. Кайса устроилась у его ног на скамеечке. А Эрик, смущённый и чувствующий себя здесь чужим, подошёл к окну с намерением укрыться в глубокой тёмной нише. Но доктор помешал ему это сделать.

— Ну же, Эрик, подойди сюда, погрейся! — воскликнул он своим звонким голосом. — И скажи нам, как тебе понравился Стокгольм?

— Улицы здесь очень тёмные и узкие, а дома высокие, — ответил Эрик.

— Да, немного повыше, чем в Нороз, — заметил доктор, смеясь.

— Они мешают смотреть на звезды, — продолжал мальчик.

— Это потому, что наш дом находится в богатом квартале, — сказала Кайса, обиженная этой критикой. — Стоит только перейти мост, и сразу попадёшь на более широкие улицы.

— Я видел их по дороге с вокзала, но даже самая красивая из них не так широка, как фьорд в Нороз, — возразил Эрик.

¹ Фрекен — обращение к девушке в скандинавских странах.

— Ай-ай! — покачал головой доктор. — Это уже похоже на тоску по родине.

— Нет, дорогой доктор, — решительно произнёс Эрик, — я вам слишком обязан, чтобы жалеть о своём приезде, но ведь вы сами меня спросили, что я думаю о Стокгольме, вот я вам и ответил.

— Норр, должно быть, отвратительная глухая дыра! — заявила Кайса.

— Отвратительная глухая дыра! — с возмущением воскликнул Эрик. — Те, кто утверждают подобное, наверное лишены глаз, фрекен Кайса. Если бы вы только могли увидеть пояс гранитных скал, окружающих наш фьорд, горы и ледники, наши сосновые леса, кажущиеся совсем чёрными на фоне бледного неба! А внизу — огромное море, то бурное и зловещее, то такое ласковое, будто оно хочет тебя убаюкать. А чайки, которые исчезают вдаль, а потом возвращаются и, пролетая над головой, почти задевают тебя крылом!.. О, все это так прекрасно, что и сомневаться нечего, — гораздо лучше, чем в городе!

— Я говорю не о пейзаже, а только о домах, — ответила Кайса. — Ведь там только простые крестьянские лачуги, не так ли, дядя?

— Да, дитя моё, крестьянские лачуги... Там родились твои дед и отец, а также вырос и я, — серьёзно ответил доктор.

Кайса покраснела и умолкла.

— Конечно, у нас деревянные дома. Пусть деревянные, но они не хуже других, — продолжал Эрик. — По вечерам мы часто собираемся всей семьёй, и, пока отец чинит свою сеть, а мать сидит за прялкой, мы трое, Отто, Ванда и я, примостившись на низенькой скамеечке, с нашим верным псом Клаасом у ног, начинаем вместе вспоминать старинные саги¹ и следим за тенями, танцующими на потолке. А когда за окном завывает ветер и знаешь, что все рыбаки вернулись на берег, как хорошо и уютно чувствуешь себя в

¹ Саги — прозаические произведения устного народного творчества. Скандинавские саги представляют собой пространственные новеллы, посвящённые эпизодам из национальной истории, подвигам героев или богов; возникли в период раннего средневековья.

нашем теплом доме, ничуть не хуже, чем в этом красивом зале!

— А ведь это у нас ещё не самая красивая комната, — с гордостью сказала Кайса. — Если бы я показала вам большую гостиную, вот тогда бы вы увидели!

— Но сколько здесь книг! А в гостиной ещё больше? — спросил Эрик.

— Подумаешь, книги, какая невидаль! Я говорю о бархатных креслах, кружевных занавесах, больших французских часах, восточных коврах.

Эрика, казалось, нисколько не соблазнял перечень всего этого великолепия. Он с завистью поглядывал на дубовые книжные шкафы, стоявшие вдоль стен кабинета.

— Ты можешь подробнее ознакомиться с библиотекой и выбрать любую книгу, — сказал доктор.

Эрик не заставил себя дважды просить. Он выбрал книгу и, примостившись в углу под лампой, сразу же погрузился в чтение. Мальчик едва обратил внимание на появление, одного за другим, двух пожилых мужчин, близких друзей доктора Швариенкрона, которые почти каждый вечер приходили к нему играть в вист¹.

Один из них, профессор Гохштедт, высокий старик, с размеренными и спокойными движениями, выразил изысканно-вежливым тоном своё удовлетворение по поводу благополучного возвращения доктора. Едва он успел устроиться в своём кресле, за которым давно уже утвердилось название «профессорского», как раздался короткий и решительный звонок.

— А вот и Бредежор! — одновременно воскликнули оба друга. Вскоре дверь распахнулась, и в кабинет ворвался подобно вихрю невысокий, худощавый, очень подвижный человек. Он пожал доктору обе руки, поцеловал в лоб Кайсу, обменялся дружеским приветствием с профессором и оглядел комнату блестящими, быстрыми, как у мышонка, глазами.

Это был Бредежор, один из самых известных адвокатов в Стокгольме.

¹ В и с т — карточная игра.

— Ба!.. А это кто такой? — внезапно воскликнул он, обратив внимание на Эрика. — Молодой рыбак или, скорее, юнга из Бергена?.. Да ведь он читает Гиббона¹ по-английски! — продолжал Бредешор, бросив наметанный взгляд на книгу, целиком завладевшую вниманием маленького крестьянина. — Неужели это тебе интересно, мальчуган?

— Да, сударь, я давно уже мечтал об этой книге. Это первый том «Падения Римской империи», — простодушно ответил Эрик.

— Разрази меня гром! Оказывается, бергенские юнги любят серьёзное чтение. Ты в самом деле из Бергена? — тотчас же спросил он.

— Нет, сударь, я из Нороз, но он недалеко от Бергена, — ответил Эрик.

— А разве у всех мальчиков в Нороз такие чёрные глаза и волосы, как у тебя?

— Нет, сударь, у моего брата и сестры и у всех моих товарищей волосы светлые, почти такие же, как у этой барышни. Но у нас так не одеваются, — улыбаясь добавил Эрик. — Поэтому наши девочки на неё совсем не похожи.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Бредешор. — Мадемуазель Кайса — дитя цивилизации. А там — настоящая природа, без прикрас, «единственным украшением которой является простота». А что вы собираетесь делать в Стокгольме, мой мальчик, если это не секрет?

— Господин доктор был так добр, что обещал определить меня в колледж.

— А, вот оно что, — произнёс адвокат, постукивая по своей табакерке кончиками пальцев.

И Бредешор обратил вопрошающий взгляд на доктора, как бы требуя у него разъяснения этой непонятной для него проблемы. Но по едва заметному знаку доктора он понял, что нужно повременить с расспросами, и сразу же переменял тему разговора.

Друзья беседовали о дворцовых и городских новостях, обо всём, что произошло на свете после отъезда доктора.

¹ Гиббон Эдуард (1737—1794) — английский историк; автор известного в своё время труда — «История упадка и разрушения Римской империи».

Затем фру Грета отодвинула крышку с ломберного стола и положила на него карты и фишки. Вскоре воцарилась тишина: трое друзей были полностью захвачены хитроумными комбинациями виста.

Доктору было присуще невинное желание всегда выходить из игры победителем и менее безобидная привычка — относиться безжалостно к промахам своих партнёров. Он не пропускал случая позлорадствовать, когда эти ошибки позволяли ему выигрывать, и громко негодовал, если проигрывал сам. Он не мог отказать себе в удовольствии после каждого роббера¹ объяснить неудачнику, при каком ходе тот «дал маху», какую карту ему следовало бы поставить после битой и какую придержать.

Среди игроков в вист это довольно распространённый недостаток, который становится особенно невыносимым, когда превращается в манию и жертвами его ежевечерне оказываются одни и те же лица.

К счастью для него, доктор имел дело с друзьями, умевшими вовремя охладить его пыл — профессор своей неизменной флегматичностью, а адвокат — своим добродушным скептицизмом.

— Вы, как всегда, правы, — с серьёзной миной заявлял первый в ответ на самые резкие упреки.

— Дорогой Швариенкрона, вы же прекрасно понимаете, что зря тратите порошок, читая мне нотации, — смеясь, возражал второй. — Всю свою жизнь я донускаю грубейшие ошибки в висте и, что самое ужасное, — никогда в этом не раскаиваюсь.

Ну что поделаешь с такими закоренелыми грешниками! — И доктор вынужден был воздерживаться от своих критических замечаний, хотя его выдержки хватало не более чем на четверть часа. В этом отношении он был неисправим!

Случаю угодно было, чтобы именно в этот вечер доктор Швариенкрона проигрался в пух и прах. Его дурное настроение проявлялось в самых обидных замечаниях по адресу профессора, адвоката и даже «болвана» — подставного игрока, когда у того не оказывалось козырей, которые доктор

¹ Роббер — в висте и некоторых других карточных играх круг игры, состоящий из трех партнй.

считал себя вправе позаимствовать. Но профессор невозмущимо выставлял свои фишки, а адвокат в ответ на самые ядовитые упрёки отделывался только шуточками.

— Почему вы хотите, чтобы я изменил свой метод, если я выиграл при плохой игре, в то время как вы, такой искусный игрок, проиграли?

Так продолжалось до десяти часов, пока Кайса не начала разливать чай из блестящего медного самовара. Любезно подав чашки игрокам, она молча удалилась. А потом явилась фру Грета и проводила Эрика в предназначенную для него маленькую, чистенькую, белую комнату на втором этаже.

Трое друзей остались одни.

— Так вы скажете мам, наконец, кто же такой этот юный рыбак из Нороз, читающий Гиббона в оригинале? — спросил Бредежор, насыпая сахар во вторую чашку чая. — Или, быть может, это тайна, которая не подлежит огласке, и тогда мой вопрос неуместен?

— Здесь нет никакой тайны; я охотно расскажу вам историю Эрика, если вы только способны держать её покуда про себя, — ответил доктор, в тоне которого все ещё сквозило раздражение.

— Вот видите, я так и знал, что за этим скрывается какая-то история! — воскликнул адвокат, удобно раскинувшись в кресле. — Мы вас слушаем, дорогой друг, и можете не сомневаться, что не злоупотребим вашим доверием. Признаться, этот малыш меня интересует, как любопытный казус¹.

— Да, это действительно любопытный казус, — продолжал доктор, польщённый заинтересованностью своего друга, — и я даже осмелюсь сказать, что, кажется, нашёл ключ к этой загадке. Сейчас я вам изложу все данные, а вы мне потом скажете, совпадёт ли ваше мнение с моим.

Доктор прислонился спиной к большой изразцовой печи и, немного подумав, с чего начать, рассказал о том, как во время своего пребывания в Нороз он, зайдя в школу, обратил внимание на Эрика и стал наводить о нем справки. И он сообщил, не упустив ни одной детали, всё, что ему удалось

¹ К а з у с — случай из судебной практики.

узнать от Малярнуса и маастера Герсебома: о спасательном круге с надписью «Цинтия», об одежде малютки, которую ему показала матушка Катрина, о монограммах, вышитых на вещах Эрика, о коралловом колечке для зубов с латинским изречением и, наконец, о необычайной внешности мальчика, так резко выделявшей его среди других детей в Нороэ.

— Теперь вы знаете об этой загадочной истории столько же, сколько и я. Мне хочется прежде всего отметить, что уровень развития ребёнка, каким бы он ни был исключительным, имеет второстепенное значение, так как объясняется исключительно влиянием Малярнуса, и этот факт не следует переоценивать. Незаурядные способности мальчика заставили меня обратить на него внимание и заинтересоваться им. Но главное не в его способностях, ибо они не могут помочь в разрешении стоящей передо мной задачи: выяснить, откуда этот ребёнок и где нужно вести розыски, чтобы обнаружить его семью. Мы располагаем сейчас только немногими данными, которыми следует руководствоваться в решении вопроса, а именно:

Первое — физические признаки, говорящие о принадлежности ребёнка к определённой расе.

Второе — название «Цинтия» на спасательном круге.

— По первому пункту, — продолжал доктор, — сомнений быть не может. Ребёнок принадлежит к кельтской расе¹. Это чувствуется во всем его облике.

Перейдём к следующему пункту. «Цинтия» — несомненно, название судна, о чём свидетельствует надпись на спасательном круге. Это название может относиться как к немецкому кораблю, так и к английскому. Но, поскольку буквы не были готическими, мы можем прийти к заключению, что «Цинтия» была английским кораблём, вернее сказать, англо-саксонским².

Все подтверждает это предположение, ибо только английское судно, отправляющееся в сторону Инвернесса или

¹ Кельты — группа народов, некогда населявших Западную Европу. Впоследствии были вытеснены другими народами или смешались с ними. В более или менее чистом виде кельтские языки, культура и признаки национального типа сохранились у части населения полуострова Бретань — во Франции, в Ирландии и некоторых областях Англии, в частности в шотландском графстве Инвернесс.

² То есть английским или американским.

Оркнейских островов, могло потерпеть крушение в местах, близких к Нороз. Учтите также, что этот младенец — жертва кораблекрушения — не мог держаться на воде длительное время, ведь ему и без того пришлось вынести опасности пагубного для него плавания. Итак, мои друзья, каково же будет ваше мнение теперь, когда вам известны все факты?

Ни профессор, ни адвокат не знали, что на это ответить.

— Значит, вы не в состоянии сделать никакого вывода? — продолжал доктор, в тоне которого чувствовалось скрытое торжество. — Быть может, вы даже усматриваете некоторое противоречие между этими двумя пунктами? Ребёнок — кельтской расы, а судно — англо-саксонского происхождения? Но противоречие окажется мнимым, если вы вспомните о таком важном обстоятельстве, как существование народа кельтского происхождения на соседнем с Великобританией острове — в Ирландии. Я тоже сначала об этом не подумал, и это и помешало мне правильно подойти к вопросу. Вывод мне кажется неопровержимым: этот ребёнок — ирландец. Вы согласны со мной, Гохштедт?

Если и существовало что-нибудь на свете, чего больше всего не выносил достойный профессор, так это высказывать определённое суждение по тому или иному вопросу. И надо признаться, что вывод доктора, предложенный на его беспристрастное рассмотрение, был, по меньшей мере, скороспелым. Поэтому, ограничившись ничего не выражающим кивком головы, Гохштедт только ответил:

— Несомненно, ирландцы принадлежат к кельтской ветви арийской расы.

Такого рода изречения, разумеется, не могут претендовать на особую оригинальность. Но доктору Швариенкрона ничего иного и не требовалось. Он увидел в этих словах полное подтверждение своей теории.

— Итак, вы сами с этим согласились! — возбуждённо воскликнул он. — Поскольку ирландцы относятся к кельтскому племени, поскольку ребёнок обладает всеми характерными признаками этого племени, а «Цинтия» была английским судном, мне кажется, что у нас в руках имеются необходимые нити, которые помогут отыскать семью бедного мальчугана. Значит, искать нужно именно в Великобри-

тании. Несколько объявлений в «Таймсе» будет достаточно, чтобы навести нас на след!

Доктор собрался было подробно изложить намеченный им план действий, когда обратил внимание на упорное молчание адвоката и слегка насмешливый вид, с которым тот следил за его заключениями.

— Если вы со мной не согласны, Бредежор, так скажите об этом прямо, вы же знаете, что я не боюсь споров, — произнёс он, прервав свои рассуждения.

— Я же ничего не сказал, — ответил адвокат. — Гохштедт свидетель, что я ничего не сказал...

— Но я прекрасно вижу, что вы не разделяете моего мнения, и мне было бы любопытно узнать, — почему? — спросил доктор, снова впадая в раздражённое состояние, вызванное неудачным вистом. — Ведь «Цинтия» — название английского судна! — добавил он с горячностью. — Будь оно немецким, буквы были бы готическими. Ирландцы принадлежат к кельтскому племени? Бесспорно! Вы только что слышали, как это подтвердил столь знающий человек, как наш уважаемый друг Гохштедт. Ребёнок обладает признаками кельтского происхождения? Конечно. Ведь вам это бросилось в глаза ещё до того, как я заговорил на эту тему. Из всего сказанного я могу заключить, что только явное и нескрываемое недоброжелательство мешает кое-кому присоединиться к моим выводам, подтверждающим, что мальчик — выходец из ирландской семьи.

— Недоброжелательство? Не слишком ли сильно сказано? — возразил Бредежор. — Если это относится ко мне, то ведь я ещё не высказал никакого мнения.

— Но вы же достаточно ясно показали, что не согласны со мной!

— Мне этого никто не может запретить.

— В таком случае вам не мешало бы выдвинуть веские аргументы в защиту вашей концепции.

— А кто вам сказал, что они у меня есть?

— В таком случае это происходит от вашей склонности к оппозиции, от потребности противоречить мне во всем, и не только в висте!

— У меня и в мыслях не было ничего подобного, уверяю вас! Ваш вывод мне не кажется неопровержимым. Только и всего.

— Но почему же, скажите на милость? Мне было бы неинтересно узнать.

— Это нужно долго объяснять, — уже одиннадцать часов. Я готов биться с вами об заклад: ставлю моего Квинтилиана¹ в первом венецианском издании против вашего Плиния в издании Альда Мануция, что ваше заключение неправильное и что этот ребёнок не ирландец.

— Вы же знаете, что я не люблю пари, — сказал доктор, невольно смягчаясь от такого невозмутимого добродушия. — Но мне будет так приятно вас сконфузить, что я принимаю вызов.

— Прекрасно! Так, значит, и решено. Сколько времени вам понадобится на поиски?

— Надеюсь, будет достаточно нескольких месяцев, хотя с Герсебомом я условился о двух годах, чтобы быть совершенно уверенным в успехе.

— Хорошо, я согласен на два года. Гохштедт будет нашим арбитром², но чур не обижаться, — идёт?

— Согласен не обижаться, но я вижу, что вашему Квинтилиану грозит опасность присоединиться к моему Плинию, — заметил доктор и, пожав руки обоим друзьям, проводил их до дверей.

Глава пятая.

TRETTE JULEN DAGE³

Уже на следующий день новая жизнь Эрика вошла в нормальную колею. Прежде всего доктор Швариенкрона отвёл мальчика к портному, который одел его с ног до головы, как подобает горожанину, а затем представил директору

¹ Квинтилиан и Плиний — древнеримские писатели; речь идёт о старинных первопечатных изданиях итальянских типографов конца XV — начала XVI веков; первопечатные книги уцелели в единичных экземплярах и являются музейной редкостью

² Арбитр — беспристрастное лицо, решающее правоту одной из спорящих сторон; третейский судья

³ Тринадцать дней рождества (швед.).

одной из лучших стокгольмских школ. Это была «Hogte Elementar laugoverk», школа, напоминающая французский лицей¹. Там проходят древние и новые языки, основы наук — всё, что необходимо при поступлении в университет. Так же как в Германии и Италии, там все ученики — экстерны, то есть живут вне школы. Приезжие останавливаются у преподавателя или опекуна. Плата за обучение более чем скромная, а неимущие и вовсе от неё освобождаются. Каждая школа имеет свой гимнастический зал и таким образом, наряду с общим образованием, осуществляется также и физическое воспитание.

Эрик сразу же занял первое место в классе. Он все воспринимал с такой удивительной лёгкостью, что у него оставалось много свободного времени. А потому доктор решил предоставить ему возможность посещать по вечерам «Slojdskolan» (промышленная школа в Стокгольме). Это учебное заведение, специально предназначенное для практического изучения физики, химии, геометрии и черчения — предметов, которые в обыкновенной школе проходят только в теории.

Доктор Швариенкрона справедливо считал, что посещение промышленной школы, одной из лучших в столице, будет ещё больше способствовать быстрым успехам Эрика. Но он даже и не подозревал, какую огромную пользу в действительности принесёт его питомцу двойное образование! Легко усваивая школьную программу, Эрик мог приступить теперь к более глубокому изучению основных дисциплин. Вместо отрывочных поверхностных сведений — скудного достояния большинства учеников, он накапливал точные, ясные, глубокие знания. Дальнейшее их развитие было только вопросом времени. Он получал такую солидную подготовку, что изучение самых сложных разделов университетского курса теперь уже не составило бы для него никаких трудностей.

Малярнус оказал Эрику добрую услугу в отношении языков, истории, географии и ботаники. Slojdskolan, в свою очередь, привила ему практические навыки в области тех-

¹ Лицей — в странах Западной Европы среднее учебное заведение

ники, без которых любые, самые прекрасные теории могут оказаться лишь мёртвым грузом.

Обилие и разнообразие изучаемых предметов не только не утомляло Эрика, но, напротив, заметно его развивало, — куда лучше, чем штудирование одних только теоретических курсов. К тому же гимнастические упражнения, укрепляя его тело, давали отдых мозгу и предотвращали умственное переутомление. Эрик был одним из первых не только за партой, но и в гимнастическом зале. А свободные часы он проводил у любимого с детства моря. Мальчик радовался возможности побеседовать с матросами и рыбаками и охотно помогал им в работе. Иногда он получал от улова большую рыбину, которую с удовольствием принимала у него фру, Грета.

Эта славная женщина вскоре почувствовала глубокую симпатию к новому члену семьи. Эрик был так добр и учтив от природы, так честен и трудолюбив, что нельзя было его не полюбить. Не прошло и недели, как Бредезор и Гохштедт привязались к нему так же искренне, как и доктор Швариенкрона. Одна только Кайса не питала к нему симпатии. То ли маленькая фея считала, что с его приходом колебалось её безграничное владычество в доме, то ли ей было досадно, что доктор в присутствии Эрика подсмеивается, впрочем, довольно безобидно, над её ужимками «принцессы-недотроги». Так или иначе, но она всегда старалась дать почувствовать Эрику своё холодное пренебрежение, которое не могла сломить даже его безукоризненная вежливость. К счастью, Кайсе не так уж часто удавалось выказывать Эрику своё презрение: он либо отсутствовал, либо занимался у себя в комнате.

Жизнь его текла довольно гладко, не нарушаемая никакими из ряда вон выходящими событиями. Воспользуемся этим, чтобы перешагнуть через два года и возвратиться вместе с ним в Норр.

Уже дважды праздновали рождество после отъезда Эрика. В центральной и северной Европе рождество считается самым большим праздником в году, тем более, что оно совпадает с «мёртвым сезоном» почти во всех ремёслах. В Норвегии этот праздник продлевают до тринадцати дней — *tretten julen dage* — и используют их для всевозможных уве-

селений. Рождество — время семейных торжеств, званых обедов и помолвок. В домах даже с самым скромным достатком к этому времени заготавливают различную снедь. В праздничные дни особенно почитаются законы гостеприимства. Jule ol — рождественское пиво — льётся рекой. Каждому гостю подносят полный кубок в золотой, серебряной или медной оправе, который даже в самых бедных семьях с незапамятных времён переходит от отца к сыну. Приятно осушить кубок стоя, обменявшись с хозяином пожеланиями хорошего года и удачи в делах. Слугам дарят к рождеству обновки, что является нередко существенным дополнением к их жалованью. В рождественские дни даже быки, овцы и небесные птицы имеют право на двойную порцию и необычные щедроты. В Норвегии говорят о бедном человеке: «Он так беден, что не может даже для воробья приготовить рождественский обед».

Из тринадцати праздничных дней самый весёлый — канун рождества. Юноши и девушки, по обычаю, отправляются в деревню на лыжах, так называемых «Schneec-Shuhe», и, останавливаясь у домов, поют хором старинные национальные песни. Их звонкие голоса, внезапно раздающиеся в морозном ночном воздухе, среди безмолвия долин, покрытых снежным убором, одновременно производят странное и чарующее впечатление. Тотчас же растворяется дверь и молодых певцов приглашают войти. Их угощают пирогами, сушёными яблоками, а иногда просят потанцевать. Затем, после скромного угощения, весёлая стайка быстро исчезает и вновь появляется в другом месте, подобно перелётным птицам. Расстояние не пугает, когда несёшься на лыжах длиною в два или три метра, привязанных к ногам кожаными ремешками. Норвежские крестьяне, ловко отталкиваясь палками, проходят на таких лыжах десятки километров с удивительной быстротой.

В доме Герсебома в этом году было особенно празднично. Ждали Эрика. Письмо из Стокгольма извещало о его приезде в самый канун рождества. Понятно, что ни Отто, ни Ванде не сиделось на месте. Ежеминутно они подбегали к дверям посмотреть, не едет ли долгожданный гость. Матушка Катрина, упрекая их за несдержанность, сама была охвачена нетерпением. Один только маастер Герсебом, молча

кура свою трубку, казалось, находился во власти двух противоположных чувств: радости от предстоящей встречи с приёмным сыном и печали от неизбежной разлуки с ним.

Отправившись на разведку, наверное уже в сотый раз, Отто вдруг вбежал с радостным криком:

— Мама, Ванда! Мне кажется, это он!

Все бросились к дверям. Вдали, на дороге в Берген, отчётливо виднелась чёрная точка. Она постепенно увеличивалась и вскоре превратилась в человека. Он быстро приближался на лыжах. Вот уже можно было разглядеть его тёмное драповое пальто, меховую шапку и блестящий кожаный рюкзак за плечами.

Не оставалось уже никаких сомнений: путник заметил тех, кто ждал его возле дома: он снял шапку и помахал ею.

Ещё несколько минут, и Эрик очутился в объятиях матушки Катрины, Отто, Ванды, а затем и маастера Герсебома, который оставил своё кресло, чтобы встретить мальчика на пороге.

Эрика обнимали, осыпали ласками, восхищались его здоровым видом. Особенно бурно выражала свою радость матушка Катрина.

Неужели это её сынок, которого, кажется, ещё совсем недавно она укачивала на руках? Неужели этот высокий, широкоплечий юноша с открытым и смелым лицом, такой стройный, подтянутый, с тёмным нушком, пробивающимся над губой, неужели это её Эрик?

Добрая женщина почувствовала даже известное уважение к своему приёмышу. Она гордилась им, особенно слезами радости, которые сверкали в его чёрных глазах. Ведь Эрик тоже был растроган до глубины души!

— Мама, это вы, в самом деле вы? — повторял он. — Наконец-то я вижу и обнимаю вас! Как долго тянулись для меня два года! Скучали ли вы по мне так же, как я по вас?

— Конечно скучали, — серьёзно ответил маастер Герсебом. — И дня не проходило, чтобы мы не говорили о тебе. В вечернюю пору или утром за завтраком мы всегда тебя вспоминали. А ты, дружок, не позабыл нас в большом городе? Радуетесь ли ты, увидев снова родной край и свой старый дом?

— Надеюсь, вы в этом не сомневаетесь! — ответил Эрик, снова обнимая всех по очереди. — Вы всегда были со мной. А когда налетал ветер и приближалась буря, я только и думал о вас, отец, и спрашивал себя: где он сейчас, успел ли он вернуться, удалось ли ему найти убежище?.. По вечерам я всегда искал в газете метеорологическую сводку, чтобы узнать, такая же ли у вас погода, как на побережье Швеции. И я выяснил, что у вас гораздо чаще, чем в Стокгольме, бывают ураганы, которые приходят из Америки и наталкиваются на наши горы. О, как хотелось мне в те минуты быть вместе с вами в лодке, помогать вам укреплять парус, преодолевать вместе с вами все трудности! А когда после бури наступала хорошая погода, мне казалось, что я заперт в этом огромном городе, среди его высоких домов, и я готов был отдать все на свете, чтобы хоть часок провести в открытом море и почувствовать себя, как прежде, свободным и счастливым...

Улыбка осветила обветренное лицо рыбака.

— Значит, книги его не испортили, — сказал он с глубоким удовлетворением. — Счастливого года и удачи в делах, мой мальчик, — добавил он. — А теперь садись за стол, остановка только за тобой!

Усевшись на своё прежнее место, по правую руку от матушки Катрины, Эрик смог, наконец, осмотреться и заметить перемены, происшедшие за два года в семье. Шестнадцатилетнему Отто, рослому сильному парню, на вид можно было дать все двадцать. Ванда за истёкшее время тоже заметно выросла и похорошела. Её красивое лицо стало ещё выразительнее и тоньше. Чудесные пепельные волосы окружали голову девочки серебристой дымкой и, заплетённые в две толстые косы, тяжело падали за спину. Как всегда скромная и тихая, она незаметно следила за тем, чтобы сидящие за столом не испытывали ни в чём недостатка.

— Ванда стала совсем взрослой девушкой, — с гордостью сказала мать. — Если бы ты знал, Эрик, какая она у нас разумная и как она усердно учится с тех пор, как ты уехал! Теперь она считается лучшей ученицей в школе. Господин Маляриус говорит, что после тебя она единственное его утешение.

— Дорогой господин Маляриус, как я счастлив буду обнять его! — воскликнул Эрик. — Так, значит, наша Ванда стала совсем образованной? — спросил он, лукаво взглянув на девушку, покрасневшую до корней волос от материнских похвал.

— Она учится ещё играть на органе, — добавила Катрина, — и господин Малярнус утверждает, что во всем хоре у неё самый лучший голос.

— А я даже и не подозревал, что эта юная особа — само совершенство! — сказал Эрик, смеясь. — Мы попросим её завтра продемонстрировать все свои таланты!

И, желая рассеять смущение сестры, он стал участливо расспрашивать о жителях Норое, о деревенских новостях, об успехах своих товарищей, обо всём, что случилось после его отъезда. А потом Эрик и сам должен был удовлетворить любопытство своих близких, подробно рассказав, как ему живётся в Стокгольме, как к нему относятся доктор, фру Грета и Кайса.

— Да, кстати, я чуть не забыл, ведь у меня для вас письмо, отец, — спохватился он, вынимая конверт из внутреннего кармана куртки. — Я не знаю содержания, но доктор предупредил, что письмо касается меня, и наказывал его беречь.

Маастер Герсебом взял большой запечатанный конверт и положил возле себя на стол.

— А разве вы не прочтаете его нам? — спросил Эрик.

— Нет, — коротко ответил рыбак.

— Но ведь оно касается меня, — настаивал юноша.

— А адресовано мне, — ответил Герсебом, внимательно разглядывая конверт. — Я его прочту, когда найду нужным.

Послушание детей — отличительная черта норвежской семьи. Эрик опустил голову. Все встали из-за стола, и трое детей, примостившись на низкой скамейке у очага, как они это нередко делали прежде, повели душевную беседу, во время которой обычно рассказывается всё, что так хочется узнать друг о друге и повторить многое из того, о чём уже не раз говорилось.

Тем временем Катрина убирала со стола, настояв, чтобы Ванда была на этот раз «настоящей барышней» и не занималась хозяйством. А маастер Герсебом, сидя в своём большом

кресле, молча курил трубку и, только доведя до конца это важное занятие, решил распечатать письмо доктора.

Он прочёл его молча, затем сложил и спрятал в карман, после чего вторично набил трубку и выкурил её, как и первую, не произнеся ни слова. В течение всего вечера старый рыбак не выходил из состояния глубокого раздумья.

Герсебом никогда не отличался словоохотливостью, и потому его молчание никого не удивило. Матушка Катрина, закончив свои хлопоты, тоже подсела к очагу, безуспешно пытаясь втянуть мужа в разговор. Видя, что её усилия напрасны, она помрачнела. Вскоре грустное настроение родителей передалось и детям, которые успели уже наговориться вволю.

Вдруг, как нельзя более кстати, их внимание отвлекли звонкие голоса, раздавшиеся у дверей. Весёлой компании школьников и школьниц пришла удачная мысль поздравить Эрика с приездом.

Их поспешили пригласить в дом и стали радушно потчевать. Окружив гурьбой своего бывшего однокашника, они бурно радовались встрече с ним. Эрик, растроганный неожиданным вторжением товарищей детства, захотел во что бы то ни стало принять участие в их традиционном рождественском шествии. А Отто с Вандой, разумеется, не желали от него отстать. Матушка Катрина просила их долго не задерживаться, так как Эрик нуждался в отдыхе.

Как только за ними закрылась дверь, Катрина обратилась к мужу:

— Ну как, удалось доктору что-нибудь выяснить? — спросила она с тревогой.

Вместо ответа Герсебом снова вынул из конверта письмо, развернул его и начал читать вслух, иногда запинаясь на незнакомых ему словах.

«Дорогой Герсебом, — писал доктор, — вот уже скоро два года, как вы мне доверили вашего славного Эрика, и все это время не проходило и дня, чтобы меня не радовали его многообразные успехи. Его ум столь же глубок и восприимчив, как великодушно и отзывчиво сердце. Эрик действительно мальчик незаурядный. Если бы родители, потерявшие такого сына, в состоянии были постигнуть всю глу-

бину своей утраты, они оплакивали бы его ещё больше. Но трудно сейчас допустить, что его родители живы. Как мы и договаривались с вами, мною сделано все возможное, чтобы напасть на их след. Я переписывался со многими лицами в Англии, уполномочил специальные агентства заняться розысками, поместил объявления по меньшей мере в двух десятках английских, шотландских и ирландских газет, и все же мне не удалось внести никакой ясности в эту загадочную историю. И более того, те немногие сведения, которые я раздобыл, сделали её ещё загадочнее.

Название «Цинтия» распространено в английском флоте. Контора Ллойда перечислила мне не менее семнадцати судов с этим именем. Одни из них приписаны к английским портам, другие — к шотландским или ирландским. Тем самым мои предположения насчёт национальности ребёнка в известной степени подтверждаются, и я по-прежнему уверен, что Эрик происходит из ирландской семьи. Не помню, писал ли я вам об этой догадке, но я сообщил о ней после возвращения из Нороз двум близким друзьям и сейчас ещё больше убеждён в своей правоте.

Погибла ли эта ирландская семья, или у неё есть какие-то особые причины оставаться в неизвестности? Так или иначе, она не подаёт никаких признаков жизни. Другим, не менее странным, скорее даже подозрительным, на мой взгляд, обстоятельством является то, что ни агентством Ллойда, ни другими страховыми компаниями не было зарегистрировано кораблекрушение в то время, когда ребёнок очутился у наших берегов. Правда, в текущем столетии погибли две «Цинтии»: одна — в Индийском океане, 32 года тому назад, другая — возле Портсмута — 18 лет тому назад.

Отсюда следует заключить, что ребёнок не был жертвой кораблекрушения. Значит, его кто-то выбросил в море! Этим я объясняю, почему все мои публикации не получили отклика.

И вот теперь, когда я опросил всех владельцев пароходов, носящих название «Цинтия», когда я исчерпал все возможные средства расследования, я имею, как мне кажется, право заявить, что потеряна всякая надежда разыскать семью Эрика.

Теперь, дорогой Герсебом, перед нами (и, прежде всего, перед Вами!) встаёт вопрос: как сообщить об этом мальчику и как быть с ним дальше.

Будь я на Вашем месте, говорю это со всей откровенностью, я доверил бы ему отныне самому решать свою судьбу и дал бы ему возможность самостоятельно избрать свой дальнейший путь. Ведь мы условились с Вами, что именно так и поступим, если мои поиски окажутся безуспешными. Пришло время сдержать обещание. Мне хотелось бы, чтобы Вы сами все рассказали Эрику. Возвращаясь в Нороз, он ещё не знает, что он Вам не родной сын, а также вернётся ли он в Стокгольм, или останется у Вас. Итак, слово за Вами.

Но только помните, что если Вы не решитесь сообщить ему правду, то, рано или поздно, наступит день, когда мальчик узнает её сам, и тогда он ещё больше будет огорчён. И не забудьте также, что Эрик обладает слишком незаурядными способностями, чтобы обречь его на жизнь вне науки и культуры. Он не заслуживал этого и два года тому назад. А теперь, когда он добился в Стокгольме таких блестящих успехов, это было бы просто несправедливо!

Итак, я возобновляю мои предложения. Я дам ему возможность закончить образование и получить в Упсальском университете степень доктора медицины. Он по-прежнему будет воспитываться как мой сын и получит все, чтобы достигнуть общественного положения и добиться материального благополучия. Обращаясь к Вам и милейшей приёмной матери Эрика, я не сомневаюсь, что вверю его судьбу в хорошие руки. Никакие личные соображения — я убеждён в этом — не помешают Вам последовать моему совету. Прошу Вас также посчитаться и с мнением Маляриуса.

В ожидании ответа, господин Герсебом, крепко жму Вашу руку и прошу передать мои наилучшие пожелания Вашей уважаемой супруге и детям.

Р. В. Шварценкрона, д-р медицины».

Когда Герсебом кончил чтение, матушка Катрина, которая слушала его, не сдерживая слез, спросила мужа, как он теперь думает поступить.

— Ясно как — все рассказать мальчику, — ответил он.

— И я так считаю. С этим надо покончить, иначе у нас всё равно не будет покоя, — проговорила женщина сквозь слезы.

Снова наступило молчание.

Уже пробило полночь, когда трое детей возвратились с прогулки. Раскрасневшись от быстрой ходьбы на морозе, с блестящими от радости глазами, они снова заняли своё обычное место у огня, решив весело закончить сочельник. Все трое с аппетитом уплетали остатки пирога, сидя перед огромным очагом, в котором, словно в огненной пещере, догорали последние поленья.

Глава шестая.

РЕШЕНИЕ ЭРИКА

На следующий день рыбак позвал Эрика и в присутствии матушки Катрины, Ванды и Отто сказал ему:

— Эрик, письмо доктора Швариенкрона действительно касается тебя. Оно подтверждает, что учителя довольны твоими успехами и доктор готов оказывать тебе помощь до тех пор, пока ты не окончишь образования, если, конечно, ты захочешь его продолжать. Но это письмо требует, чтобы ты сам решил, когда узнаешь некоторые обстоятельства, как тебе поступить дальше: полностью изменить свою судьбу или остаться с нами в Норрö. Конечно, можешь не сомневаться, что все мы предпочли бы последнее. И вот, прежде чем принять определённое решение, ты должен узнать одну тайну, которую я и моя жена предпочли бы держать про себя!

В эту минуту матушка Катрина разразилась рыданиями и крепко прижала к себе Эрика, как бы протестуя против того, что мальчику предстояло сейчас узнать.

— Эта тайна, — продолжал Герсебом прерывающимся от волнения голосом, — заключается в том, что ты, Эрик, — наш приёмный сын. Я Подпел тебя в море, мой мальчик, и принял в свою семью, когда тебе едва было восемь — девять месяцев. Бог свидетель, что я бы никогда не сказал тебе об этом и что ни я, ни твоя мать никогда не делали ни малейшего различия между тобой и Отто или Ван-

дой. Но доктор Швариенкрона настаивает, чтобы я тебе все это сообщил. Узнай же, что он пишет!

Эрик сильно побледнел. Отто и Ванда, потрясённые неожиданной новостью, вскрикнули от изумления и стали порывисто обнимать Эрика. А он, взяв письмо доктора, прочёл его от начала до конца, не скрывая своего волнения.

Вслед за тем маастер Герсебом поведал ему ту самую историю, которую он однажды уже рассказывал доктору Швариенкрона. Он сообщил Эрику, что доктор решил любой ценой отыскать его семью и что он, Герсебом, был, в конечном счёте, не так уж и не прав, даже не попытавшись разгадать эту неразрешимую загадку. При этих словах Катрина отперла деревянный сундук и извлекла оттуда одну за другой все вещицы ребёнка, вплоть до колечка, висевшего у него на шее. Естественнo, драматизм этого рассказа так увлёк троих детей, что они даже забыли на некоторое время о своём огорчении. Они с восхищением разглядывали кружева и бархат, старались прочесть изречение, выгравированное на золотом ободке колечка... Им казалось, что на их глазах разыгрывается феерия из волшебной сказки. Раз уж эти вещицы не смогли помочь доктору найти семью Эрика, — значит, здесь действительно была какая-то тайна!

Эрик рассматривал их как зачарованный. Он думал о своей незнакомой матери, о том, как она наряжала его в эти платьица и забавляла погремушкой, чтобы заставить его улыбаться. Ему казалось, что, дотрагиваясь до этих вещиц, он чувствует близость матери, несмотря на время и пространство, разделяющее их. Но где она? Жива или погибла, оплакивает ли до сих пор своего сына или навсегда для него потеряна?

Опустив голову, он долго пребывал в глубокой задумчивости, пока голос матушки Катрины не заставил его вернуться к действительности:

— Эрик, ты был и останешься нашим сыном! — воскликнула она, встревоженная долгим молчанием мальчика.

Он поднял голову, и глаза его встретили добрые, преданные лица, материнский взгляд любящей женщины, честные глаза Герсебома, ещё более дружескую, чем обыч-

но, улыбку Отто, серьёзное и опечаленное личико Ванды. И в ту минуту сердце Эрика, охваченное скорбью, наполнилось глубокой нежностью. Он отчётливо представил себе все то, о чём рассказал ему отец: люльку, качающуюся на волнах и подобранную смелым рыбаком... Как он пришёл домой со своей находкой, и как эти простые бедные люди не колеблясь приняли чужого ребёнка в семью, усыновили его и лелеяли, как родного сына, не говоря ему ничего в течение четырнадцати лет, а сейчас ждали его решения с такой тревогой, словно от этого зависела их жизнь и смерть.

Все это так взволновало мальчика, что он внезапно разрыдался. Он проникся чувством безграничной любви и признательности. Ему хотелось хоть чем-то отплатить этим хорошим людям, ответить им такой же самоотверженной привязанностью и даже, пожертвовав своим будущим, остаться навсегда в Нороз, чтобы разделить с ними их скромную участь.

— Мама! — воскликнул он, нежно обнимая Катрину. — Неужели вы думаете, что я могу колебаться теперь, когда мне все известно! Мы поблагодарим доктора за его доброту и напишем ему, что я остаюсь у вас. Я буду рыбаком, как вы, отец, и как ты, Отто. Раз вы взяли меня в свою семью, я не хочу от вас никуда уходить. Ведь вы работали, чтобы прокормить меня, и я хочу помогать вам на старости лет так же, как вы помогли мне в детстве.

— Слава богу! — радостно произнесла Катрина, целуя Эрика.

— А я и не сомневался, что мальчик предпочтёт море всем этим книгам, — спокойно заметил Герсебом, даже не отдавая себе отчёта, с какой жертвой было связано решение Эрика. — Ну, хватит, дело решено! Не будем больше говорить об этом и подумаем, как бы лучше отпраздновать рождество.

Когда Эрик остался в одиночестве, ему не удалось, правда, подавить вздоха сожаления при мысли о науках и успехах, от которых нужно было теперь отказаться, но само решение пожертвовать всем ради дорогих людей давало ему радостное сознание исполненного долга.

«Раз этого хотят мои приёмные родители, все остальное неважно, — говорил он себе. — Я должен примириться, буду работать для них и пойду по той дороге, которую они предназначили мне. Если я иногда и мечтал о более высоком положении, то разве не для того, чтобы они разделили его со мной? Они счастливы здесь и не ищут другой участи, — значит, и мне надо этим довольствоваться и постараться всем своим поведением и трудом доставлять им только радость... Итак, прощайте, книги, и да здравствует море!»

Так он рассуждал, пока его мысли снова не обратились к рассказу Герсебома. Где же его родина и кто его родители? Живы ли они ещё? Нет ли у него братьев и сестёр в каком-нибудь далёком краю, о которых он никогда не узнает?..

Тем временем в Стокгольме, в доме доктора Швариенк-рона канун рождества также был необычен. Читатели, без сомнения, помнят, что в этот день истекал срок пари, заключённого между Бредежором и доктором, и что обязанность судьи в этом споре была возложена на профессора Гохштедта.

На протяжении двух лет об этом пари ни с той, ни с другой стороны не было сказано ни слова. Доктор терпеливо вёл свои розыски в Англии, писал в пароходные компании, публиковал многочисленные объявления в газетах, не желая признаться даже самому себе в бесплодности своих усилий. Что же касается Бредежора, то он со свойственным ему тактом избегал затрагивать эту тему и ограничивался только тем, что расхваливал время от времени прекрасного Плиния в издании Альда Мануция, который красовался на почётном месте в библиотеке доктора.

И лишь только по тому, как адвокат порою насмешливо улыбался, постукивая пальцами по своей табакерке, можно было догадаться, о чём он думает.

«Этот Плиний будет неплохо выглядеть между моим Квинтилианом первого венецианского издания и моим Горацием с широкими полями, на китайской бумаге в издании братьев Эльзевиров!»

Именно так доктор представлял себе завершение пари, и это заранее выводило его из равновесия. Тогда он бывал

особенно безжалостен при игре в вист и ни в чём не давал спуску своим незадачливым партнёрам.

А время между тем шло, и настал, наконец, час, когда нужно было предстать пред лицом беспристрастного арбитра — профессора Гохштедта.

Доктор Швариенкрона пошёл на это с открытой душой. Едва только Кайса оставила его наедине с обоими друзьями, как он признался им, так же как в письме к маастеру Герсебому, что его поиски не увенчались успехом. Тайну происхождения Эрика раскрыть не удалось, и доктор со всей искренностью должен был признать, что едва ли возможно пролить свет на эту загадочную историю.

— Однако, — продолжал он, — я погрешил бы против собственной совести, если бы не заявил открыто, что ни в коей мере не считаю пари проигранным. Правда, мне не удалось найти семью Эрика, но те сведения, которые я сумел собрать, скорее подтверждают мои предположения, чем опровергают их. «Цинтия» несомненно была английским судном. В реестрах Ллойда под таким названием значится не менее семнадцати британских кораблей. Относительно этнических¹ особенностей мальчика я могу ещё раз подтвердить, что его кельтская внешность не подлежит сомнению. Моя гипотеза о национальности Эрика, я это утверждаю, выдерживает проверку фактами. То, что он ирландец, я убеждён в этом сейчас ещё больше, чем раньше. Разумеется, я не в состоянии представить вам его семью, поскольку она либо погибла, либо предпочитает по каким-то причинам остаться в неизвестности. Вот, дорогой Гохштедт, всё, что я хотел вам сказать. Судите теперь сами, не должен ли Квинтилиан нашего друга Бредежора на законном основании перейти в мою библиотеку!

При этих словах, которые, казалось, вызвали в нём неудержимое желание засмеяться, адвокат откинулся в кресле и в знак протеста только развёл руками. А затем, желая узнать, как профессор Гохштедт выйдет из положения, он устремил на него свои живые блестящие глазки.

Однако профессор Гохштедт обнаружил гораздо меньше растерянность, чем это можно было ожидать. Другое

¹ Этнический — связанный с принадлежностью к какому либо народу.

дело, если бы какой-нибудь неопровержимый довод, приведённый доктором, вызвал мучительную необходимость решительно принять ту или другую сторону. Благодаря своему робкому и осторожному характеру он предпочитал неопределённые выводы. В подобных случаях профессор превосходно умел рассматривать вопрос поочерёдно с разных точек зрения и плавал в туманных предположениях, как рыба в воде. И в этот вечер он оказался на высоте положения.

— Несомненно, — плавно начал он свою речь, покачивая головой, — тот факт, что семнадцать английских кораблей известны под именем «Цинтия», — серьёзное доказательство в пользу мнения, высказанного нашим уважаемым другом. Это доказательство, сопоставленное с этническими особенностями объекта, весьма весомо, и я не колеблясь заявляю, что оно мне кажется достаточно убедительным. Более того, я даже в состоянии признать, что, если бы мне нужно было высказать своё личное мнение по поводу национальности Эрика, то оно сводилось бы к следующему: все доводы в пользу его ирландского происхождения! Но одно дело предположение, а другое дело — доказательство; и если мне будет позволено изложить своё собственное суждение по этому вопросу, то я счёл бы себя вправе заявить, что для решения вышеупомянутого пари потребовались бы более веские аргументы. Несмотря на то, что многие предпосылки действительно говорят в пользу мнения Швариенкрона, Бредежор в любую минуту может их отклонить из-за отсутствия неопровержимых фактов. Поэтому у меня нет достаточных оснований объявить, что Квинтилиан выигран доктором, равно как нет и достаточно веских доводов признать, что Плиний им проигран. Поскольку вопрос остаётся открытым, я полагаю, пари следует отложить ещё на один год, что было бы в данном случае наилучшим выходом из положения.

Подобно всякому компромиссному приговору, решение профессора Гохштедта не удовлетворило ни ту, ни другую сторону.

Доктор скорчил такую гримасу, что она была красноречивее всякого ответа. А Бредежор, вскочив на ноги, воскликнул:

— Великолепно, дорогой Гохштедт, только не спешите с заключением!.. Поскольку Швариенкрона не в состоянии привести неопровержимых доказательств в свою пользу, вы не можете присудить ему выигрыш, как бы ни казались вам убедительны его аргументы. А что бы вы сказали, если бы я сейчас, здесь же, не сходя с места, доказал, что «Цинтия» вовсе не была английским судном?

— Что бы я сказал? — повторил профессор, озадаченный столь внезапной атакой. — Ей-богу, не знаю... Я бы подумал, рассмотрел бы вопрос с разных точек зрения, я бы...

— Рассматривайте, сколько вам угодно! — прервал его адвокат, доставая левой рукой бумажник из внутреннего кармана сюртука. В бумажнике оказался конверт канареечного цвета, по самому виду которого можно было безошибочно определить его американское происхождение.

— Вот документ, который вы не сможете опровергнуть, — добавил он, поднося письмо к глазам доктора.

Доктор прочёл его вслух:

«Г-ну адвокату Бредежору, Стокгольм.

Нью-Йорк, 27 декабря.

Высокочитимый г-н Бредежор! В ответ на Ваше письмо от 5 октября сего года спешу сообщить Вам следующие сведения:

1. Судно под названием «Цинтия» (капитан Бартон), принадлежавшее «Объединённой компании канадских судовладельцев», затонуло вместе со всеми людьми и грузом четырнадцать лет тому назад недалеко от Фарерских островов.

2. Судно было застраховано «General Steam navigation Company»¹ в Нью-Йорке на сумму три миллиона восьмьсот тысяч долларов.

3. Так как исчезновение «Цинтии» и обстоятельства её гибели остались для страховой компании неясными, то был возбуждён судебный процесс, проигранный собственниками названного судна.

¹ Всеобщая судоходная страховая компания (англ.)

4. Проигрыш этого дела повлѣк за собой ликвидацию «Объединённой компании канадских судовладельцев», которой больше не существует вот уже одиннадцать лет.

В ожидании новых поручений прошу Вас, г-н Бредежор, принять наши наилучшие пожелания.

«Джереми Смит, Уокер и Ко»,
Морское агентство».

— Ну что вы скажете по поводу этого документа? — спросил Бредежор, когда доктор закончил чтение. — Согласитесь, что он кое-чего стоит, — не правда ли?

— Признаю охотно, — ответил доктор, — но, чёрт возьми, как вам удалось его раздобыть?

— Простейшим способом. В тот день, когда вы заявили, что «Цинтия» может быть только английским судном, я сразу же подумал, не слишком ли вы сужаете сферу ваших розысков и что корабль в одинаковой степени может быть и американским. Видя, что время проходит, а вы ничего не добились, ибо в противном случае вы не преминули бы об этом сообщить, я решил написать в Нью-Йорк и на третье письмо получил уже известный вам ответ. Как видите, это не так уж сложно! Не думаете ли вы, что теперь у меня есть все основания претендовать на вашего Плиния?

— Ваш вывод мне не кажется убедительным! — возразил доктор, молча перечитывая письмо, как бы желая найти в нём новые доказательства подтверждения своей правоты.

— Как не кажется убедительным! — воскликнул адвокат. — Я доказываю, что судно было американским, что оно погибло у Фарерских островов, то есть близ норвежского побережья, именно в то время, которое совпадает с нахождением ребёнка. И вы не признаете вашей ошибки?

— Ни в коей мере! Заметьте, дорогой друг, что я отнюдь не отрицаю большого значения вашего документа. Вам действительно удалось установить то, что не сумел сделать я, — ту самую «Цинтию», которая затонула у берегов Норвегии именно в том самом году. Но разрешите сказать, что это открытие только лишний раз подтверждает правильность моей теории. Канадское судно — всё равно что английское, а так как в Канаде немало ирландцев, то отныне я имею ещё больше оснований утверждать, что ребёнок ирландского происхождения.

— Так вот что вы вычитали в моем письме! — воскликнул Бредежор, более раздосадованный, чем ему хотелось бы показать. — И, значит, вы настаиваете, что не потеряли вашего Плиния?

— Безусловно!

— Быть может, вы полагаете, что даже приобрели некоторые права на моего Квинтилиана?

— Разумеется! Во всяком случае я надеюсь ещё больше подтвердить эти права с помощью вашего документа, если только вы дадите мне время и не будете возражать против продления нашего пари.

— Идёт, и я в этом заинтересован. Сколько времени вам понадобится?

— Условимся ещё на два года. Вернёмся к этому вопросу через одно рождество.

— Решено, — ответил Бредежор. — Но уверяю вас, дорогой доктор, было бы куда благоразумнее, если бы вы сейчас же, не теряя времени, отдали мне вашего Плиния!

— О нет, ни в коем случае, он будет гораздо лучше чувствовать себя в моей библиотеке рядом с вашим Квинтилианом!

Глава седьмая.

МНЕНИЕ ВАНДЫ

Вначале Эрика как будто даже радовало принятое решение. Он ушёл с головой в будни рыбацкой жизни, искренне стараясь забыть о своих прежних интересах. Всегда просыпаясь раньше всех, он налаживал снасти и так старательно все подготавливал к лову, что маастеру Герсебому оставалось только сесть в лодку и отчалить. Когда не было ветра, Эрик брался за тяжёлые весла и грёб с такой силой, что, казалось, будто он нарочно ищет самую тяжёлую и утомительную работу.

Ничто не было ему в тягость: ни длительное сидение в лодке, ни обработка пойманной трески. (Сперва у рыбы отделяют язык, считающийся лакомым блюдом, потом голову и кости и только тогда её бросают в чан, где она подвергается первой просолке.) Каковы бы ни были его обязанности, Эрик выполнял их не только добросовестно, но

даже с упоением. Он удивлял невозмутимого Отто своим заботливым отношением «о всем мелочам их рыбацкого промысла.

— До чего же ты истосковался в городе! — говорил ему простодушный малый. — Стоит тебе лишь выйти из фьорда в открытое море, как ты чувствуешь себя в родной стихии!

Но, как только разговор заходил на эту тему, Эрик умолкал. А иногда, ни с того, ни с сего, он вдруг начинал доказывать Отто, или, вернее, самому себе, что нет ничего лучше жизни рыбака.

— И я так думаю, — говорил Отто с безмятежной улыбкой, а бедный Эрик отворачивался, подавляя глубокий вздох.

По правде говоря, он жестоко страдал, отказавшись от занятий ради одной только физической работы. Когда его обуревали такие мысли, он всячески старался их отогнать, скрывая от окружающих свою душевную борьбу. Но, вопреки всему, его не покидало чувство горечи и сожаления. Никому на свете он не высказал бы своей печали. Он затаил её в глубине души и от этого только сильнее мучился. Внезапно разразившаяся в начале весны катастрофа ещё больше обострила его переживания.

В тот день предстояло выполнить большую работу: уложить в сарай накопившийся запас солёной трески. Маастер Герсебом, поручив заняться этим делом Эрику и Отто, сам отправился на рыбную ловлю. День был пасмурный и душный, необычный для норвежской весны. Усердно работая, мальчики не могли не заметить, как изнурителен был в то утро самый обычный труд. Все вещи стали почему-то необыкновенно тяжёлыми и даже воздух казался весомым.

— Как странно, — сказал Эрик, — у меня гудит в ушах, будто я поднялся на воздушном шаре на четыре или пять километров.

Вскоре у него пошла из носа кровь. Такие же ощущения испытывал и Отто, хотя он и не в состоянии был выразить их так точно.

— Наверное, барометр сейчас сильно упал, — продолжал Эрик. — Будь у меня время, я бы сбегал к господину Маляриусу проверить это.

— Времени у тебя хватит, — ответил Отто. — Посмотри-ка, ведь мы почти закончили работу. Если же ты задержишься, то с остальным я справлюсь сам.

— Ну что ж, тогда я пойду. Сам не знаю почему, но меня очень тревожит такое давление воздуха. Как бы я хотел, чтобы отец был сейчас дома!

По дороге он встретил Маляриуса.

— А это ты, Эрик! — сказал учитель. — Рад видеть тебя и знать, что ты не в море. Я, собственно, и пошёл только затем, чтобы узнать, где ты. За последние полчаса барометр стремительно упал. Я ни разу в жизни не видел ничего подобного. Он показывает сейчас семьсот восемнадцать миллиметров. Без сомнения, погода скоро переменится...

Маляриус не успел закончить фразу, как послышался отдалённый гул, сопровождаемый зловещим завыванием. Небо, которое ещё совсем недавно было затянуто только на западе фиолетовой тучей, почти тотчас же, с небывалой быстротой, полностью потемнело. И затем, после мимолётного затишья, листья, солома, песок, камешки — все было поднято в воздух порывом шквального ветра. Приближался ураган.

Он был чудовищной силы. Трубы домов, оконные ставни и в некоторых местах даже крыши были унесены, как былинки. Рушились дома, валились сараи. Во фьорде, даже во время самой сильной морской бури, спокойном, как вода в колодце, вздымались огромные волны и с оглушительным грохотом разбивались о берег.

Ураган неистовствовал на протяжении целого часа. Остановленный затем вершинами норвежских гор, он устремился к югу, в сторону европейского материка, сметая все на своём пути. В метеорологических сводках он был отмечен как наиболее разрушительный и редкий по своей силе циклон¹, когда либо пересекавший Атлантику.

¹ Циклон — атмосферный вихрь огромной силы, радиусом в несколько сот или тысяч километров, перемещающийся с большой скоростью.

В наши дни¹ о таких катастрофических перемещениях воздушных слоёв оповещают и предупреждают по телеграфу. Большинство европейских портов, своевременно уведомленных депешей, обычно успевают сообщить о предстоящей буре судам, готовящимся к отплытию или слабо закреплённым на якоре. Гибельные последствия ураганов в какой-то мере удаётся ослабить. Но вдали от больших портов, в рыбацких посёлках и в открытом море бедствия неисчислимы. Французское Морское ведомство Веритас и английское — Ллойда зарегистрировали не менее семисот тридцати кораблекрушений, вызванных ураганом.

Первая мысль семьи Герсебома, как и тысячи других рыбацких семей, была, естественно, обращена в этот зловещий день к тем, кто находился в море. Маастер Герсебом чаще всего отправлялся к западному берегу довольно большого острова, расположенного приблизительно в двух милях от входа во фьорд. Именно в том месте он когда-то нашёл Эрика. Судя по тому, что буря разразилась не сразу, можно было надеяться, что он успел найти укрытие, даже если лодку и выбросило на песчаную отмель. Но Эрик и Отто так за него беспокоились, что не могли дожидаться вечера, чтобы убедиться в правильности этого предположения.

Как только волнение во фьорде, вызванное циклоном, улеглось, Эрик и Отто, выпросив у соседа лодку, решили отправиться на поиски отца. Маляриус уговорил мальчиков взять его с собой. Наконец они отчалили провожаемые тревожными взглядами Катрины и Ванды.

Ветер, утихший во фьорде, продолжал ещё дуть с запада. Достигнуть узкого прохода в открытое море можно было только на вёслах, что заняло больше часа.

У самой горловины они столкнулись с неожиданным препятствием. В океане, по-прежнему свирепствовала буря. Волны, разбиваясь об островок, прикрывающий проход во фьорд, образовывали два потока. Обогнув преграду, они сливались вместе и с сокрушительной силой устремлялись в проход, словно в огромную воронку. При таких условиях нечего было и думать попасть в открытое море. Даже паро-

¹ Речь идёт о восьмидесятих годах XIX века.

ходу это удалось бы не без труда, а тем более утлой лодчонке, идущей на вёслах против ветра. Ничего не оставалось, как вернуться в Нороз и ждать.

Настал час, когда маастер Герсебом возвращался обычно домой. Но он не вернулся, так же как и другие рыбаки, отправившиеся в тот день на ловлю. Скорее можно было предположить, что какое-то непредвиденное препятствие помешало им всем войти во фьорд, чем думать о несчастье, постигшем одного Герсебома. Этот вечер был одинаково тягостным в каждом доме, где не хватало близкого человека. И по мере того, как истекала ночь, а отсутствующие все не возвращались, возрастала тревога, охватившая посёлок. У Герсебомов никто не ложился. Молчаливые и удручённые, все сидели понутив голову у очага, коротая томительные часы ожидания.

В марте в этих широтах светает поздно. И все же день наступил, ясный и солнечный. Ветер переменял направление, и теперь можно было надеяться выйти в открытое море. Целая флотилия лодок, собранных со всего Нороз, готовилась уже отправиться на поиски, когда у входа во фьорд были замечены рыбацкие баркасы, вскоре причалившие к берегу. Домой вернулись все рыбаки, вышедшие в море до начала циклона, за исключением одного только маастера Герсебома.

Никто не мог о нем ничего сообщить. И то, что он не вернулся вместе со всеми, внушало ещё большую тревогу, так как всем рыбакам пришлось перенести немало испытаний. Иных буря отбросила к берегу, и лодки их затонули; другие успели укрыться в бухте, защищённой от урагана, и только немногим посчастливилось в самую опасную минуту оказаться на суше.

Было решено, что вся эта флотилия немедленно отправится на розыски маастера Герсебома. Маляриус не изменил своего намерения участвовать в спасательной экспедиции вместе с Эриком и Отто. Большая жёлтая собака, прыгавшая с громким лаем возле лодок, тоже получила разрешение отправиться с ними. Это был гренландский пёс Класас, которого маастер Герсебом однажды привёз из своей поездки на мыс Фарвель.

Попав в открытое море, лодки разошлись в разные стороны: одни — налево, другие — направо, чтобы обследовать берега многочисленных островков, разбросанных у фьорда Нороз, как и вдоль всего норвежского побережья.

Когда в полдень, согласно уговору, лодки снова встретились в южной точке горловины, выяснилось, что никаких следов маастера Герсебома не было обнаружено. Так как, по общему признанию, поиски велись очень тщательно, все пришли к печальному выводу, что не остаётся ничего другого, как вернуться домой.

Но Эрик не захотел признать себя побеждённым и так быстро отказаться от всякой надежды. Он заявил, что после того как осмотрены южные острова, он хочет теперь обследовать северные. Так как Маляриус и Отто поддержали его просьбу, рыбаки разрешили воспользоваться самым лёгким и хорошо приспособленным для маневрирования чёлном, на котором предстояло сделать последнюю попытку найти Герсебома. Пожелав всем троим удачи, рыбаки направились в Нороз.

Упорство Эрика было вознаграждено. Около двух часов пополудни, когда чёлн проходил мимо островка, находившегося недалеко от берега, Клаас вдруг неистово залаял. Прежде чем его успели задержать, он бросился в воду и поплыл прямо к рифам. Эрик и Отто налегли на весла, погнав лодку в том же направлении. Вскоре они заметили, как собака, добравшись до острова, стала прыгать с протяжным воем вокруг какого-то тёмного предмета, показавшегося им человеческим телом, распростёртым на серой скале.

Они быстро причалили к берегу.

Действительно там лежал человек, и это был Герсебом! Герсебом, весь окровавленный, бледный, неподвижный, холодный, бездыханный, быть может, мёртвый! Клаас, повизгивая, лизал ему руки.

Первым движением Эрика было онуститься на колени перед застывшим телом и приложить ухо к груди.

— Он жив! Я слышу, как бьётся сердце! — воскликнул мальчик.

Малярнус взял руку Герсебома и, попытавшись нащупать пульс, с сомнением покачал головой. Тем не менее он решил употребить все средства, предусмотренные в подоб-

ных случаях. Сняв с себя широкий шерстяной пояс, Малярнус разорвал его на три части, отдал по куску Эрику и Отто, и они принялись втроём энергично растирать грудь, ноги и руки рыбака.

Вскоре стало ясно, что это простое средство, оказав своё действие, начало восстанавливать кровообращение. Сердце забилося сильнее, грудь стала вздыматься, появилось слабое дыхание. В конце концов маастер Герсебом очнулся и жалобно застонал.

Малярнус и оба мальчика, бережно подняв его с земли, поспешили перенести в лодку. Когда они онускали его на подстилку из парусов, Герсебом раскрыл глаза.

— Пить! — произнёс он чуть слышно.

Эрик приложил к его губам флягу с водкой. Герсебом сделал глоток, и по его любящему признательному взгляду можно было судить, что он только сейчас начал отдавать себе отчёт в случившейся с ним беде. Но усталость взяла верх, и рыбак погрузился в тяжёлый сон, похожий скорее на летаргию¹.

¹ Летаргия — длительный болезненный сон с чрезвычайно пониженной жизнедеятельностью организма

Справедливо полагая, что лучше всего поскорее вернуться домой, его спасители дружно взялись за весла и поплыли к фьорду. Они быстро достигли входа в залив и благодаря попутному ветру скоро прибыли в Нороз.

Маастера Герсебома перенесли на кровать, покрыли его компрессами из горной арники¹, напоили крепким бульоном, и только тогда он окончательно пришёл в себя. Серьёзных повреждений у него не оказалось, если не считать перелома верхней части руки и синяков и ссадин на всем теле. Маляриус потребовал, чтобы больного оставили в покое и не утомляли разговорами. Рыбак спокойно заснул.

Только на следующий день ему разрешили говорить и попросили сообщить в нескольких словах, что с ним произошло.

Герсебом был захвачен циклоном в ту самую минуту, когда поднимал парус, чтобы возвратиться в Нороз. Он был отброшен к рифам острова, где его лодку разнесло в щепки, которые тотчас же унесло бурей. Сам он, пытаясь избежать страшного удара, едва успел выброситься в море буквально

¹ Горная арника — лекарственное растение

за секунду до катастрофы. Только чудом рыбак не разбился о скалы. С огромным трудом добрался он до берега и укрылся от волн. Изнемогая от усталости, со сломанной рукой, весь в синяках и ссадинах, маастер Герсебом упал на землю и теперь даже не мог вспомнить, как прошли зги двадцать мучительные часов и когда именно жестокий озноб сменился беспамятством.

Сейчас, когда его жизнь была уже вне опасности, он сокрушался о потерянной лодке и сетовал на свою неподвижную руку в лубке. Что же будет дальше, если даже допустить, что после восьми-десятидневного бездействия он опять сможет владеть рукой? Ведь лодка была единственным достоянием семьи, и оно исчезло от одного дуновения ветра! Наняться к кому-нибудь на работу в его годы было уже нелегко. Да и где найти работу?! Ведь рыбаки в Нороз обходятся без помощников, а фабрика рыбьего жира и без того уже уменьшила число рабочих.

Таким грустным размышлениям предавался выздоравливавший Герсебом, сидя с рукой на перевязи, в своём большем кресле.

В ожидании полного выздоровления кормильца семья доедала последние остатки. Питались солёной треской, небольшой запас которой ещё хранился в сарае. Но будущее представляло в мрачном свете — было неизвестно, как все сложится в дальнейшем.

Сомнения и тревоги вскоре придали мыслям Эрика иное направление. Первые два или три дня сильнее всего было охватившее его чувство радости. Ведь маастера Герсебома удалось спасти благодаря его, Эрика, безграничной преданности. И он не мог не гордиться, когда матушка Катрина или Ванда то и дело обращали на него свои благодарные взгляды, как бы говорившие ему:

«Дорогой Эрик, когда-то отец спас тебя в море, а сейчас ты, в свою очередь, вырвал его из лап смерти!..»

Конечно, это была самая высокая награда, о какой он только мог мечтать, самоотверженно обрекая себя на суровую жизнь рыбака. И в самом деле, иметь право сказать себе, что ты в какой-то мере отблагодарил приютившую тебя семью за все её благодеяния, — что могло больше утешить его и укрепить в нём силу духа?

Но сейчас эта семья, великодушно делившая с ним свой скромный достаток, находилась под угрозой нищеты. Вправе ли он был ещё больше обременять её? Разве не должен был он сделать все возможное, чтобы оказать ей помощь?

Эрик прекрасно понимал, что это его обязанность. Затруднялся он только в выборе средств для её выполнения. Не поехать ли ему в Берген и наняться юнгой на какое-нибудь судно, или помочь семье каким-либо иным способом?

Однажды он поделился своими сомнениями с Малярисом. Внимательно выслушав его доводы, тот согласился с ними, но решительно отверг план Эрика нуститься в плавание в качестве юнги.

— Я мог понять, хотя и сожалел об этом, — сказал он, — твоё решение остаться здесь, чтобы разделить участь приёмных родителей. Но я бы никогда не одобрил твоего намерения покинуть своих близких ради профессии, не открывающей перед тобой никаких перспектив, в то время как доктор Швариенкрона предоставляет тебе возможность получить широкое образование и занять подобающее место в обществе!

Но Малярнус утаил от мальчика, что он уже отправил доктору Швариенкрона письмо, решив поставить его в известность, какие тяжёлые последствия имел для семьи Эрика циклон, пронёсшийся 3 марта. Поэтому учитель несколько не удивился, когда уже на четвёртый день получил ответ от доктора, с содержанием которого он немедленно ознакомил маастера Герсебома.

Вот что гласило это письмо.

«Стокгольм, 17 марта.

Мой дорогой Малярисус!

Выражаю тебе сердечную благодарность за то, что ты известил меня о суровых испытаниях, выпавших на долю достойного Герсебома в результате урагана, разразившегося 3-го с.м. Я счастлив и горд узнать, что Эрик во время этого бедствия проявил себя, как это ему свойственно, мужественным юношей и преданным сыном. Ты найдёшь в этом письме ассигнацию в 500 крон, которую я прошу тебя вручить от моего имени Эрику. Скажи ему, что если этой сум-

мы не хватит для приобретения в Бергене самой лучшей рыбацкой лодки, то пусть он немедленно об этом сообщит. Мне бы хотелось, чтобы он назвал эту лодку «Цинтией» и подарил её маастеру Герсебому в знак сыновней любви. А затем, когда это будет исполнено, Эрику следует, если он захочет послушаться меня, вернуться в Стокгольм и возобновить занятия. Место для него по-прежнему свободно в моем доме. И если требуется ещё какой-нибудь довод, чтобы убедить его приехать, то я добавлю, что располагаю теперь некоторыми сведениями, дающими надежду проникнуть в тайну его происхождения. Остаюсь, дорогой Маляриус, твоим преданным и искренним другом.

Р.В.Швариенкрона, д-р медицины.

Легко догадаться, с какой радостью было встречено это письмо. Передавая свой подарок Эрику, доктор тем самым показал, что он хорошо знал характер старого рыбака. Вряд ли маастер Герсебом согласился бы принять лодку непосредственно от доктора. Но как он мог отказать в этом своему приёмному сыну и отвергнуть лодку с названием «Цинтия», напоминающим о появлении Эрика в его семье?..

Оборотной стороной медали, мыслью, омрачавшей всех, был предстоящий отъезд Эрика. Никто на эту тему не заговаривал, хотя все только об этом и думали.

Опечаленный Эрик был во власти противоречивых чувств: ему, естественно, хотелось выполнить волю доктора и тем самым осуществить свою заветную мечту, и в то же время он не хотел огорчать своих приёмных родителей.

На помощь ему пришла Ванда, нарушившая тягостное молчание.

— Эрик, — сказала она ласково и серьёзно, — ты не можешь ответить отказом на письмо доктора, не можешь потому, что это было бы одновременно и проявлением неблагодарности, и насилием над самим собой! Твоё место среди учёных, а не среди рыбаков! Я давно уже думаю об этом. Но раз никто не решается тебе об этом сказать, то скажу я!

— Ванда права! — воскликнул, улыбаясь, Маляриус.

— Да, Ванда права! — повторила сквозь слезы матушка Катрина.

И вот так вторично был решён отъезд Эрика.

ПАТРИК О'ДОПОГАП

Новые сведения, добытые доктором Швариенкрона, хотя сами по себе большого значения не имели, но зато могли навести на след. Он узнал имя бывшего директора Компании канадских судовладельцев, Джошуа Черчилля. К сожалению, неизвестно было, что случилось с этим человеком после ликвидации Компании. Естественно, дальнейшие поиски решено было вести в этом направлении. Если бы нашёлся Джошуа Черчилль, быть может, удалось бы узнать от него, где находятся регистрационные книги пассажиров, а значит и список пассажиров «Цинтии». Там, наверное, упоминался и ребёнок вместе с членами его семьи или лицами, которым он был доверен. Отныне сферу розысков следовало ограничить. Таков, по крайней мере, был совет юриста, который во время ликвидации дел Компании держал в своих собственных руках регистрационную книгу пассажиров. Но уже свыше десяти лет он ничего не слышал о Джошуа Черчилле.

Сначала доктор поддался преждевременной радости, когда узнал, что американские газеты имеют обыкновение публиковать списки пассажиров, отбывающих в Европу. Стоит только перелистать комплекты старых газет, думал он, чтобы обнаружить список пассажиров «Цинтии». Но после проверки это предположение не подтвердилось: публикация таких списков, как оказалось, была введена сравнительно недавно, лишь несколько лет тому назад. И все же старые газеты принесли некоторую пользу: они дали возможность установить точную дату отплытия «Цинтии». Она отчалила 3 ноября, но не из канадского порта, как предполагали, а из Нью-Йорка в Гамбург.

Тогда доктор сделал попытку узнать нужные факты сначала в Гамбурге, а потом в Соединённых Штатах.

В Гамбурге поиски дали самые ничтожные результаты. Коммерсанты, пользовавшиеся в своё время услугами канадской Компании, ничего не знали о пассажирах «Цинтии» и могли только указать, какие на ней перевозились грузы. Но и без того это было известно.

Прошло уже полгода после возвращения Эрика в Стокгольм, когда, наконец, пришло сообщение из Нью-Йорка, что Джошуа Черчилль, бывший директор Компании, скончался семь лет тому назад в больнице на Девятой авеню, не оставив ни законных наследников и, судя по всему, ни самого наследства. Что же касается регистрационных книг Компании, то, по-видимому, они давным-давно уже пущены в макулатуру и употреблены нью-йоркскими бакалейщиками на завёртку табака.

И снова следы потерялись...

Это длительное бесплодное расследование дало только Бредежору пищу для новых насмешек, уязвлявших самолюбие доктора, как бы ни были сини безобидны по существу.

В доме доктора история Эрика была теперь всем известна. Говорили о ней открыто, без стеснения. Все стадии расследования живо обсуждались за обеденным столом или в кабинете доктора. Пожалуй, более разумно он поступал в первые два года, когда держал все это в секрете. Теперь тайна происхождения Эрика служила темой бесконечных разговоров фру Греты и Кайсы, а его самого наводила на грустные размышления.

Не знать своих родителей, живы ли они, думать, что, наверное, никогда уже не придётся узнать правду о своей семье, — все это само по себе было достаточно печально. Но ещё тягостнее — не знать своей родины!

«Ведь самый жалкий уличный мальчишка, самый бедный крестьянин могут, по крайней мере, назвать свою родину и свою национальность! — рассуждал Эрик, не переставая думать об этих вопросах. — А я ничего о себе не знаю, я — самая ничтожная песчинка, неизвестно откуда занесённая ветром! Мне неведомы обычаи моей страны, у меня нет родной почвы, нет прошлого! Земля, где родилась или покоится в могиле моя мать, может быть, завоёвана и опозорена чужеземцами, а мне даже не дано права её защищать и пролить за неё кровь!»

Эти думы удручали бедного Эрика. В такие минуты он тщетно пытался утешить себя тем, что родную мать заменила ему матушка Катрина, что его родным домом стал дом маастера Герсебома, а родиной — Нороз. Напрасно он обещал себе воздать им сторицей за все сделанное ему добро и

быть одним из самых преданных сынов Норвегии. Всё равно он не мог не чувствовать своего необычного положения.

Об этом ему мучительно напоминала даже его внешность — оттенок кожи, цвет глаз и волос — все, чем он отличался от окружающих. Юноша думал об одном и том же, глядя на своё отражение в зеркале или в стёклах магазинных витрин. Иногда Эрик спрашивал себя, какую родину он бы предпочёл, если бы ему дано было право выбора. Потому он читал с таким интересом книги по истории, географии и истории культуры разных народов. Он чувствовал даже некоторое удовлетворение, думая о своей принадлежности к кельтской расе, и пытался найти в книгах подтверждение этого факта, который он узнал от доктора.

Но когда доктор Швариенкрона повторял, что считает его ирландцем, у Эрика сжималось сердце. Неужели из всех кельтских народов судьбе угодно было связать его с самым угнетённым? Если бы только это было доказано, он, конечно, полюбил бы свою несчастную родину не меньше, чем самые великие и прославленные страны¹. Но ведь доказательство отсутствовало! Почему бы ему тогда не предположить, что он, например, француз? Ведь и во Франции тоже были кельты!.. О такой родине можно только мечтать! Это страна с великими традициями, трагической историей, великими идеями, обогатившими мир!.. О, как горячо он любил бы её и с какой безграничной преданностью служил бы ей! Какое счастье быть сыном такой родины! Эрик восхищался её славным прошлым, её литературой и искусством. Но увы! Об этом можно было только мечтать... Он был убеждён, что никогда не узнает тайну своего происхождения. Ведь все самые тщательные поиски до сих пор ни к чему не привели!

И всё-таки Эрику казалось, что если бы он сам попытался выяснить эту тайну, проверить немногие известные факты, побывать во всех местах, упомянутых в документах, то ему, возможно, и удалось бы открыть что-нибудь новое и напасть на верный след. Неужели он не добился бы никаких

¹ Ирландия на протяжении многих столетий пахотилась в колониальной зависимости от Англии и вела упорную борьбу за государственную и национальную самостоятельность. С 1937 года Ирландия объявила себя независимой республикой

результатов, если бы внёс в это дело всю свою настойчивость и силу воли?

Мысли, владевшие Эриком, повлияли на все его занятия, придав им, помимо его воли, иное направление. Он начал особенно прилежно изучать космографию¹, географию, навигацию, всё, что входит в программу мореходных школ, как будто уже заранее было решено, что ему придётся путешествовать.

«Наступит день, — думал он про себя, — когда я выдержу экзамен на капитана дальнего плавания и в состоянии буду на собственный счёт отправиться в Нью-Йорк, чтобы возобновить расследование фактов, касающихся «Цинтии».

Эрик не мог, естественно, удержаться от разговоров на эту тему и не сообщить окружающим со свойственной ему искренностью о своих будущих планах.

Доктор Швариенкрона, Бредежор и профессор Гохштедт настолько прониклись этой идеей, что стали считать её своей собственной. Если вначале тайна происхождения мальчика казалась им лишь интересной проблемой, то сейчас она завладела всеми их помыслами. Видя, как сильно переживает Эрик, искренне любя его и понимая, какое это может иметь для него значение, они решили сделать все возможное для выяснения истины.

И, таким образом, в один прекрасный вечер родилась идея совершить совместную поездку на каникулы в Нью-Йорк и попробовать отыскать на месте какие-нибудь новые факты.

Кому первому пришла в голову эта мысль? Вопрос так и остался открытым и долгое время служил предметом спора доктора и Бредежора: каждый из них приписывал себе приоритет². Скорее всего, идея путешествия возникла у обоих одновременно. Она как бы витала в воздухе, благодаря Эрику, постоянно заводившему речь о своих будущих намерениях. Как бы то ни было, его мечта воплотилась в жизнь, и в сентябре следующего года трое друзей прибыли

¹ Космография — общие сведения по астрономии и физической географии; эта дисциплина имела практическое значение для кораблевождения; в настоящее время космография замещена мореходной астрономией

² Приоритет — первенство в каком-либо открытии, изобретении и т.п.

вместе с Эриком в Христианию и сели на пароход, отплывающий в Соединённые Штаты.

Высадившись спустя десять дней в Нью-Йорке, они немедленно вступили в переговоры с конторой «Джеремии Смит, Уокер и Ко », откуда были получены первые сведения.

С этой минуты вступил в действие новый фактор, значения которого никто раньше и не подозревал, — неиссякаемая энергия самого Эрика. В Нью-Йорке и Соединённых Штатах, в этой новой и необычной для него обстановке, он старался замечать только то, что так или иначе могло его приблизить к предмету поисков. С самого раннего утра он отправлялся в порт, бродил по набережным, осматривал стоящие на рейде суда, без устали выискивая и собирая самые незначительные, на первый взгляд, сведения.

— Не известно ли вам что-либо о Компании канадских судовладельцев? Не укажете ли вы мне какого-нибудь офицера, пассажира или матроса, плававшего на «Цинтии»? — спрашивал он повсюду.

Благодаря прекрасному знанию английского языка этот приветливый серьёзный юноша, так хорошо понимающий все тонкости морского дела, везде встречал доброжелательный приём. Ему то и дело указывали на бывших офицеров, матросов и служащих Компании канадских судовладельцев. Иногда ему удавалось их найти, порою следы терялись. Но никто ему не мог ничего сообщить о последнем рейсе «Цинтии». Ушло около двух недель на непрерывные хождения и упорные поиски, пока, наконец, Эрику не посчастливилось получить справку, резко выделявшуюся по своей достоверности из массы неясных, часто противоречивых сведений, которыми он располагал до сих пор. Действительно, трудно было переоценить значение этого показания.

Выяснилось, что некий матрос, по имени Патрик О'Доноган, уцелел после гибели «Цинтии» и с тех пор не раз бывал в Нью-Йорке. Утверждали, что Патрик О'Доноган во время последнего рейса «Цинтии» находился на борту в качестве младшего матроса. Он прислуживал капитану и, судя по всему, должен был знать пассажиров первого класса

обычно столующихся в кают-компании¹. Ведь ребёнок, привязанный к спасательному кругу, несомненно относился к пассажирам первого класса. Об этом говорили все его вещи, такие изящные и богатые. А потому самым важным и не терпящим отлагательства делом и было сейчас отыскать Патрика О'Доногана!

Доктор и Бредезор пришли к этому решению, когда Эрик поделился с ними своей новостью, вернувшись к обеду в гостиницу на Пятой авеню. Впрочем, почти тотчас же беседа отклонилась в сторону, так как доктор постарался извлечь из сообщения Эрика новое подтверждение своей излюбленной теории.

— Если можно считать какое-нибудь имя ирландским, то это, несомненно, имя Патрика О'Доногана! Ведь недаром же я говорил, что судьба Эрика связана с Ирландией!

— Пока что я этого не усматриваю, — возразил ему, улыбаясь, Бредезор. — Ирландский матрос на борту?! Ну и что же! Гораздо труднее, мне кажется, найти американское судно, где не было бы среди экипажа ни одного выходца с Зелёного Эйре².

Теперь было о чём поспорить в ближайшие два — три часа, и друзья, разумеется, не упустили такой возможности. Что же до Эрика, то он сосредоточил с этого часа все свои усилия на достижении одной цели: найти во что бы то ни стало Патрика О'Доногана.

Хотя ему это и не удалось, но настойчивые поиски и расспросы помогли ему, в конце концов, встретить на Гудзоновской набережной одного матроса, который не только лично знал О'Доногана, но и сумел сообщить о нем кое-какие подробности.

Патрик О'Доноган был действительно ирландцем, родом из Иннишгорна в графстве Корк. Судя по описанию, это был человек лет тридцати трех — тридцати пяти, среднего роста, рыжеволосый, черноглазый, с расплюснутым после какого-то несчастного случая носом.

¹ К а ю т - к о м п а н и я — общее помещение на судне для каютиного состава, где собираются во время обеда, в часы отдыха и т.п.

² И р л а н д и я в переводе значит «Зелёная страна»; официальное название государства — Эйре

— Этого молодца легко узнать среди сотен других, — сказал матрос. — Я его хорошо помню, хотя и не видел уже семь или восемь лет.

— Вы встречали его обычно в Нью-Йорке?

— И в Нью-Йорке, и в других местах. Последний раз это наверняка было в Нью-Йорке.

— А не назовёте ли вы кого-нибудь, кто мог бы сообщить, куда он делся?

— Ей-богу, нет... А впрочем, не знает ли о нем хозяин «Красного якоря» в Бруклине? Патрик О'Доноган всегда у него останавливался, когда бывал в Нью-Йорке. Это некий мистер Боул, бывший матрос. Уж если и он ничего не знает, то вряд ли тогда вам кто-нибудь скажет, где искать Патрика О'Доногана!

Эрик поспешил на катер, курсирующий по Ист-Ривер, и уже через двадцать минут оказался в Бруклине.

У порога «Красного якоря» он увидел опрятно одетую старую женщину, усердно чистившую картофель.

— Мистер Боул дома, сударыня? — спросил Эрик, поклонившись с обычной для него вежливостью.

— Он дома, но только что лёг вздремнуть на часок после обеда, — учтиво ответила хозяйка, окинув посетителя любопытным взглядом. — Если вы желаете ему что-нибудь сообщить, то скажите мне, я миссис Боул.

— В таком случае, сударыня, вы, конечно, замените мне вашего мужа. Я хотел бы выяснить, знаете ли вы матроса, по имени Патрик О'Доноган, не находится ли он сейчас у вас и не укажете ли вы, где его можно найти?

— Патрик О'Доноган? Да, я знаю его. Но вот уже пять или шесть лет, как он больше здесь не показывался. И, по правде говоря, я затруднилась бы сказать, где он сейчас находится.

На лице Эрика отразилось такое глубокое разочарование, что, заметив это, старушка явно растрогалась.

— Значит, вам очень нужен Патрик О'Доноган, раз вы так огорчились, не найдя его у нас?

— Очень нужен, сударыня, — грустно, ответил юноша. — Только он один и может пролить свет на тайну, которую я всю жизнь тщетно пытаюсь раскрыть!

В течение трех недель, пока Эрик собирал повсюду сведения, он научился в какой-то степени разбираться в человеческих характерах. Почувствовав, что любопытство миссис Боул сильно задето, он счёл себя вправе задать ей несколько вопросов. Он спросил, не даст ли она ему стакан газированной воды и, получив утвердительный ответ, вошёл в помещение.

Юноша очутился в комнате с низким потолком, уставленной столами из полированного дерева и соломенными стульями. Здесь никого не было.

Это придавало Эрику решимость продолжить разговор с хозяйкой, и он возобновил его, как только она вернулась из погреба с глиняным кувшином.

— Вы, наверное, думаете, сударыня, для чего ему понадобился Патрик О'Доноган? — спросил он, понизив голос. — Так вот: Патрик О'Доноган, как утверждают, был очевидцем крушения «Цинтии», американского судна, затонувшего вот уже скоро семнадцать лет назад у берегов Норвегии. Я должен вам сразу же сказать, что это имеет ко мне прямое отношение, так как сразу же поели гибели «Цинтии» я был подобран в море одним норвежским рыбаком. Он нашёл меня совсем крошечным, месяцев девяти, не больше, в колыбели, привязанной к спасательному кругу «Цинтии». Я ищу О'Доногана, чтобы узнать у него что-либо о моей семье или хотя бы о моей родине!

Возглас удивления, вырвавшийся у мисс Боул, прервал объяснения Эрика.

— На спасательном круге, говорите вы? Вы были привязаны к спасательному кругу?

И, не дожидаясь ответа, она устремилась к лестнице.

— Боул! Боул! Спустись поскорее сюда! — крикнула она мужу. — На спасательном круге! Так вы, значит, ребёнок, который был привязан к спасательному кругу? Кто бы мог подумать такое? — повторяла она, подойдя к Эрику, побледневшему от волнения и надежды.

Неужели, наконец, он узнает тайну, которую так упорно пытался разгадать?

На деревянной лестнице послышались тяжёлые шаги. Появился маленький толстенький старичок с румяным лицом, обрамлённым пышными седыми бакенбардами, и с зо-

лотыми кольцами в ушах. На нём был синий грубошёрстный костюм.

— Что?.. Что случилось? — спросил он, протирая глаза.

— А то, что ты нам нужен, — безапелляционно ответила миссис Боул. — Сядь и выслушай этого молодого человека, который повторит тебе то, что рассказал сейчас мне.

Мистер Боул беспрекословно повиновался. Эрик повторил ему все почти дословно.

И тогда лицо мистера Боула округлилось подобно полной луне, рот его растянулся в широкую улыбку, и он уставился на жену, радостно потирая ручки. Миссис Боул тоже казалась приятно поражённой.

— Значит, я могу предположить, что вам уже известна моя история? — спросил Эрик, замирая от волнения.

Мистер Боул утвердительно кивнул, почесал за ухом и, наконец, ответил:

— Известна и неизвестна, так же как и моей жене. Мы часто говорили об этом, но толком ничего не понимали.

Побледнев, стиснув зубы, Эрик жадно ловил его слова, надеясь получить объяснение. Но объяснение заставляло себя ждать. Мистер Боул не обладал ни даром красноречия, ни способностью ясно излагать свои мысли. И, кроме того, его мысли были ещё затуманены сном. Чтобы окончательно стряхнуть с себя послеобеденный сон, ему требовалось обычно два — три стаканчика бодрящего напитка под названием «Pick me up»¹, который чертовски походил на джин.

Как только жена поставила перед ним бутылку с двумя стаканами, достойный супруг обрёл дар речи.

Из его бесконечно длинного сбивчивого повествования можно было вынести только несколько фактов, тонущих в массе ненужных подробностей. Рассказ мистера Боула продолжался не менее двух часов. Бедному Эрику понадобилось напрячь всё своё внимание, помноженное на страстную заинтересованность, чтобы хоть что-нибудь извлечь из этого потока слов. Благодаря наводящим вопросам, настойчивости, а также содействию миссис Боул, ему удалось все же кое-чего добиться.

¹ «Подними меня» (англ.); название одного из сортов американской водки

ПЯТЬСОТ ФУПТОВ СТЕРЛИПГОВ ВОЗПАГРАЖДЕПИЯ

Патрик О'Доноган, как удалось понять Эрику, несмотря на сбивчивость рассказа и все отступления мистера Боула, отнюдь не являлся образцом добродетели. Владелец «Красного якоря» знал его, когда тот был ещё юнгой, младшим матросом и матросом — до и после гибели «Цинтии». Перед тем, как произошла эта катастрофа, Патрик О'Доноган был беден, как и большинство матросов, но после кораблекрушения возвратился из Европы с толстой пачкой денег, утверждая, будто получил в Ирландии наследство, что казалось мало правдоподобным.

Мистер Боул никогда не верил в это наследство. Ему даже приходило в голову, что столь внезапное обогащение было каким-то неблагоприятным образом связано с гибелью «Цинтии». Хотя и было известно, что Патрик О'Доноган находился на борту этого судна, но, вопреки обыкновению моряков, любящих рассказывать о пережитых испытаниях, он никогда не упоминал о «Цинтии» и, как только об этом заходил разговор, довольно неловко старался перевести его на другую тему. Когда же страховая компания возбудила процесс против владельцев «Цинтии», он поспешил отправиться в длительное плавание, чтобы не быть втянутым в это дело, хотя бы в качестве свидетеля. Такое поведение казалось тем более подозрительным, что Патрик О'Доноган был единственным матросом, уцелевшим из всего экипажа. Мистер Боул не знал сути этой истории, но он и его жена всегда считали её какой-то странной.

Ещё больше подозрений внушал им образ жизни Патрика. Находясь в Нью-Йорке, он никогда не нуждался в деньгах, хотя и не привозил их из своего очередного рейса. Уже через несколько дней после возвращения у него откуда-то появлялись золото и банковские билеты. А когда он бывал пьян, что случалось с ним довольно часто, то хвастался, будто владеет какой-то тайной, которая стоит целого состояния. При этом в своих пьяных разглагольствованиях он всегда упоминал о ребёнке на спасательном круге.

— Ребёнок на спасательном круге, мистер Боул, — бормотал он, стуча кулаком по столу, — этот ребёнок ценится на вес золота!

И он хихикал, весьма довольный собой. Однако никогда не удавалось добиться от него объяснения этих непонятных слов, служивших уже много лет для четы Боул источником самых фантастических предположений. Вот почему так взволновалась миссис Боул, когда Эрик сообщил ей, что он и есть тот самый пресловутый «ребёнок на спасательном круге».

Приезжая в Нью-Йорк, Патрик О'Доноган, не менее пятнадцати лет подряд, всегда останавливался в «Красном якоре». Но прошло уже больше пяти лет, как он там не показывался, и в этом, по словам мистера Боула, было нечто таинственное. Однажды вечером к ирландцу пришёл какой-то человек и провёл с ним взаперти около часу. Вслед за тем Патрик О'Доноган, взбудораженный и растерянный, немедленно расплатился по счёту, забрал свои пожитки и скрылся в неизвестном направлении. С тех пор его здесь больше не видели.

Разумеется, мистер и миссис Боул ничего не знали о причине столь внезапного отъезда Патрика, но они всегда думали, что это имеет какое-то отношение к гибели «Цинтии» и к истории «ребёнка на спасательном круге». По их мнению, незнакомец предупредил Патрика о грозящей ему серьёзной опасности, и потому ирландец решил тотчас же покинуть Нью-Йорк. Супруги Боул не допускали возможности его последующего возвращения: они, конечно, узнали бы о его приезде от других постояльцев «Красного якоря», которые не преминули бы выразить своё удивление, если бы Патрик остановился где-либо в другом месте.

Вот что в общих чертах стало известно Эрику. Конечно, ему захотелось немедленно сообщить об этом своим друзьям, и он попросил разрешения у супругов Боул вернуться сюда вместе с ними.

Нечего и говорить, с каким интересом был выслушан его рассказ на Пятой авеню. Впервые после долгих поисков удалось напасть на след человека, не раз упоминавшего о «ребёнке на спасательном круге». Хотя местонахождение Патрика О'Доногана оставалось неизвестным, но можно было надеяться разыскать его в недалёком будущем. До сих

пор ещё не приходилось сталкиваться с таким значительным фактом. Дело сочли достаточно серьёзным, чтобы отправить миссис Боул телеграмму с просьбой приготовить обед на шесть персон. Эта мысль была подана Бредезором, который полагал, что таким способом легче будет выведать у этих славных людей все подробности. Итак, было решено пригласить супругов Боул к столу и побеседовать с ними за обедом.

Эрик вовсе не надеялся получить от них какие-либо дополнительные сведения. Изучив достаточно хорошо чету Боул, юноша был уверен, что они сообщили ему всё, что им самим было известно. Но он полагался в то же время на большой опыт Бредезора, который умел не только получать свидетельские показания на суде, но и извлекать из свидетелей то, над чем они и сами не задумывались.

Миссис Боул превзошла самое себя. Она накрыла стол в лучшей комнате второго этажа и менее чем за час приготовила превосходный обед. Польщённая приглашением принять в нём участие вместе с мужем, она охотно, и даже с большим удовольствием, позволила выдающемуся адвокату подвергнуть себя допросу. Благодаря этому удалось получить ещё несколько более или менее значительных фактов.

Прежде всего, выяснилось, что Патрик О'Доноган, узнав о процессе, возбуждённом страховой компанией, заявил о своём желании уехать отсюда, чтобы не быть вызванным в суд в качестве свидетеля. Значит, Патрик О'Доноган не был заинтересован вдаваться в какие-либо объяснения, касающиеся гибели «Цинтии», да и вообще все его поведение служило этому подтверждением.

С другой стороны, именно в Нью-Йорке или в окрестностях Нью-Йорка находился источник подозрительных доходов Патрика, которые, казалось, были связаны с какой-то доверенной ему тайной. Ведь установлено, что из очередного плавания он всегда возвращался без денег, а потом, в один из ближайших вечеров, отправившись куда-то на несколько часов после обеда, возвращался домой с набитыми золотом карманами.

Вместе с тем трудно допустить, чтобы его тайна не имела отношения к судьбе «ребёнка на спасательном круге», раз он так часто об этом говорил. По-видимому, Патрик О'Доноган сделал попытку сразу сорвать большой куш, но здесь

его постигла неудача. Действительно, накануне своего внезапного отъезда он сказал, что не желает больше уходить в море, так как ему надоело плавать, и что теперь он будет жить на свою ренту¹.

И, наконец, человек, посетивший Патрика О'Доногана, проявил явную заинтересованность в его отъезде: уже на следующий день он ещё раз зашёл в «Красный якорь» осведомиться о матросе и казался обрадованным, не застав его здесь. Мистер Боул был убеждён, что и сейчас узнал бы этого человека, всем своим обликом и повадками походившего на сыщика или полицейского агента, которые так часто встречаются в больших городах.

Это обстоятельство привело Бредежора к выводу, что Патрика держал в постоянном страхе тот самый человек, от которого он получал деньги, когда находился в Нью-Йорке, и что, несомненно, тот же человек послал к нему сыщика, чтобы припугнуть матроса уголовным преследованием. Только так можно было объяснить, почему ирландец немедленно скрылся после разговора с незнакомцем и больше уже не возвращался.

Теперь важно было установить точные приметы и сыщика, и Патрика О'Доногана. Супруги Боул дали на этот счёт исчерпывающие сведения.

Перелистав свою приходную книгу, они обнаружили, что после отъезда ирландца прошло не пять или шесть лет, как они думали раньше, а только три года и девять месяцев.

Доктор Швариенкрона тотчас же с удивлением отметил, что дата отъезда Патрика, а значит и прихода к нему сыщика, совпадала с тем временем, когда в Англии были напечатаны первые объявления о розыске людей, уцелевших после гибели «Цинтии». Это совпадение казалось настолько очевидным, что нельзя было не обратить внимание на связь между обоими фактами.

Туман, которым была окутана эта загадочная история, как будто начал рассеиваться. Появление ребёнка в море можно было объяснить только преступлением, и, несомненно, младший матрос О'Доноган был его свидетелем или соучастником. Конечно, он хорошо знал истинного виновника катастрофы, который жил в Нью-Йорке или в его окрестно-

¹ Р е н т а — регулярно получаемый доход с капитала

стях и долгое время оплачивал Патрику сохранение тайны. А потом, окончательно выведенный из терпения все возраставшими вымогательствами ирландца и встревоженный объявлениями в газетах, он сумел так его припугнуть, что Патрик поспешил замести следы.

Если даже и допустить, что эти доводы были недостаточно хорошо аргументированы, они содержали, тем не менее, материал для серьёзного судебного расследования. Покидая «Красный якорь», Эрик и его друзья были уверены, что добьются в скором времени положительных результатов.

Уже на следующий день шведский посол представил Бредежора начальнику нью-йоркской полиции, которому были сообщены все известные факты. Одновременно Бредежор завязал отношения с адвокатами страховой компании, принимавшими участие в процессе против владельцев «Цинтии», и добился того, что папки с судебными делами были извлечены из архива, где уже много лет они покрывались пылью. Однако даже при самом тщательном просмотре этих бумаг не удалось обнаружить ни одного скольконибудь значительного документа. Ни та, ни другая сторона не в состоянии были выставить на суде очевидца кораблекрушения. Так как страховая сумма оказалась завышенной по сравнению с действительной стоимостью судна и находившегося на нём груза, вся тяжба свелась к вопросу о возмещении убытков. Владельцы «Цинтии» не в состоянии были убедительно обосновать своих претензий к страховой компании и объяснить причину катастрофы. Их доводы были признаны несостоятельными, и суд вынес решение в пользу противной стороны. Тем не менее страховой компании пришлось выплатить крупную сумму наследникам погибших пассажиров. Но ни в каких документах, фигурировавших на процессе, не упоминалось о девятимесячном младенце.

Когда изучение судебных материалов, отнявшее немало дней, уже подходило к концу, Бредежора пригласил к себе начальник полиции и сообщил, что, к величайшему сожалению, ничего не удалось обнаружить. Никто в Нью-Йорке не знал агента, состоявшего на государственной службе или в частном сыском бюро, внешность которого соответствовала бы описаниям, полученным от мистера Боула. Никто не

мог дать никаких сведений и о лице, проявившем заинтересованность в исчезновении Патрика О'Доногана. Что же касается последнего, то, по крайней мере, уже четыре года, как он не появлялся на территории Соединённых Штатов. Его приметы были взяты на учёт на тот случай, если бы этого матроса удалось когда-нибудь обнаружить. В то же время начальник полиции не скрыл от Бредезора, что дело ему кажется безнадёжным: все улики, свидетельствующие о преступном деянии, относятся к такому далёкому прошлому, что легко могут быть подведены под закон о прекращении судебного преследования в связи с двадцатилетней давностью преступления, даже в случае возвращения Патрика О'Доногана.

Итак, погибла и, быть может, навсегда погибла надежда проникнуть в тайну, ключ от которой, как казалось Эрику, был уже у него в руках...

Оставалось только вернуться в Швецию, заехав по нуту в Ирландию, чтобы узнать, не обосновался ли там Патрик О'Доноган в поисках надёжного убежища. Так именно и решили поступить доктор Швариенкрона и его друзья после того, как они попрощались с мистером и миссис Боул.

Пароходы, курсирующие между Нью-Йорком и Ливерпулем, всегда заходят в Корк. Стоило только нашим путешественникам выбрать этот маршрут, чтобы оказаться на расстоянии нескольких миль от Иннишгорна. Там они выяснили, что Патрик О'Доноган уже в двенадцатилетнем возрасте покинул родину и с тех пор не подавал никаких признаков жизни.

— Где же теперь его искать? — спрашивал доктор Швариенкрона, когда они находились на нуту в Лондон, чтобы пересесть на пароход в Стокгольм.

— Во всех гаванях мира, но только не в американских, — ответил Бредезор. — Посудите сами, тридцатилетний матрос, бывший юнга, не приспособленный ни к какой другой работе, как он может отказаться от своей профессии? Значит, Патрик продолжает плавать. А раз пароходы курсируют из порта в порт, то только в одном из них и можно надеяться его найти. А вы что на это скажете, Гохштедт?

— Рассуждение мне представляется достаточно правомерным, хотя, может быть, и чересчур категоричным, — ответил профессор со свойственной ему осторожностью.

— Донустим, что оно правильно; — продолжал Бредежор. — Испуганный Патрик О'Доноган бежал от угрозы уголовного преследования. Это установлено. Следовательно, он должен опасаться, чтобы его не выдали как преступника правительству Соединённых Штатов. Поэтому у него есть все основания стараться не быть узанным и избегать встреч со своими старыми товарищами. А раз так, то он охотнее будет посещать такие гавани, куда американцы обычно не заходят. Конечно, это только догадка. Но примем её на минуту за истину. Количество гаваней, в которые не заплывают американские суда, настолько ограничено, что их нетрудно перечислить. Мне кажется, с этого и надо начать, послав в такие гавани запросы, не известно ли там что-нибудь о человеке, похожем по приметам на Патрика О'Доногана.

— Не проще ли будет прибегнуть к публикациям? — спросил доктор Швариенкрона.

— Патрик О'Доноган скрывается и не подумает ответить на объявления, если даже они и дойдут до него.

— А почему бы нам не предупредить матроса, что в любом случае он окажется под защитой закона о прекращении преследования за давностью лет и что ему самому было бы выгодно обо всём нам сообщить?

— Это хорошая мысль, но все же я позволю себе вернуться к моим возражениям. Я сомневаюсь, чтобы газетные объявления дошли до простого матроса.

— И тем не менее стоит попытаться! Мы предложим награду Патрику О'Доногану или тому, кто укажет его местопребывание. А ты как думаешь, Эрик?

— Я думаю, что подобные публикации скорее бы достигли цели, если бы они были помещены во многих газетах. Но это будет очень дорого стоить и, кроме того, объявления могут ещё больше встревожить Патрика О'Доногана, который, по-видимому, предпочтёт остаться в неизвестности, какие бы блага они ему ни сулили. Не лучше ли поручить кому-нибудь вести наблюдение в тех портовых городах, где предположительно может обретаться этот матрос?

— Прекрасно, но где же найти человека, которому можно доверить такие поиски?

— Если вам будет угодно, дорогой учитель, он перед вами. Это я! — сразу же ответил Эрик.

— Ты, мой мальчик? А как же твои занятия?

— Мои занятия от этого не пострадают. Ничто не мешает мне продолжать их во время поездок. К тому же, должен вам признаться, доктор, я уже обеспечил себя правом бесплатного проезда.

— Каким образом? — воскликнули в один голос Шварценкрана, Бредежора и Гохштедта.

— Очень просто — подготовившись к экзамену на капитана дальнего плавания. Если понадобится, я сдам его хоть завтра, а когда получу диплом, мне ничто не мешает поступить офицером на любое судно.

— Как же ты это сделал без моего ведома? — спросил доктор с некоторой досадой, в то время как адвокат и профессор добродушно засмеялись.

— По правде говоря, я не чувствую за собой большой вины, — ответил Эрик. — Ведь я только подготовился к экзамену, но не стал бы его держать без вашего разрешения, которого и прошу у вас сейчас.

— Считаю, что ты его получил, негодный мальчишка, — сказал доктор, успокоенный такими доводами. — Но разрешить тебе уехать сейчас и уехать одному — это совсем другое дело. Придётся подождать твоего совершеннолетия.

— Именно так я и думал! — ответил Эрик, и в его голосе можно было почувствовать не только искреннюю благодарность, но и желание послушаться учителя.

И все же доктор не захотел отказаться от своего плана. Он считал, что личные поиски в портах поневоле ограничат сферу действий, тогда как объявления в газетах дадут возможность охватить одновременно много мест. Если Патрик О'Доноган не скрывается, — а это не исключено, — то таким способом легче будет достигнуть цели. Если же он и скрывается, то объявления, в конце концов, помогут его обнаружить.

После всестороннего обсуждения вопроса было составлено следующее объявление, которое, в переводе на семь или восемь языков, должно было вскоре облететь все пять частей света на страницах ста наиболее распространённых газет:

«Разыскивается матрос Патрик О'Доноган, не появлявшийся в течение четырех лет в Нью-Йорке. Сто фунтов стерлингов вознаграждения тому, кто поможет его найти.

Пятьсот фунтов стерлингов ему самому, если он даст о себе знать нижеподписавшемуся. Патрику О'Доногану гарантируется полная безопасность по закону о прекращении преследования за давностью лет.

Д-р Швариенкрона, Стокгольм».

20 октября доктор и его товарищи по нутешеству вернулись в родные пенаты. На другой день объявление было передано в стокгольмское бюро публикаций, и уже через три дня оно было напечатано во многих газетах. Читая его, Эрик не мог удержаться от тяжёлого вздоха, как бы предчувствуя окончательное поражение.

Что же касается Бредежора, то он прямо заявил, что доктор совершил неслыханную глупость и отныне можно считать дело окончательно проигранным.

Но, как будет видно из последующих событий, и Эрик, и Бредежор ошибались.

Глава десятая.

МИСТЕР ТЮДОР БРОУН

Однажды утром, когда доктор по обыкновению находился у себя в кабинете, слуга подал ему визитную карточку, изящную и миниатюрную, как это принято в Англии. На ней было напечатано: «M. Tudor Brown», а ниже добавлено мелкими буквами: «on board the Albatros», то есть: мистер Тюдор Броун с борта «Альбатроса».

«Мистер Тюдор Броун?» — подумал доктор, тщетно стараясь вспомнить человека с таким именем.

— Этот господин желает видеть господина доктора, — сказал слуга.

— А не может ли он прийти в мои приёмные часы?

— Он говорит, что явился по личному делу.

— Ну ладно, тогда попросите его войти, — вздохнув, ответил доктор.

Услышав, как отворяется дверь, он поднял голову и с некоторым изумлением посмотрел на странного обладателя аристократического имени Тюдор в сочетании с простонародной фамилией Броун.

Пусть читатель представит себе мужчину лет пятидесяти: мелкие, морковного цвета завитки на лбу, скорее похожие на мотки шерсти, чем на волосы; крючковатый нос, осёдланный огромными, с дымчатыми стёклами, очками в массивной золотой оправе; длинные, как у лошади, зубы; гладко выбритые щеки, поддерживаемые туго накрахмаленным воротником; рыжая бородка кисточкой, выбивающаяся откуда-то из-под воротника; причудливая голова, увенчанная цилиндром, словно намертво к ней привинченным, так как владелец даже не потрудился приподнять его. И все это сооружение покоилось на тощем, угловатом, как бы наспех сколоченном туловище, облачённом в шерстяной клетчатый костюм серо-зелёного цвета. Булавка в галстук с бриллиантовой головкой величиной с орех; цепочка для часов, извиляющаяся в складках жилета с аметистовыми пуговицами; не менее десятка колец на скрюченных, как у шимпанзе, пальцах — все это придавало незнакомцу такой кичливый, нелепый, курьёзный вид, какой даже трудно вообразить.

Этот субъект вошёл в кабинет доктора, как входят на вокзал — даже не поклонившись. Он остановился посреди комнаты и заговорил в нос гнусавым пронзительным голосом ярмарочного Полишинеля¹:

— Вы и есть доктор Швариенкрона?

— Да, это я, — ответил доктор, поражённый такой развязностью.

Он подумал уже, не позвонить ли слуге и попросить вывести нахала, когда последующие слова незнакомца немедленно заставили его отказаться от этого намерения.

— Я прочёл вашу публикацию относительно Патрика О'Доногана, — проговорил тот, — и решил сообщить вам то, что я о нем знаю.

— Садитесь, пожалуйста, сударь! — поспешно ответил доктор.

И тут он заметил, что посетитель, не дожидаясь приглашения, успел уже выбрать себе кресло, показавшееся ему самым удобным. Придвинув его к столу, он уселся, заложив руки в карманы, поднял ноги, уперев каблуки о подоконник, и самоуверенно взглянул на собеседника.

¹ Полишинель — персонаж французских народных комедий (фарсов) и кукольного театра, наноминающий нашего Петрушку.

— Я думал, — проговорил он, — что вам интересно будет узнать некоторые подробности, раз вы сами предлагаете за них пятьсот фунтов. Вот я и пришёл их вам сообщить.

Доктор молча поклонился.

— Без сомнения, — продолжал гнусавить посетитель, — вы прежде всего захотите узнать, кто я такой. Могу вам это сказать. Как вы уже сами, наверное, прочли на моей визитной карточке, меня зовут Тюдор Броун. Я британский подданный.

— А по происхождению вы не ирландец? — с любопытством осведомился доктор.

Незнакомец, явно озадаченный таким вопросом, ответил после некоторого колебания:

— Нет, шотландец... О, я знаю, что я не похож на шотландца и меня чаще всего принимают за янки. Но ничего не поделаешь. Тем не менее я шотландец.

И, заявив это, он в упор посмотрел на доктора, как бы желая сказать: «Что бы вы обо мне ни думали, мне на это напле-

вать!»

— А может быть, вы родились в Инвернесе? — не унимался доктор, не желая отказаться от своего любимого конька.

Собеседник немного помедлил.

— Нет, я из Эдинбурга, но это к делу не относится. У меня солидное состояние, и я ни от кого не завишу. Если я вам сообщаю, кто я такой, — значит, мне так хочется, ведь заставить меня никто не может!

— Но разрешите заметить, что я вас об этом вовсе и не спрашивал, — с улыбкой возразил доктор.

— Не спрашивали? Тем лучше. Не перебивайте меня, а то мы никогда не кончим. Вы даёте публикации, желая получить сведения о Патрике О'Доногане, — не так ли? Значит, вы ищете тех, кто его знает. Ну вот, я его знаю!

— Вы его знаете? — переспросил доктор, придвигая кресло к Тюдору Броуну.

— Да, я его знаю! Но, прежде чем о нем рассказать, я хочу спросить, — зачем он вам понадобился?

— Вы вправе задать этот вопрос, — ответил доктор. И он в нескольких словах рассказал историю Эрика незнакомцу, которую тот выслушал с глубочайшим вниманием.

— Значит, мальчик жив? — спросил он.

— Жив и здоров и собирается в октябре этого года поступить на медицинский факультет Упсальского университета.

— Так, так... — задумчиво произнёс посетитель. — А скажите, пожалуйста, разве вы не можете проникнуть в тайну его происхождения без посредства Патрика О'Доногана?

— Нет, я не вижу другой возможности, — ответил доктор. — После долгих поисков мне удалось установить, что только один Патрик О'Доноган в состоянии объяснить эту загадку. Вот почему я давал о нем объявления в газетах, по правде говоря, почти не надеясь на успех.

— А почему вы не надеялись на успех?

— У меня есть все основания предполагать, что Патрик О'Доноган предпочитает скрываться, а потому вряд ли он захочет откликнуться на мои объявления. Впрочем, я собираюсь в скором времени прибегнуть к иным методам. Я располагаю подробным описанием его внешности, и мне из-

вестно, в каких портах он чаще всего бывает. Я надеюсь обнаружить его там с помощью специальных агентов.

Доктор Швариенкрона сообщил все это не по легкомыслию, а вполне сознательно. Он решил проверить, какое впечатление произведут его слова на незнакомца. И он хорошо заметил лёгкое дрожание век и нервное подёргивание уголков рта на гладко выбритом лице Тюдора Броуна, несмотря на его напускное равнодушие. Но почти мгновенно тот снова принял невозмутимый вид.

— Ну что же, доктор; — сказал он, — если вы не в состоянии узнать тайну помимо О'Доногана, тогда, значит, вы никогда её не узнаете!.. Патрик О'Доноган умер.

Как ни потрясло доктора это известие, он не проронил ни звука, а только пристально взглянул на собеседника.

— Умер и похоронен, — продолжал тот, — вернее сказать, опущен на глубину трехсот морских саженей! Случаю было угодно, чтобы этот человек, чьё прошлое и мне казалось загадочным — потому я обратил на него внимание — три года назад был нанят марсовым на мою яхту «Альбатрос». Должен заметить, что моя яхта — испытанное судно. Я провожу на его борту иногда по семь — восемь месяцев подряд. Итак, года три тому назад, когда мы находились на траверсе¹ Мадейры, марсовый Патрик О'Доноган упал в море. Я немедленно приказал остановиться и снустить шлюпки. После тщательных поисков он был найден. На борту ему была оказана необходимая помощь, но все попытки вернуть его к жизни не увенчались успехом: Патрик О'Доноган был мёртв. Пришлось возратить морю добычу, которую мы попытались у него отнять! Разумеется, несчастный случай был зафиксирован по всем правилам в судовом журнале. Полагая, что данный документ может вас заинтересовать, я велел снять с него нотариальную копию и принёс её вам.

Сказав это, Тюдор Броун вытащил бумажник, извлёк из него лист бумаги, покрытый гербовыми марками, и передал доктору.

Тот быстро ознакомился с документом. Действительно, это была выписка из судового журнала «Альбатроса», принадлежащего Тюдору Броуну, и она подтверждала кончину

¹ Т р а в е р с — направление, перпендикулярное ходу (курсу) судна

Патрика О'Доногана на траверсе острова Мадейры. Выписка была надлежащим образом заверена под присягой двух нотариусов и зарегистрирована в Лондоне, в *Sommerset House*¹, комиссаром её королевского величества.

Подлинность документа не вызывала сомнений. Но самый факт его неожиданного появления показался доктору таким странным, что он не в силах был удержаться, чтобы не высказать вслух своего удивления. Тем не менее он сделал это со свойственной ему вежливостью.

— Вы мне позволите, сударь, задать вам только один вопрос? — спросил он.

— Задавайте, доктор.

— Каким образом у вас оказался в кармане подобный документ, заранее заготовленный и законно оформленный?.. Для чего вы его мне принесли?

— Если я не разучился считать, то это не один, а два вопроса, — ответил Тюдор Броун. — Отвечу на них поочерёдно. Этот документ оказался у меня в кармане потому, что, прочитав два месяца тому назад объявление и имея возможность предоставить интересующие вас сведения, я хотел, чтобы они были возможно более исчерпывающими и бесспорными, насколько это в моих силах... А принёс я документ потому, что, совершая прогулку на яхте вдоль берегов Швеции, счёл уместным занести вам эту бумажонку лично, чтобы удовлетворить таким образом и своё и ваше любопытство.

На такие доводы возразить было нечего, и доктор принял единственно возможное решение.

— Так, значит, вы прибыли сюда на «Альбатросе?» — быстро спросил он.

— Ну да.

— А есть ли у вас на борту матросы, знавшие Патрика О'Доногана?

— Конечно есть, и немало.

— Вы позволите мне повидаться с ними?

— Сколько вам будет угодно. Может быть, вы хотите сейчас отправиться со мной на яхту?

— Если вы не возражаете.

¹ *Sommerset House* — здание в Лондоне, где помещаются правительственные учреждения

— Нисколько, — ответил англичанин, вставая. Позвонив слуге, доктор велел подать себе шубу, шляпу и трость и вышел с Тюдором Броуном. Через пять минут они уже были у причала, где стоял на якоре «Альбатрос».

Их встретил старый морской волк, с багрово-красным лицом и седыми бакенбардами. Он показался доктору человеком весьма расположенным к откровенности и чистосердечию.

— Мистер Уорд, — остановил его Тюдор Броун, — этот джентльмен желает навести справки о Патрике О'Доногане.

— О Патрике О'Доногане? — переспросил старый моряк. — Да помилует бог его душу! Он доставил нам немало хлопот, когда мы его вылавливали на траверсе Мадейры! А для чего, я вас спрашиваю, нужна была вся эта возня? Ведь всё равно его пришлось отдать на съедение рыбам!

— Как долго вы с ним были знакомы? — спросил доктор.

— С этим прощелыгой? Слава богу, недолго — год или два, не больше. Мы, кажется, наняли его в Занзибаре, не так ли, Томми Дафф?

— Кто меня зовёт? — откликнулся молодой матрос, усердно начищавший мелом медные поручни на лестнице.

— Я, — ответил старик. — Ведь мы в Занзибаре взяли на борт Патрика О'Доногана?

— Патрика О'Доногана? — медленно проговорил матрос, как бы смутно припоминая это имя. — Ах да, конечно, это тот самый марсовый, который упал в море на траверсе Мадейры? Так точно, мистер Уорд, он поступил к нам в Занзибаре.

Доктор Швариенкрона попросил описать ему внешность Патрика О'Доногана и убедился, что описание полностью совпадало с известными ему приметами. Матросы показали ему людьми правдивыми и честными. Об этом говорили их открытые простодушные лица. Правда, единообразие их ответов могло бы навести на мысль о предварительном сговоре, но не вытекало ли оно естественным образом из самих же фактов? Так как матросы знали Патрика всего лишь один год или немного больше, они могли дать о нем довольно скудные сведения: указать его приметы и повторить рассказ о его трагической смерти.

«Альбатрос» был так хорошо оснащён, что при наличии нескольких пушек вполне мог бы сойти за военное судно. На яхте царила безукоризненная чистота. Экипаж выглядел очень бодро, все были в добротной одежде и казались прекрасно дисциплинированными, так как находились на своих местах, несмотря на то, что судно стояло у самой набережной.

Все это, вместе взятое, произвело на доктора благоприятное впечатление. Он заявил, что его вполне удовлетворяют полученные сведения и, с присущим ему гостеприимством, даже пригласил скрепя сердце к себе на обед Тюдора Броуна, который прохаживался взад и вперёд по юту¹, насвистывая только ему одному известный мотив. Но мистер Тюдор Броун не счёл возможным принять это приглашение и отклонил его в следующих «изысканных» выражениях:

— Нет, не могу, никогда не обедаю в городе!

Доктору ничего не оставалось, как только удалиться. Тюдор Броун даже не удостоил его на прощанье кивком головы.

Прежде всего доктор поспешил рассказать о своём приключении Бредежору, который выслушал его, не проронив ни слова, но про себя решил немедленно приступить к тщательному расследованию.

Когда Эрик вернулся в полдень из школы к обеду, Бредежор отправился вместе с ним на разведку, но столкнулся с непредвиденным затруднением. «Альбатрос» уже ушёл из Стокгольма, не сообщив ни нути следования, ни адреса владельца.

Единственным вещественным доказательством этого странного визита был документ о смерти Патрика О'Доногана, оставшийся у доктора.

Достоверен ли был этот документ? Вот в чём Бредежор позволил себе усомниться, несмотря на подтверждение английского консула в Стокгольме, выяснившего после соответствующего запроса подлинность печати и подписей на предъявленном свидетельстве о смерти.

¹ Ют — кормовая часть верхней налубы судна

Подозрительным показался адвокату ещё и тот факт, что, по наведённым справкам, никто не знал в Эдинбурге о существовании Тюдора Броуна.

Но мало-помалу сомнения рассеялись под воздействием неопровержимого доказательства: с той поры никаких других известий о матросе не поступало, и все объявления в газетах остались без отклика.

Итак, Патрик О'Доноган исчез навсегда, а вместе с ним исчезла и последняя надежда проникнуть в тайну происхождения Эрика. Он сам это прекрасно понимал и вынужден был признать бесцельность дальнейших поисков. Поэтому он безропотно согласился поступить с осени, по желанию доктора, на медицинский факультет Упсальского университета. Но только он хотел предварительно сдать экзамен на капитана дальнего плавания, и это намерение красноречиво свидетельствовало о том, что Эрик не отказался от своей заветной мечты — посвятить себя нутешествиям и побывать во многих странах.

К тому же на сердце юноши лежали теперь и другие заботы, заботы настолько тягостные, что избавиться от них, как ему казалось, могла бы помочь только перемена обстановки. Доктор даже и не подозревал о желании Эрика в недалёком будущем покинуть под благовидным предлогом его дом. Таким предлогом явилось бы длительное плавание. Причиной, побудившей Эрика принять это решение, была все возраставшая неприязнь к нему племянницы Швариенк-рона, фрекен Кайсы, которая выказывалась буквально на каждом шагу. Юноше хотелось во что бы то ни стало скрыть свою обиду от добрейшего опекуна.

Отношения Эрика и молодой девушки всегда были очень натянутыми. Даже после семилетнего знакомства «маленькая фея», как и в первый день его приезда в Стокгольм, казалась ему образцом изящества и светских манер. Он испытывал перед ней безграничное восхищение и старался изо всех сил заслужить её дружбу. Но Кайса не желала примириться с тем, что этот «втируша» поселился в доме доктора, где к нему относились, как к приёмному сыну, и сумел очень быстро стать любимчиком трех друзей. Школьные успехи Эрика, его доброта и кротость не только не могли заставить её сменить гнев на милость, но, напротив, служи-

ли новым источником для зависти и ревности. В глубине души Кайса не прощала Эрику его рыбацкого и крестьянского происхождения. Ей казалось, что оно роняет достоинство дома доктора Швариенкрона и что она, Кайса, благодаря этому утрачивает право занимать место на высшей ступени общественной лестницы, где, по её мнению, она до сих пор находилась.

И каково же было её возмущение, когда она узнала, что Эрик даже не крестьянский сын, а просто найдёныш! Она не далека была от мысли, что найдёныш занимает в общественной иерархии¹ почти такое же место, как кошка или собака. Её чувства проявлялись в самых презрительных взглядах, в самом оскорбительном молчании и в жестоких унижениях Эрика. Если его приглашали вместе с нею на детский праздник к друзьям доктора, она упорно отказывалась танцевать с ним. За столом Кайса демонстративно не отвечала на его слова или совершенно не считалась с ними. При всякой возможности она старалась его унижить.

Правда, Эрик давно уже разгадал причину такого бессердечного обращения, но он никак не мог понять, почему такое ужасное несчастье, как потеря семьи и родины, могло послужить против него обвинением и вызвать со стороны Кайсы настоящую ненависть. Однажды, когда он решил объяснить с девушкой и заставить её признать несправедливость и жестокость подобных предрассудков, она даже не пожелала его выслушать. В восемнадцать лет Кайса начала выезжать в свет. За нею многие ухаживали и всячески баловали как богатую наследницу, и это ещё больше утвердило её во мнении, что она сделана из иного теста, нежели простые смертные.

Сначала Эрика удручала такая несправедливость, но в конце концов он возмущился и дал себе клятву взять реванш. Чувство глубокого унижения, которое он испытывал, ещё больше усилило его рвение к занятиям. Он мечтал завоевать себе самоотверженным трудом такое положение в обществе, чтобы заставить всех себя уважать. Потому Эрик и решил при первой же возможности оставить дом, в котором каждый день был отмечен для него какой-нибудь новой обидой.

¹ Иерархия — «лестница» чинов и званий; от низшего к высшему, определяющих положение человека в буржуазном обществе.

Но только отъезд нужно было обставить таким образом, чтобы горячо любимый доктор ни о чём не догадался. Пусть он думает, что разлука с Эриком вызвана его непреодолимой страстью к путешествиям!

Решив подготовить почву, юноша частенько заговаривал о своём намерении присоединиться к какой-нибудь научной экспедиции после того, как он окончит образование. Продолжая заниматься в Упсальском университете, он закалял себя различными упражнениями и суровой тренировкой, исподволь подготавливаясь к опасной и полной лишений жизни, являющейся уделом великих путешественников.

Глава одиннадцатая.

НАМ НИШУТ С «ВЕГИ»

Стоял декабрь 1878 года. Эрику только что исполнилось двадцать лет и он сдал свой первый докторский экзамен¹. В это время внимание всех шведских учёных, а можно сказать, и учёных всего мира было приковано к грандиозной арктической экспедиции знаменитого мореплавателя Норденшельда. Совершив несколько предварительных путешествий, чтобы лучше подготовиться к своей будущей экспедиции в область вечных льдов, а также глубоко и тщательно изучив все материалы, необходимые для решения поставленной задачи, Норденшельд сделал ещё одну попытку открыть Северо-Восточный проход из Атлантического океана в Тихий, тот самый проход, который на протяжении трех столетий тщетно разыскивали все морские державы.

План этой экспедиции был изложен шведским мореплавателем в подробной докладной записке. Он обосновывал в ней свои предположения, что Северо-Восточный проход доступен летом, и излагал различные способы, с помощью которых надеялся осуществить этот географический desideratum². Щедрая субсидия³ двух шведских судовладельцев и содействие правительства позволили Норден-

¹ То есть экзамен на получение учёной степени доктора; учёная степень доктора присваивается в странах Западной Европы окончившим университет.

² Desideratum (лат.) — желание; задача, которую необходимо решить.

³ Субсидия — денежное пособие.

шельду так организовать экспедицию, что можно было рассчитывать на успех.

21 июля 1878 года Норденшельд отплыл из Тромсе на борту «Веги», стремясь достигнуть Берингова пролива, обогнув с севера европейскую Россию и сибирское побережье. Лейтенант шведского флота Паландер управлял кораблём, на борту которого вместе с начальником и вдохновителем экспедиции находился весь цвет науки — ботаники, геологи, физиологи и астрономы. «Вега», оборудованная специально для арктической экспедиции по указаниям самого Норденшельда, была судном водоизмещением в пятьсот тонн, недавно построенным в Бремене и снабжённым винтовым двигателем в шестьдесят лошадиных сил. Три парохода, гружённые углём, должны были сопровождать «Вегу» до заранее намеченных наиболее отдалённых нунктов сибирского побережья. Все было рассчитано на двухлетнее плавание на случай, если бы пришлось зазимовать в нути. Но Норденшельд не скрывал своей надежды ещё до наступления осени достигнуть Берингова пролива, учитывая эффективность принятых мер, и вся Швеция разделяла его надежду.

Покинув самый северный порт Норвегии, «Вега» 29 июля достигла Новой Земли, 1 августа вошла в воды Карского моря, 6 августа прибыла к устью Енисея, 9 августа обогнула мыс Челюскин — крайнюю точку старого континента, дальше которой ещё не заходил ни один корабль. 7 сентября «Вега» бросила якорь в устье Лены и рассталась там с последним из сопровождавших её пароходов с углём. 16 октября телеграмма, переданная этим пароходом в Иркутск, известила весь мир об успешном завершении первого этапа экспедиции.

Можно представить себе, с каким нетерпением многочисленные друзья шведского мореплавателя ждали подробных известий о его путешествии. Но долгожданные подробности прибыли только в первых числах декабря. Ведь если электричество преодолевает расстояние со скоростью человеческой мысли, то этого нельзя сказать о сибирской почте. Письмам с «Веги», посланным в Иркутск одновременно с телеграммой, потребовалось более шести недель для того, чтобы попасть в Стокгольм. Но наконец они туда прибыли, и с 5 декабря одна из крупнейших шведских газет начала

публиковать корреспонденции молодого врача, участника экспедиции, о первой части проделанного нуту.

В тот же день, за завтраком, Бредежор с живейшим интересом просматривал четыре газетных столбца с подробным описанием плавания, как вдруг взгляд его упал на строки, заставившие почтенного адвоката подскочить от удивления. Он внимательно прочёл их, потом ещё раз перечитал и, стремительно поднявшись, быстро надел шубу и шапку и помчался к доктору Швариенкрона.

— Вы прочли корреспонденцию с «Веги»? — закричал он, врываясь, как вихрь, в «маатсал»¹, где его друг сидел за завтраком вместе с Кайсой.

— Я только лишь начал её читать, — ответил доктор, — и собирался закончить, когда закурю трубку.

— Так, значит, вы ещё не знаете, — продолжал, с трудом переводя дыхание, Бредежор, — вы ещё не прочли, о чём говорится в этой корреспонденции?

— Нет, не прочёл, — ответил доктор с невозмутимым спокойствием.

— Ну так слушайте же! — воскликнул Бредежор, подходя к окну. — Это дневник одного из ваших коллег на борту «Веги». Вот что он пишет:

«30 и 31 июля. Мы входим в Югорский пролив и становимся на якорь у ненецкого селения Хабарове. Высаживаемся на берег. Исследуем нескольких жителей, чтобы проверить по методу Хольмгрома их способности к восприятию различных цветов. Убеждаемся, что чувство цвета у них развито нормально... Покупаем у одного ненецкого рыбака два превосходных лосося...»

— Простите, — прервал его доктор, улыбаясь, — уж не шарада ли это? Должен признаться, что не усматриваю особого интереса во всех этих подробностях...

— Ах, так вы не усматриваете в этом интереса? — ехидно переспросил Бредежор. — Хорошо, потерпите минуточку, и вы его сейчас усмотрите!..

«Покупаем у одного ненецкого рыбака два превосходных лосося, вид которых ещё никем не описан, и, несмотря на яростные протесты нашего кока, я помещаю их в спиртовой раствор. Происшествие: сходя с корабля, этот рыбак падает

¹ Маатсал (швед.) — обеденный зал, столовая.

в воду, как раз в ту минуту, когда мы собираемся поднять якорь. Его вылавливают из воды полузахлебнувшимся, оконеченным до такой степени, что бедняга напоминает железный брус. К тому же он ранен в голову. Когда его, погруженного в глубокий обморок, переносят в лазарет «Веги», раздевают и укладывают на койку, то оказывается, что этот ненецкий рыбак — европеец. У него рыжие волосы, нос, расплюснутый после какого-то несчастного случая, а на левой стороне груди, у сердца, вытатуированы затейливыми буквами следующие слова: «Патрик О'Доноган. Цинтия».

Тут доктор Швариенкрона не мог удержаться от возгласа изумления.

— Потерпите, это ещё не все! — сказал Бредежор.

И он продолжал чтение.

«Под воздействием энергичного массажа он приходит в себя. Но высадить его на берег в таком состоянии невозможно. У него высокая температура и бред. Вот, собственно, и все наши исследования чувства цвета у ненцев, так неожиданно разлетевшиеся в пух и прах.

3 августа. Рыбак из Хабаровы совсем оправился. Он был очень удивлён, очнувшись на борту «Веги» по пути к мысу Челюскина. Так как его знание ненецкого языка может оказаться для нас полезным, мы убедили его пройти с нами вдоль сибирского побережья. Он говорит по-английски в нос, как янки, но утверждает, будто он шотландец и зовут его Джонни Боул. На Новую Землю он прибыл якобы с русскими рыбаками и живёт в этих краях уже двенадцать лет. Имя, вытатуированное на его груди, как он утверждает, — имя одного из друзей детства, давно уже умершего».

— Так это же тот, кого мы ищем! — в неописуемом волнении воскликнул доктор.

— Какие тут могут быть сомнения? — ответил адвокат. — Имя, корабль, описание внешности — все совпадает. Даже то обстоятельство, что он выбрал псевдоним Джонни Боул, даже его старание внушить, будто Патрик О'Доноган мёртв, — разве это не неопровержимые доказательства?

Оба друга замолчали, размышляя о возможных последствиях неожиданного сообщения.

— Но как разыскать его в такой дали? — промолвил, наконец, доктор.

— Разумеется, нелегко, — ответил Бредезор. — Но уже сам по себе тот факт, что он существует и находится в определённой части земного шара, значительно упрощает дело. К тому же можно рассчитывать на благоприятный случай. Быть может, он останется до конца плавания на «Веге» и сам же, по приезде в Стокгольм, сообщит нам всё, что нас так волнует. Но и в противном случае не исключена возможность, что рано или поздно нам удастся встретиться с ним. Благодаря экспедиции Норденшельда, рейсы на Новую Землю станут более частыми. Судовладельцы уже поговаривают о том, чтобы ежегодно посылать корабли в устье Енисея.

Разговорам на эту тему не видно было конца. Друзья продолжали ещё дискутировать, когда Эрик в два часа вернулся из университета. Он также прочёл это важное сообщение и поторопился, не теряя ни минуты, сесть в Упсале¹ на поезд. Но, как это ни странно, юноша испытывал скорее чувство тревоги, чем радости.

— Знаете, чего я теперь опасаясь? — спросил он доктора и Бредезора. — Я боюсь, не случилось ли с «Вегой» несчастья... Подумайте только, ведь сегодня 5 декабря, а руководители экспедиции рассчитывали ещё до начала октября попасть в Берингов пролив!.. Если бы это намерение осуществилось, мы, несомненно, знали бы об этом, так как «Вега» уже давным-давно была бы в Японии или, по крайней мере, в Петропавловске у Алеутских островов — в одном из портов на Тихом океане, откуда дала бы о себе знать!.. Но ведь телеграммы и письма, посланные через Иркутск, датированы седьмым сентября, а это значит, что в течение трех месяцев нам неизвестно, что происходит на «Веге». Следовательно, она не пришла в назначенный срок в Берингов пролив и, таким образом, её постигла участь всех экспедиций, делавших попытки на протяжении трех столетий отыскать Северо-Восточный проход. Вот к какому печальному выводу я прихожу!

— А не была ли «Вега» вынуждена зазимовать во льдах? Ведь такая возможность предполагалась, — возразил доктор.

¹ Унсала — город, известный своим университетом, находящийся неподалёку от Стокгольма.

— Конечно, это наиболее утешительное объяснение. Зимовка в подобных условиях сопряжена с такими опасностями, что мало чем отличается от кораблекрушения. Как бы то ни было, ясно одно: если мы когда-нибудь и получим известие с «Веги», то не раньше будущего года.

— Почему ты так думаешь?

— А потому, что если «Вега» не погибла, то в настоящее время она затёрта льдами и сможет освободиться, в лучшем случае, в июне или в июле.

— Да, это справедливо, — ответил Бредезор.

— Так к какому же заключению тебя приводят все эти предпосылки? — спросил доктор, обеспокоенный необычной взволнованностью Эрика.

— К единственному заключению, что я не могу так долго ждать возможности выяснить факты, которые имеют для меня решающее значение!

— Что же ты намерен предпринять? Нельзя же не считаться с непреодолимыми препятствиями!

— Но, может быть, они непреодолимы только с первого взгляда? — ответил Эрик. — Ведь прибыли же письма с арктических морей через Иркутск. А почему бы и мне не отправиться тем же самым путём? Я прошёл бы вдоль сибирского побережья!.. Я расспрашивал бы у местных жителей, не слыхали ли они о потерпевшем крушение или затёртом во льдах корабле. Быть может, мне удалось бы разыскать Норденшельда и... Патрика О'Доногана! Ради такой цели стоит пойти на риск.

— В разгаре зимы?

— А почему бы и нет? Это самое благоприятное время для нутешествия на санях в полярных странах.

— Да, но ты забываешь, что ты ещё не добрался до полярных стран и что весна тебя опередит.

— Правильно, — промолвил Эрик, вынужденный признать справедливость этого возражения.

— И тем не менее, — внезапно воскликнул юноша, — необходимо найти Норденшельда, а вместе с ним и Патрика О'Доногана! И они будут найдены, если только это будет зависеть от меня!..

План Эрика, сам по себе очень простой, заключался в том, чтобы опубликовать в одной из стоковых газет статью без подписи, в которой были бы изложены его взгля-

ды относительно участи «Веги», либо погибшей, либо затёртой льдами. И в том и в другом случае неизбежно напрашивался вывод о необходимости спасательной экспедиции. Сведения о «Веге» были такими скудными, а интерес к начинанию Норденшельда так велик, что Эрик безошибочно предвидел, какие горячие споры вызовет среди учёных его статья. Но в действительности успех превзошёл все ожидания. Статья была одобрена газетами разных направлений и нашла живой отклик не только в учёном мире, но и в широких кругах населения. Общественное мнение единодушно высказалось за снаряжение спасательной экспедиции. Организовались комитеты. Открылась подписка для сбора средств на её подготовку. Коммерсанты, промышленники, учащиеся, чиновники, все классы общества выразили желание участвовать в этом предприятии. Один богатый судовладелец даже предложил снарядить за собственный счёт корабль, который отправится по следам «Веги» и будет носить имя «Норденшельд».

Общественный подъём все возрастал по мере того, как проходили дни, а от Норденшельда не поступало никаких достоверных известий. К концу декабря деньги, собранные по подписке, достигли значительной суммы. Доктор Шварценкрона и адвокат Бреденборг были в числе первых подписчиков. Каждый из них внёс по десять тысяч крон. Они вошли в состав учредительного комитета, секретарём которого был избран Эрик.

Фактически он и стал душой этого дела. Его рвение, исполнительность, хорошая осведомлённость во всех вопросах подготовки экспедиции помогли ему вскоре завоевать всеобщий авторитет. С первых же дней юноша не скрывал своей личной заинтересованности в успехе предприятия и желания принять участие в экспедиции хотя бы в качестве матроса. Все это придавало ещё большую убедительность его многочисленным предположениям, которые поступали на рассмотрение учредительного комитета. При всей своей занятости Эрик успевал вникать в малейшие подробности подготовительных работ.

Учредительный комитет решил присоединить к «Норденшельду» второй корабль, чтобы поисками была охвачена по возможности наибольшая территория. По примеру «Веги» и этот корабль предполагали снабдить паровым двига-

телем. Сам Норденшельд убедительно доказал, что главной причиной неудачных полярных плаваний было использование парусных судов. Полярные мореплаватели, особенно в научных экспедициях, крайне заинтересованы в том, чтобы обеспечивать судну среднюю скорость, независимо от прихоти ветра, наращивать по мере надобности быстроту при прохождении опасных мест, а главное — иметь возможность маневрировать для отыскания свободного от льда моря, в каком бы направлении оно ни находилось, то есть обладать теми преимуществами, которых лишены парусные суда.

Когда договорились по основным вопросам, было решено покрыть корабль крепкой дубовой обшивкой в шесть дюймов толщиной, разделить внутренние помещения водонепроницаемыми переборками, чтобы предохранить судно от повреждений, вызываемых ударами встречных льдин, и, наконец, при сравнительно небольшом водоизмещении корабля приспособить его для перевозки значительного запаса угля.

Среди различных предложений, поступивших в адрес комитета, выбор остановился на шхуне водоизмещением в пятьсот сорок тонн, которая недавно была построена в Бремене. Шхуна, рассчитанная на восемнадцать человек экипажа, при полном рангоуте¹ имела также паровой двигатель в восемьдесят лошадиных сил и гребной винт, установленный таким образом, чтобы его легко можно было поднимать на борт в случае натиска льдов. Топку одного из котлов приспособили для заправки в качестве горючего животным жиром, который, при отсутствии угля, легко можно раздобыть в арктических широтах. Корпус корабля, защищённый дубовой обшивкой, укрепили, кроме того, поперечными балками для увеличения сопротивляемости при сжатии льдов. Нос корабля был покрыт броней и вооружён стальным тараном для прокладывания пути через ледяные поля, если только их толщина не превысит уровня осадки судна.

Приобретённая шхуна была названа «Аляской» в связи с направлением, по которому сна должна была следовать. Согласно выработанному маршруту, «Норденшельду» пред-

¹ Рангоут — оборудование судна, служащее для ностановки и несения парусов (мачты, реи, стеньги и т.н.)

стояло повторить путь, пройденный «Вегой», а второму кораблю — совершить кругосветное плавание в противоположном направлении: достигнуть Восточно-Сибирского моря, обогнув полуостров Аляску и пройдя через Берингов пролив. Благодаря этому удваивались шансы найти шведскую экспедицию, если она попала в беду, или обнаружить её следы, если она погибла. В то время как один корабль пойдёт по следам экспедиции Норденшельда, другой отправится ей навстречу.

Эрик, которому принадлежал этот план, нередко спрашивал себя, какой из двух маршрутов предпочесть, и в конце концов остановился на втором.

«Норденшельд», — размышлял он, — отправится тем же путём, что и «Вега». Необходимо, чтобы первую часть плавания он проделал столь же успешно и хотя бы обогнул мыс Челюскина. Но кто поручится в том, что ему удастся зайти так далеко? Ведь подобная попытка увенчалась успехом только один раз! С другой стороны, по последним данным, «Вега» находилась не более чем в двухстах или трехстах лье от Берингова пролива. Значит, идя навстречу ей этим путём, есть больше шансов найти потерявшуюся экспедицию. «Норденшельд» даже при самых благоприятных условиях вряд ли догонит «Вегу» раньше чем через несколько месяцев. Но те, кто отправятся в противоположном направлении, не могут разминуться с «Вегой», так как она плывёт вдоль сибирского побережья, если только, разумеется, она ещё существует. Итак, по мнению Эрика, главная задача состояла в том, чтобы поскорее встретить «Вегу» и тем самым поскорее отыскать Патрика О'Доногана.

Доктор и Бредежор полностью согласились с его доводами.

Тем временем работы по снаряжению «Аляски» шли полным ходом: готовились запасы продовольствия, шилась тёплая одежда по специальным указаниям на основе имеющегося опыта; подбирался экипаж из лучших матросов, привычных к холоду: не раз ходивших на рыбную ловлю к берегам Исландии или Гренландии. И, наконец, учредительным комитетом был приглашён в качестве капитана лейтенант Марсилас, офицер шведского флота, служивший в одной из мореходных компаний, которому часто приходилось совершать рейсы в арктических широтах. Его первым по-

мощником в звании старшего офицера был назначен Эрик. Выбрав его на эту должность, комитет оценил проявленную им энергию при подготовке экспедиции и принял во внимание наличие у него диплома капитана дальнего плавания. Младшими офицерами были утверждены испытанные моряки Бозевиц и Кьеллкист.

«Аляске» следовало, кроме того, запастись взрывчатыми веществами, чтобы в случае необходимости можно было прокладывать путь через льды, и значительным количеством антицинготных средств для борьбы с этой болезнью, распространённой на Крайнем Севере. Установленный на корабле калорифер¹ должен был поддерживать в жилых помещениях на всем пути следования ровную температуру, а портативная обсерватория под названием «вороньё гнездо», поднятая на верхушку грот-мачты², в районе плавучих льдов — предупреждать о появлении айсбергов. По предложению Эрика, эту обсерваторию снабдили мощным электрическим прожектором, который получал питание от парового двигателя. Прожектор предназначался для того, чтобы освещать путь «Аляске» по ночам. На борт были погружены семь лодок, в том числе два китобойных бота и паровой катер, шесть саней, лыжи для каждого участника экспедиции, а также четыре пушки Гатлинга, тридцать магазинных винтовок и боевые припасы.

Все эти приготовления подходили к концу, когда из Нороэ прибыли маастер Герсебом и его сын Отто вместе с большим псом Клаасом и попросили оказать им честь, зачислив рядовыми матросами на «Аляску». Из письма Эрика они узнали, какая глубокая заинтересованность привлекла его к этому нутешеству, и они хотели разделить с ним все опасности. Маастер Герсебом заявил, что он может быть полезен как знаток прибрежной полосы Гренландии, а его пёс Клаас — в качестве вожака собачьей упряжки при передвижении на санях. Что касается Отто, то он мог только сослаться на свою геркулесову силу и безграничную преданность. Благодаря поддержке доктора и Бредежора, всех троих приняли на корабль.

¹ К а л о р и ф е р — устройство для нагревания воздуха в целях отопления, вентиляции и сушки; центральное отопление (водяное или паровое).

² Г р о т - м а ч т а — самая высокая мачта на корабле (вторая от носа).

К началу февраля 1879 года сборы были закончены. «Аляска» имела в запасе целых пять месяцев, чтобы дойти к концу июня до Берингова пролива, как раз к тому времени, которое считается наиболее благоприятным для его прохождения. Ей предстояло плыть к проливу кратчайшим путём, то есть через Средиземное море, Суэцкий канал, Индийский океан и Китайские моря¹, заходя поочерёдно для погрузки угля в порты — Гибралтар, Аден, Коломбо, Синганур, Гонконг, Иокогаму и Петропавловск-на-Камчатке.

Со всех этих стоянок «Аляска» должна была телеграфировать в Стокгольм. Условились, что если во время очередного перехода поступит известие с «Веги», то «Аляске» будет об этом незамедлительно сообщено по месту предстоящей стоянки.

Рейсу «Аляски» в арктических водах должно было предшествовать плавание по тропическим морям и вдоль материков, наиболее щедро обогреваемых солнцем. Такой маршрут был избран не ради удовольствия пассажиров, а в силу крайней необходимости: он обеспечивал достижение Берингова пролива наикратчайшим путём и сохранение до последней минуты телеграфной связи, со Стокгольмом.

Но возникло одно непредвиденное осложнение, которое могло задержать отъезд. Судно так хорошо и тщательно было подготовлено к рейсу, что почти все собранные средства оказались исчерпанными и могло не хватить денег для самой экспедиции. Ведь предстояли значительные траты на покупку угля; неизбежны были и другие необходимые расходы. Пришлось провести дополнительную подписку для сбора недостающих средств. Подписка была объявлена 2 февраля, а несколькими днями позже учредительный комитет взволновали два одновременно прибывших заказных письма.

Первое было от господина Маляриуса, школьного учителя в Нороз, лауреата Ботанического общества. В конверте оказался билет в сто крон и просьба принять его на «Аляску» в качестве естествоиспытателя.

Во втором письме был чек на двадцать пять тысяч крон и лаконическая записка:

«Аляске» от Тюдора Броуна с условием, что он будет её пассажиром».

¹ Китайские моря — Южно-Китайское и Восточно-Китайское.

НЕОЖИДАННЫЕ НАССАЖИРЫ

Просьба Маляриуса, такая убедительная и скромная, не могла не быть принята благожелательно учредительным комитетом. Её единодушно одобрили, и достойный педагог, чья научная репутация как ботаника была более значительной, чем он сам это предполагал, получил должность естествоиспытателя в составе экспедиции.

Что же касается условия, выдвинутого Тюдором Броуном при внесении двадцати пяти тысяч крон, то в первую минуту доктор Швариенкрона и Бредежор хотели его отвергнуть, но, когда друзья попытались мотивировать свой отказ, они почувствовали, что это не так-то просто. И в самом деле, какую вескую причину они могли выставить перед учредительным комитетом, чтобы потребовать отклонения столь солидного взноса? Такую причину трудно было найти. Да, Тюдор Броун принёс доктору Швариенкрона свидетельство о смерти Патрика О'Доногана, а теперь оказывалось, что Патрик О'Доноган жив. Но где же тут доказательство злого умысла Тюдора Броуна? Вот о чём справедливо спросит комитет, прежде чем захочет отказаться от суммы, которая может избавить экспедицию от многих затруднений. Тюдору Броуну ничего не стоило доказать свою искренность. А разве её не подтверждал его последний поступок? Может быть, ему самому захотелось проверить, действительно ли утонул Патрик О'Доноган на траверсе Мадейры, или он уцелел и находится на побережье Сибири! Если даже и подозревать у Тюдора Броуна какой-то злой умысел, то не лучше ли будет понаблюдать за ним, присмотреться к нему и не упускать его из виду? И, наконец, одно из двух: либо он не в состоянии внести ничего нового в расследование, которым так долго занимались друзья Эрика, и тогда нет оснований рассматривать его как противника, либо, наоборот, владельца «Альбатроса» привлекают к этому тёмному делу какие-то личные интересы, и тогда, безусловно, будет гораздо благоразумнее пристально следить за его действиями, чтобы вовремя успеть ему помешать.

Вот почему доктор и Бредежор решили не препятствовать появлению Тюдора Броуна на борту «Аляски». Затем

мало-помалу их самих охватило желание поближе познакомиться с этим странным субъектом и узнать, для чего ему понадобилось присоединиться к экспедиции. А как это сделать иначе если не взять его на борт в качестве пассажира?

Маршрут «Аляски», по крайней мере на первом этапе, казался весьма привлекательным. Поэтому доктор Шваренкрона, большой любитель путешествий, попросил разрешения сопровождать экспедицию хотя бы до Южно-Китайского моря, возместив комитету стоимость проезда.

Его пример оказался заразительным для Бредежора, давно уже мечтавшего о поездке в края незаходящего солнца. И он в свою очередь попросил предоставить ему каюту на тех же условиях.

Никто в Стокгольме не сомневался, что и профессор Гошштедт не отстанет от своих друзей благодаря своей научной любознательности и нежеланию надолго расстаться с ними. Но надежды Стокгольма не оправдались. Профессор, соблазненный перспективами нутешествия, так тщательно взвешивал все «за» и «против», что никак не мог прийти к определённом решению. В конце концов он положился на орлянку, и судьба повелела ему остаться на месте.

Отъезд окончательно был назначен на 10 февраля. 9-го Эрик ожидал прибытия, господина Малярнуса. Какова же была его радость, когда он встретил на вокзале не только учителя, но и матушку Катрину с Вандой, которые приехали поездом, чтобы проводить его в далёкий нуть! Они скромно остановились в гостинице, но доктор настоял на их немедленном переселении в его дом, к великому неудовольствию Кайсы, считавшей таких гостей недостаточно светскими.

Ванда превратилась за эти годы в стройную высокую девушку, красота которой оправдала все ожидания. Она только что успешно выдержала в Бергене довольно трудные экзамены, что позволяло ей надеяться получить место преподавательницы в колледже. Но она предпочла остаться с матерью в Нороз и собиралась заменять господина Малярнуса на время его отсутствия. Приобретя серьёзные знания, Ванда не утратила своей обычной простоты и скромности, сдержанности и мягкости, и все это, вместе взятое, придавало ей какое-то особое очарование. Какое необычное впечатление производила эта красивая девушка в живописном норвежском наряде, когда она спокойно и неторопливо рас-

суждала на серьёзные научные темы или с незаурядным мастерством играла на рояле сонату Бетховена! Но самым приятным было в ней врождённое изящество и отсутствие всякой жеманности. Она не старалась привлечь к себе внимание и задумывалась о своих достоинствах не больше, чем о деревенских башмаках, которые были у неё на ногах. Красота Ванды была подобна красоте дикого цветка, перенесённого с берега фьорда и выращенного старым учителем в маленьком саду позади школы.

Вечером в гостиной у доктора в тесном дружеском кругу собралась вся приёмная семья Эрика. Бредежор и доктор доигрывали с профессором Гохштедтом последнюю партию в вист. И тогда неожиданно обнаружили, что и господин Маляриус был весьма искушён в этой «благородной игре». Его внезапно открывшийся талант обещал скрасить часы досуга на борту «Аляски». Но, к несчастью, выяснилось, что достойный учитель подвержен морской болезни и, попадая на корабль, вынужден почти все время лежать в каюте. Только привязанность к Эрику, в сочетании с давно лелеемой мечтой пополнить ботанические каталоги некоторыми, до сих пор не известными видами растений, могла побудить его к морскому путешествию.

После виста решили послушать музыку. Кайса с обычным для неё надменным видом соблаговолила сыграть модный вальс. Ванда с глубоким чувством исполнила старинную скандинавскую песню. Затем, когда был подан чай, все собравшиеся распили большую чашу пунша за успех экспедиции. Эрик заметил, что Кайса даже не притронулась к бокалу.

— А разве фрекен не пожелает нам счастливого нути? — спросил он её вполголоса.

— К чему желать то, во что не веришь, — ответила она.

Назавтра, ранним утром, все отъезжающие были уже на борту, за исключением одного только Тюдора Броуна. После того заказного письма он больше не подавал признаков жизни.

Отчалить должны были в десять часов. Как только наступило назначенное время, капитан Марсилас приказал выбрать якорь и ударить в гонг, чтобы провожающие сошли на берег.

— До свидания, Эрик! — воскликнула Ванда, нежно целуя его.

— Прощай, сыночек! — прошептала Катрина, прижимая к сердцу молодого лейтенанта.

— А вы, Кайса, неужели вы так ничего и не скажете мне на прощанье? — спросил Эрик, собираясь её тоже поцеловать.

— Я пожелаю вам не отморозить нос и узнать, что вы переодетый принц, — ответила она насмешливо.

— А если бы это в самом деле так оказалось, заслужил бы я тогда ваше расположение? — сказал он, пытаясь скрыть под напускной весёлостью боль, причинённую ему этой жестокой шуткой.

— Неужели вы в этом сомневаетесь? — ответила Кайса, повернувшись к своему дяде и давая тем самым понять, что прощание окончено.

Наступила последняя минута. Удары гонга становились все более настойчивыми. Провожающие устремились к сходням, чтобы спуститься в приготовленные лодки. В общей суматохе почти никто не обратил внимания на запоздавшего пассажира, поднявшегося на палубу с чемоданом в руке.

Этим пассажиром был Тюдор Броун. Он представился капитану и потребовал свою каюту, куда его тотчас же проводили.

Ещё через минуту, после двух — трех пронзительных протяжных гудков, заработал винт парохода, за кормой забурлила белая пена, и «Аляска», величественно рассекая зелёные воды Балтики, покинула Стокгольм. А собравшиеся на берегу зрители провожали её громкими криками, оживлённо размахивая платками и шляпами.

Эрик отдавал распоряжения с командного мостика. Бредежор и доктор, облокотясь на перила левого борта, посылали приветствия Кайсе и Ванде, стоявшим на молу. Маляриус, уже почувствовав мучительное недомогание, поспешил к себе в каюту.

Целиком поглощённые мыслями о предстоящей разлуке, ни пассажиры, ни провожающие не заметили появления Тюдора Бруна. Поэтому доктору не удалось скрыть своего удивления, когда, обернувшись, он вдруг увидел его поднимающимся на верхнюю палубу. Он шёл навстречу, засунув

руки в карманы, в том же самом нелепом костюме, с тем же самым цилиндром, как бы намертво привинченным к голове.

— Хорошая погода, — буркнул Тюдор Броун вместо приветствия.

Доктора озадачила такая развязность. Он немного помолчал, надеясь, что этот странный тип попытается хотя бы извиниться и объяснить своё поведение. Но, убедившись, что его ожидания напрасны, доктор перешёл в наступление.

— Так что ж, сударь, выходит, что Патрик О'Доноган вовсе не умер, как вы утверждали! — воскликнул он со свойственной ему горячностью.

— В этом следует ещё убедиться, — ответил иностранец с непоколебимым спокойствием. — Я потому и присоединился к экспедиции, чтобы это выяснить.

Затем Тюдор Броун повернулся спиной и, считая, по видимому, подобное объяснение вполне достаточным, принялся шагать взад и вперёд по палубе, насвистывая свой излюбленный мотив.

Эрик и Бредежор с неослабным интересом следили за этой сценой. Впервые увидев сейчас Тюдора Броуна, они разглядывали его очень внимательно, гораздо внимательнее, чем доктор. Они заметили, что иностранец, как бы намеренно подчёркивая своё равнодушие, временами украдкой окидывал их взглядом, словно желая проверить, какое он произвёл впечатление. Не сговариваясь между собой, Эрик и Бредежор притворились, будто не обращают на него никакого внимания. Но вскоре, встретившись в салоне, куда выходили двери кают, они стали держать совет.

Для чего понадобилось Тюдору Броуну объявить о смерти Патрика О'Доногана? И какую цель преследовал он теперь, отправляясь в плавание на «Аляске»? На это трудно было ответить. Но невозможно было отказаться от мысли, что его вторичное появление не связано каким-то образом с историей «Цинтии» и «ребёнка на спасательном круге». Ведь интерес Эрика и его друзей к судьбе Патрика О'Доногана объяснялся предположением, что матросу известны причины катастрофы. Именно поэтому необходимо было во что бы то ни стало его разыскать. А сейчас они видели перед собой человека, который сначала по собственному почину пришёл сообщить о гибели Патрика О'Доногана, а по-

том навязался в участники спасательной экспедиции после того, как его показания были опровергнуты самым непредвиденным образом! Отсюда можно было заключить, что он преследовал какие-то личные интересы, и самый факт его визита к доктору Швариенкрона указывал на зависимость его интересов от поисков, предпринятых доктором.

Все это наводило на мысль, что в раскрытии тайны происхождения Эрика Тюдора Броун мог бы сыграть не меньшую роль, чем Патрик О'Доноган. Как знать, не владеет ли он уже сейчас ключом к этой загадке, тем самым ключом, который они разыскивали так долго и тщетно? Если это действительно так, то как отнестись к его присутствию на корабле — радоваться или опасаться?

Бредежор склонялся к последнему: и поведение, и облик этого странного субъекта внушали ему подозрения.

Доктор, напротив, допускал искренность поступков Тюдора Броуна, который, при всей своей эксцентричности, мог преследовать честные намерения.

— Если ему и в самом деле что-либо известно, — рассуждал доктор, — то близость в отношениях, неизбежно возникающая при совместном нутешестве, рано или поздно заставит его разговариваться. В таком случае, нам даже повезло, что он находится среди нас! А на худой конец, мы выясним, что же связывает его с ирландцем, если только нам того удастся найти.

Что же до Эрика, то он даже не решался выразить чувство, охватившее его при виде этого типа. Это было даже не отвращение, а ненависть, инстинктивное желание наброситься на него и вышвырнуть за борт. Юноша был убеждён, что этот человек каким-то роковым образом связан с трагедией его жизни. Но Эрик покраснел бы от стыда, если бы, поддавшись своему предубеждению, высказал свои мысли вслух. Он ограничился только замечанием, что, со своей стороны, никогда не принял бы на борт Тюдора Броуна, если бы имел право голоса в этом вопросе.

Как вести себя с таким пассажиром? На этот счёт мнения также разошлись. Доктор полагал, что было бы дипломатичнее обращаться с Тюдором Броуном дружелюбно, чтобы заставить его разговариваться. Бредежор, как и Эрик, испытывал непреодолимое отвращение к подобной комедии, да и к тому же трудно было поручиться, что и у самого доктора

хватит выдержки довести её до конца. Поэтому было решено предоставить самому Тюдору Броуну и последующим событиям наметить ту линию поведения, которой следовало придерживаться.

Долго ждать не пришлось. Ровно в полдень гонг ударил к обеду. Бредежор и доктор направились в кают-компанию. Тюдор Броун сидел уже за столом в своём неизменном головном уборе, не проявляя ни малейшего желания вступить в разговор с соседями. Грубость этого человека превосходила все границы и делала бесполезным всякое возмущение. Он, казалось, не имел ни малейшего понятия об элементарных правилах вежливости: первым накладывал себе кушанья на тарелку, выбирая лучшие куски, ел и пил с жадностью людоеда.

Два или три раза капитан и доктор обращались к нему с вопросами, но он либо вовсе не устаивал их ответом, либо нехотя кивал головой.

Это не помешало ему, однако, после обеда фамильярно развалиться в кресле и, ковыряя во рту огромной зубочисткой, обратиться к капитану Марсиласу с вопросом:

— Какого числа мы будем в Гибралтаре?

— Надеюсь, девятнадцатого или двадцатого, — ответил капитан.

Тюдор Броун вытащил из кармана записную книжку и посмотрел на календарь.

— Значит, двадцать второго — на Мальте, двадцать пятого — в Александрии и к концу месяца — в Адене, — пробурчал он себе под нос.

Затем иностранец вышел из-за стола, поднялся на палубу и принялся взад и вперёд шагать по юту.

— Нечего сказать, приятного понутчика подобрал для нас комитет! — не удержался от замечания капитан Марсилас.

Бредежор собрался было ему ответить, как страшный шум, раздавшийся на верху лестницы, прервал его на полуслове. Послышались крики, лай, неясный гул голосов. Все поспешно поднялись и устремились на палубу.

Виновником переполоха оказался Клаас, большой гренландский пёс маастера Герсебома. Должно быть, физиономия Тюдора Броуна не внушила Клаасу симпатии, так как, завидев прогуливавшегося по юту незнакомца, пёс сначала

выразил своё недовольство глухим ворчанием, а затем попытался вцепиться ему в ногу. Тюдор Броун тотчас же выхватил из кармана револьвер, намереваясь пристрелить собаку. Вовремя подоспевший Отто помешал ему и загнал Клааса в конуру. Завязался горячий спор. Тюдор, побледнев от ярости или от страха, хотел во что бы то ни стало убить пса. На выручку пришёл маастер Герсебом, категорически возражая против такой расправы. Ссору прекратил капитан, попросив Тюдора Броуна спрятать револьвер и потребовав, чтобы отныне собаку держали на привязи.

Этим забавным происшествием были отмечены первые дни плавания. Постепенно все привыкли к молчаливости и эксцентричным выходкам Тюдора Броуна. За столом в каюткомпании его попросту не замечали, как если бы его там вообще не было. Каждый нашёл для себя занятие и развлечение по вкусу. Малярнус, проведя пару дней в постели, начал понемногу есть и вскоре смог принять участие в бесконечных партиях в вист с доктором и Бредежором. Эрик, очень занятый по службе, все свободные часы посвящал чтению.

«Аляска» шла без опоздания по намеченному курсу.

11-го оставили позади Аландские острова, 12-го прошли Зунд, 13-го достигли Скагеррака, 14-го поравнялись с Гельголандом, 15-го миновали Па-де-Кале и 16-го обогнули мыс Аг.»

На следующую ночь Эрик, спавший в своей каюте, пробудился от необычной тишины и обратил внимание на то, что не слышит привычного постукивания винта. Ему нечего было тревожиться, так как на вахте стоял лейтенант Кьеллкист. Но из любопытства он поднялся наверх, чтобы осведомиться о случившемся.

Из рапорта главного механика он узнал, что ствол нагнетательного насоса испортился и пришлось заглушить котлы. «Аляска» шла теперь под парусами при слабом юго-западном ветре.

Подробное обследование не помогло выяснить причину аварии. Механик предложил зайти в ближайший порт для починки насоса.

Капитан Марсилас, лично осмотрев повреждённый насос, одобрил это мнение. «Аляска» находилась в тридцати милях от Бреста. Был отдан приказ держать курс на этот большой французский порт.

ДЕРЖАТЬ КУРС НА ЮГО-ЗАНАД

На следующий день «Аляска» вошла в Брест. К счастью, повреждение оказалось незначительным. Инженер, тотчас же прибывший на корабль, заверил, что все будет исправлено за три дня. Это небольшое опоздание отчасти можно было возместить погрузкой угля в Бресте, что избавило бы от необходимости делать предусмотренную маршрутом остановку в Гибралтаре. Остановившись затем прямо на Мальте, судно могло выиграть целые сутки, сократив тем самым опоздание до двух дней. К тому же при расчёте времени, необходимого для перехода «Аляски», была принята во внимание возможность непредвиденных задержек. В случае крайней необходимости экспедиция могла задержаться в пути на тридцать дней. А потому нечего было тревожиться, и путешественники решили относиться к возникшему препятствию с философским спокойствием.

Вскоре выяснилось, что эта неожиданная остановка послужила удобным поводом для чествования шведских моряков. За несколько часов весть о прибытии «Аляски» распространилась по всему городу. А так как из газет было известно о цели её плавания, то экипаж шведского судна вскоре стал предметом всеобщего внимания. Морской префект и мэр Бреста, начальник порта и капитаны кораблей, стоявших на рейде, нанесли официальный визит капитану Марсигласу. В честь отважных исследователей, отправлявшихся на поиски Норденшельда, был дан торжественный обед и бал. Как ни мало были склонны доктор и Малярнус к светским приёмам, все же им пришлось присутствовать на банкетах, которые устраивались в их честь. Что касается Бредежора, то он чувствовал себя там, как рыба в воде.

Среди гостей морского префекта, приглашённых на встречу с офицерами «Аляски», присутствовал высокий старик с благородным и грустным лицом. Эрик невольно заметил в устремлённом на него печальном взгляде незнакомца чувство симпатии, в котором невозможно было ошибиться. То был г-н Дюрьен, генеральный консул в отставке, один из деятельных членов Французского географического общества, широко известный своими исследованиями в Средней

Азии и в Судане, Эрик всегда читал с большим интересом статьи о его путешествиях. А потому, когда юношу представили г-ну Дюрёну, он мог поддерживать сознанием дела беседу с французским учёным. Как ни естественно чувство удовлетворения достигнутыми результатами, оно не всегда является уделом путешественника. Нередко, когда его приключения приобретают широкую огласку, он пожинает шумные успехи в обществе; но не так уж часто ему даётся встретить в гостиных знатоков, способных оценить по достоинству его труды. Почтительная любознательность молодого лейтенанта искренне тронула всеми уважаемого географа, и на его бледных губах заиграла улыбка.

— Мне не принадлежит большая заслуга в этих открытиях, — ответил он Эрику на вопрос об удачных раскопках, недавно произведённых им в окрестностях Асуана. — Я шёл наугад, как человек, который пытается заглушить тяжёлые воспоминания и, отдаваясь любимому занятию, мало заботится о результатах своего труда. Ну, а все остальное стало уже делом случая...

Адмирал, заметив взаимную симпатию Эрика и г-на Дюрёна, постарался усадить их рядом за столом, и они продолжали оживлённо беседовать и во время обеда.

Когда подали кофе, молодой лейтенант подвергся неожиданной атаке со стороны маленького лысого человека, некоего доктора Кергаридека, который ни с того ни с сего спросил его, откуда он родом. В первую минуту, несколько удивлённый этим вопросом, Эрик ответил, что он швед, а вернее говоря, норвежец, и что семья его проживает недалеко от Бергена. Затем Эрик поинтересовался причиной такого любопытства.

— Причина самая простая, — ответил собеседник. — Вот уже целый час, как я наблюдаю за вами, сидя за столом. Мне никогда не приходилось видеть такое классическое выражение кельтского типа. Надо вам сказать, что я весьма пристрастен к кельтской культуре. И вот впервые в жизни мне довелось столкнуться со всеми признаками кельтского типа у скандинава! Быть может, в этом скрывается ценнейшее указание для науки? Быть может, следует отнести Норвегию к областям, которые некогда посещались нашими галльскими предками?

Эрик только было собрался разъяснить брестскому учёному мотивы, снижавшие ценность его гипотезы, как доктор Кергаридек повернулся к нему спиной, чтобы приветствовать даму, входившую в эту минуту в салон морского префекта, и начатый разговор оборвался. Молодой лейтенант наверняка не вспомнил бы об этом эпизоде, если бы на следующий день, проходя по примыкающей к рынку улице, доктор Швариенкрона вдруг не сказал ему при виде погонщика быков из Морбиана:

— Мой дорогой мальчик, если бы у меня оставалось хоть малейшее сомнение в твоём кельтском происхождении, то здесь бы оно окончательно рассеялось! Ты только погляди, как все эти бретонцы похожи на тебя! Ведь у них такой же матовый цвет лица, такой же удлинённый череп, такие же карие глаза, тёмные волосы и даже такая же осанка, как у тебя!.. Нет, что бы ни говорил Бредежор, ты — чистокровный кельт. Можешь быть в этом уверен!

Вот тогда-то Эрик и рассказал ему о том, что говорил накануне доктор Кергаридек. И профессор Швариенкрона пришёл в такой неопиcуемый восторг, что в течение целого дня ни о чём другом не мог говорить.

Тюдор Броун, как и все пассажиры «Аляски», получил и принял приглашение морского префекта. Можно было даже предположить, что он намеревался отправиться туда в своём обычном костюме, так как именно в нём он сел в лодку в назначенный для обеда час. Но, очевидно, необходимость расстаться со своим неизменным цилиндром показалась Тюдору Броуну столь тягостной, что в ту самую минуту, когда он собирался уже переступить порог префектуры, он круто повернул назад. В тот вечер его больше никто не видел.

Эрик, вернувшись после бала, где он много танцевал и веселился, узнал от Герсебома, что Тюдор Броун возвратился на судно около семи часов вечера и пообедал в одиночестве. После обеда он прошёл в каюту капитана, чтобы взглянуть на морскую карту, а потом около восьми часов уехал на той же самой шлюпке, которая доставила его с берега. Таковы были последние сведения, полученные об этом человеке.

На следующий день, к пяти часам, Тюдор Броун не появился, хотя ему было хорошо известно, что ремонт машины

закончен, огни в топках разведены и отплытие «Аляски» не может задержаться. Капитан лично всех об этом предупредил. Поэтому он отдал приказ сняться с якоря.

На корабле уже убирали якорную цепь, когда была замечена лодка, с предельной скоростью плывшая к «Аляске». Все подумали, что на ней находится Тюдор Броун, но вскоре убедились, что она привезла только письмо. Ко всеобщему удивлению, это письмо было адресовано Эрику.

Распечатав конверт, Эрик увидел, что в нём была визитная карточка Дюрьена, генерального консула в отставке, члена Французского географического общества. На ней было написано карандашом:

«Счастливого пути! Скорейшего возвращения!»

Как передать душевное состояние Эрика? Внимание и участие знаменитого учёного глубоко растрогали его. Когда юноша покидал эту гостеприимную землю, где он провёл не более трех дней, ему казалось, что он расстаётся с родиной. Эрик бережно спрятал визитную карточку г-на Дюрьена в бумажник, подумав, что прощальный привет благородного старца принесёт ему счастье.

Две минуты снуя «Аляска» отчалила и направилась к выходу из гавани. В шесть часов вечера она рассталась с лоцманом, который пожелал ей благополучного плавания.

Было 20 февраля. Стояла ясная погода. Солнце скрылось за линией горизонта столь же внезапно, как в летние дни. Надвигалась ночь, и вскоре совсем стемнело, так как луна должна была взойти только в десять вечера. Эрик, нёсший первую вахту, неслышными шагами прохаживался по шканцам¹. Ему казалось, что вместе с Тюдором Броуном исчезли все злые силы, угрожавшие экспедиции.

«Лишь бы ему не взбрело в голову дожидаться нас на Мальте или в Суэце», — думал Эрик.

Ведь это было не только возможно, но и вполне вероятно, если Тюдору Броуну захотелось избежать длительного обхода, который «Аляска» должна была сделать, чтобы попасть в Египет. Пока судно будет огибать Францию и Испанию, он сможет, если ему заблагорассудится, провести неделю в Париже или в любом другом городе, лежащем на пути, чтобы потом встретить «Аляску» в одном из тех портов,

¹ Шка н ц ы — часть верхней налубы между средней и задней мачтами.

куда она зайдёт за почтой, будь то Александрия или Суэц, Аден или Коломбо на Цейлоне, Синганур или даже Иокогама.

Но пока все это было только предположением. В настоящее время Тюдор Броун отсутствовал, и этого было вполне достаточно, чтобы все почувствовали большое облегчение.

Поэтому обед, состоявшийся, как обычно, в половине седьмого, прошёл в самой сердечной и непринуждённой обстановке. За десертом был провозглашён тост за успех экспедиции, который каждый про себя, более или менее отчётливо, связывал с исчезновением Тюдора Броуна. Затем все поднялись на палубу, чтобы выкурить сигару.

Ночь была очень тёмная. Вдали, на севере, светились огни маяков на мысах Сен-Матье, Пьер-Нуар и Уэссан. На юге остались позади яркий фонарь Бек-дю-Ра и цепочка мигающих огней Тевеннека. Неподвижный свет на скале Бек-дю-Ра указывал, что судно находится на правильном пути. По левому борту «Аляски» через каждые четыре секунды вспыхивали и тотчас же гасли огни на острове Сен. Свежий северо-восточный ветер ускорял ход корабля, давая крен на левую сторону. Впрочем, судно испытывало незначительную бортовую качку, хотя море было беспокойно.

Как раз в ту минуту, когда пассажиры вышли на палубу, матрос на корме заканчивал подъем лага¹.

— Десять с четвертью узлов², — ответил он капитану, который подошёл к нему, чтобы узнать результаты измерения.

— Прекрасная скорость! Если бы удалось выдержать её на протяжении пятидесяти-шестидесяти дней! — сказал улыбаясь доктор.

— Вы правы, — согласился капитан, — тогда бы не пришлось израсходовать много угля до Берингова пролива.

С этими словами капитан отошёл от доктора и снустился к себе в каюту. Там он вынул из большого ящика наклеенную на холст карту, лежавшую под барометрами и морскими часами, и развернул её на письменном столе, освещён-

¹ Лаг — прибор для определения скорости корабля и пройденного им расстояния.

² Узел — единица скорости корабля, соответствующая одной миле (1852 м) в час.

ном ярким светом большой карсельной лампы¹. Эта карта, составленная британским адмиралтейством, показывала самые мельчайшие особенности прибрежной морской полосы между 47° и 49° северной широты и 4° и 5° западной долготы от Гринвича, то есть тех самых мест, где сейчас находилась «Аляска». Карта была величиною почти с квадратный метр. Очертания побережья, острова, неподвижные и вращающиеся маяки, песчаные отмели, глубины, все, вплоть до путей следования, было подробнейшим образом обозначено на этой карте. С такой картой и компасом, казалось, даже ребёнок мог бы провести самый большой корабль через эти коварные места, где ещё недавно опытный офицер французского морского флота, лейтенант Маж, исследователь Нигера, потерпел крушение вместе со своими спутниками на корабле «Мажисъен» («Чародейка»), после того, как там уже затонул пароход «Сане» и многие другие суда.

Случаю было угодно, чтобы капитан Марсилас никогда не плавал в этих водах. И в самом деле, только необходимость зайти в Брест привела его сюда, иначе он шёл бы в открытом море. Потому капитан мог рассчитывать только на внимательное изучение карты и старался не отклониться с правильного пути. Но маршрут был самым простым. Оставив слева Пуа-дю-Ван, Бек-дю-Ра и остров Сен, почти всегда окутанный водяной пылью ревущих волн, на котором, по преданию, некогда обитали девять жриц-друид², «Аляска» должна была взять курс на запад, чтобы затем повернуть на юг, когда она попадёт в открытое море. Неподвижный огонь на острове точно указывал её местонахождение, и, судя по карте, менее чем в четверти мили к западу от этого маяка остров заканчивался цепью отвесных скал, вдающихся в открытое море, достигающее здесь стометровой глубины. Так как этот ориентир был особенно важен в такую тёмную ночь, капитан, тщательно изучив карту, решил приблизиться к нему на более близкое расстояние, чем он сделал бы это при дневном свете. Поднявшись на палубу, он оки-

¹ Карсельная лампа — масляная лампа с часовым механизмом, приводящим в движение поршень, который пагпетаёт масло в горелку; благодаря яркости и постоянству пламени карсельные лампы имели широкое распространение.

² Друиды — жрецы и жрицы у кельтов древней Галлии, Англии и Ирландии.

нул взглядом море и приказал Эрику повернуть на двадцать пять градусов к юго-западу.

Этот приказ немного озадачил молодого лейтенанта.

— Вы говорите на юго-запад? — вежливо переспросил он, полагая, что ослышался.

— Да, на юго-запад, — повторил своё приказание капитан. — А что, этот нуть вам не по вкусу?

— Если вы позволите вам ответить, капитан, я должен признаться, что да, — чистосердечно сказал Эрик. — Я предпочёл бы и дальше держать на запад.

— Для чего? Чтобы потерять ещё одну ночь?

Тон капитана не допускал дальнейших рассуждений. Эрик точно выполнил полученный приказ. Ведь его начальник был испытанным моряком, которому можно было полностью довериться.

Как ни незначительно было изменение курса корабля, оно сразу же сказалось на его скорости. «Аляска» испытывала сильную бортовую качку и при каждом резком повороте погружалась носом в волны. Море вокруг неё бурлило. Лаг показывал четырнадцать узлов и, так как ветер крепчал, Эрик приказал зарифить¹ два паруса.

Доктор и Бредежор, внезапно почувствовав недомогание, поспешили снуститься в свои каюты. Капитан, остававшийся ещё некоторое время на палубе, вскоре последовал за ними. Но едва он успел дойти до своей каюты, как к нему явился Эрик.

— Капитан, — сказал он, — я только что услышал по левому борту подозрительный шум, как если бы волны разбились о скалы. Я считаю своим долгом сказать вам, что, по моему мнению, мы идём опасным нутём.

— Воистину, сударь, ваше беспокойство переходит в упрямство! — воскликнул капитан. — Какая опасность может нам угрожать, раз мы находимся в добрых трех — четырех милях от маяка?

И с раздражением он показал на карте, по-прежнему развёрнутой на его столе, остров Сен, который стоял подобно часовому на самой оконечности бретонской отмели. Эрик следил за его рукой. Он ясно видел, что никакая опасность

¹ З а р и ф и т ь или «брать рифы» — уменьшать площадь паруса, подбирая с помощью поперечных завязок его нижнюю часть.

не была обозначена у подступов к этому острову, круто обрывающемуся в море и омываемому глубокими водами. Ничто не могло быть более надёжным и успокоительным в глазах моряка. И всё-таки ведь это не было галлюцинацией — шум волн, разбивающихся о скалы, шум, который доносился с левого борта, то есть с подветренной стороны, и следовательно с небольшого расстояния!

Странное ощущение, о котором у Эрика не хватало решимости признаться даже самому себе: ему казалось, что он не узнает в очертаниях берегов ничего общего с описаниями этих коварных и зловещих мест, известными ему по разным географическим источникам. Но как он мог противопоставить краткие и беглые впечатления, смутные воспоминания такому очевидному и неопровержимому факту, как карта Британского адмиралтейства? Эрик на это не осмеливался. Известно, что карты именно для того и созданы, чтобы предостерегать мореплавателей от возможных изъянов и пробелов памяти. Он поклонился своему начальнику и поднялся на палубу.

Не успел он ещё взойти на мостик, как раздались крики:

— Рифы с правого борта! И через несколько секунд снова:

— Рифы с левого борта!

Вслед за пронзительным свистком началась беготня по палубе, «Аляска» вздрогнула, замедлила скорость, дала задний ход. Капитан Марсилас бросился к лестнице, ведущей на палубу. В ту же минуту он услышал глухой шум, напоминающий скрежет полозьев по песку. Внезапно капитан упал от резкого толчка. Судно задрожало от киля до верхушек-мачт. Затем воцарилась тишина и «Аляска» замерла в неподвижности. Она вклинилась между двумя подводными скалами.

Капитан Марсилас с окровавленной от удара головой с трудом встал на ноги и добрался до палубы. Все там было в полном смятении. Охваченные паникой, матросы бросились к шлюпкам. Волны яростно обрушивались на неожиданную преграду, которую создавало им потерпевшее крушение судно. Два сверкающих глаза маяков, Тевеннека и острова Сен, направленные на «Аляску» с неумолимой неподвижностью, казалось, укоряли её за то, что она пошла навстречу гибели, от которой они предостерегали. Эрик, стоя на капи-

танском мостике и наклонившись через правый борт, пытался, несмотря на крошечную тьму, определить размеры катастрофы.

— Что случилось, лейтенант? — нетерпеливо обратился к нему капитан, ещё не пришедший в себя от падения.

— А случилось то, капитан, что, повернув, согласно вашему приказу, к юго-западу, мы налетели на рифы, — ответил Эрик.

Капитан Марсилас не произнёс ни слова. Да и что он мог возразить? Круто повернувшись, он сошёл с палубы.

Как это ни странно, но при всём трагизме создавшегося положения «Аляске» не угрожала немедленная гибель. Неподвижность судна, присутствие двух маяков, близость земли, которая определялась самими этими рифами, зажавшими «Аляску» в клещи, — все это делало катастрофу скорее мрачной, чем пагубной. Эрик, со своей стороны, видел только одно: экспедиция прервана, возможность отыскать Патрика О'Доногана потеряна!

Однако Эрик тотчас же пожалел о резких словах, сказанных им под влиянием горького чувства, наполнившего его душу. Поэтому, спустившись с мостика на палубу, он стал повсюду искать своего начальника с великодушным намерением ободрить его, если только это возможно.

Но капитан исчез, и не прошло ещё и трех минут, как в его каюте раздался выстрел.

Эрик бросился туда, но дверь была заперта изнутри. Он вышиб её ударом ноги.

Капитан Марсилас лежал на ковре с простреленной головой, сжимая револьвер в правой руке.

При виде корабля, гибнущего по его вине, он нустил себе пулю в лоб. Смерть наступила мгновенно. Доктор и Бреджор, вбежавшие в каюту вслед за Эриком, могли только это подтвердить.

Но некогда было предаваться скорби. Эрик, поручив обоим друзьям поднять тело капитана и уложить его на диван, должен был вернуться на палубу и подумать о спасении экипажа.

Когда он проходил мимо каюты Маляриуса, этот добряк, разбуженный то ли неподвижностью судна, то ли выстрелом, раскрыл дверь и высунул седую голову, увенчанную

неизменной шёлковой шапочкой. После Бреста он ни разу не просыпался и ничего не заметил.

— Что такое? Что произошло? — спокойно спросил он.

— Что произошло? — ответил Эрик. — Произошло, дорогой учитель, то, что «Аляска» села на рифы, а капитан Марсила покончил с собой.

— Боже мой! — воскликнул потрясённый Малярнус. — Но тогда, мой дорогой мальчик, значит, погибла наша экспедиция?

— Ну нет, дорогой учитель, это совсем другое дело, — возразил Эрик. — Ведь я-то ещё не умер! До тех пор, пока в моей груди не остановится сердце, я буду говорить: вперёд!

Глава четырнадцатая.

БАС-ФРУАД

«Аляску» с такой силой выбросило на скалы, что, застывшая в неподвижности, она не казалась среди них инородным телом. Хотя положение корабля было и незавидным, оно не представляло непосредственной угрозы для экипажа. Наталкиваясь на эту необычную преграду, волны обрушивались на неё, перекатывались через палубу, и брызги их долетали до верхушек мачт. Но все же море было не настолько бурным, чтобы предвещать немедленную катастрофу. Если бы погода не ухудшилась, можно было надеяться дотянуть до рассвета без новых осложнений.

Эрик сразу это понял. В качестве старшего офицера он немедленно взял на себя командование. Приказав наглухо задраить орудийные люки и иллюминаторы, а также закрыть просмолённым брезентом все отверстия на случай бури, он спустился вместе со старшим плотником в трюм. И там с большой радостью он удостоверился в отсутствии течи. Внешняя обшивка «Аляски» защитила её корпус, а предосторожности, принятые против полярных льдов, оказались действенными и в отношении рифов. Правда, после сильного толчка выбыла из строя паровая машина. Но так как взрыва не последовало, то и повреждения были не столь значительны. Поэтому Эрик решил повременить с высадкой людей, пока в этом не было крайней необходимости.

Вслед за тем он велел выстрелить из пушки, чтобы привлечь внимание на острове Сен, и решил спустить бот, который должен был отправиться в Лориан.

«Нигде в другом месте, — утешал он себя, — нельзя рассчитывать на более быструю и действенную помощь, чем в этом огромном морском арсенале Западной Франции!»

И в этот трагический час, когда каждый, кто находился на борту «Аляски», считал, что все уже окончательно погибло, Эрик начинал надеяться на лучшее, ибо он принадлежал к породе людей с бесстрашным сердцем, которые никогда не падают духом и не признают себя побеждёнными.

«Только бы удалось вызволить «Аляску», — думал он, — и тогда мы ещё посмотрим, за кем будет последнее слово!»

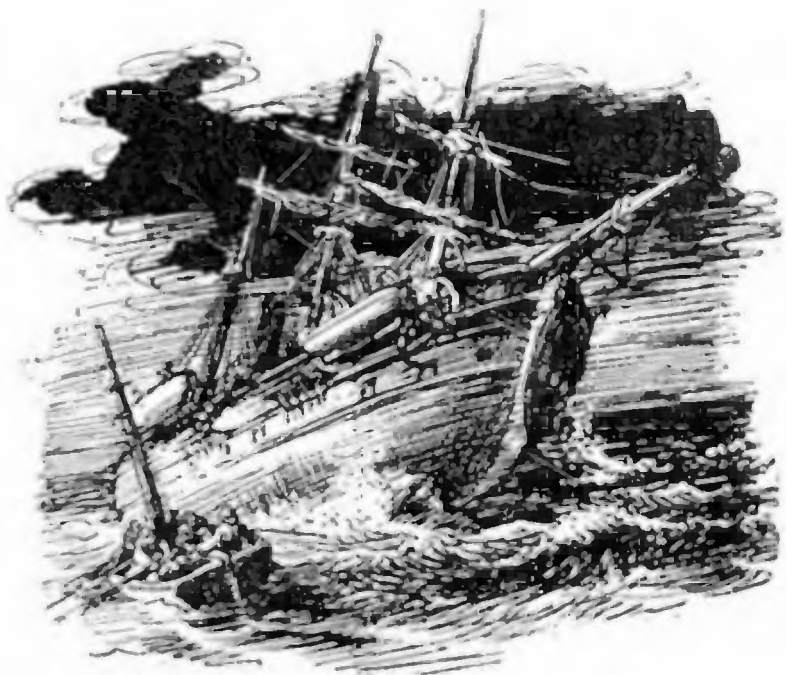
Но ни с одним человеком юноша не решался поделиться своими надеждами, которые, разумеется, в этой обстановке были бы сочтены несбыточными. Поднявшись из трюма, он заявил, что пока нет оснований тревожиться, так как ещё достаточно времени, чтобы дожидаться помощи. Затем он велел выдать всему экипажу чаю с ромом.

Ничего другого и не требовалось, чтобы привести матросов в отличное расположение духа.

Паровой бот был спущен на воду с исключительным рвением.

В ту же минуту сигнальные ракеты с маяка на острове Сен оповестили потерпевшее крушение судно, то ему будет оказана помощь. Вскоре в темноте показались два красных огня, приближавшихся к «Аляске» с подветренной стороны. С обеих сторон послышались оклики, и стало известно, что крушение произошло возле Бас-Фруад у Сенского фарватера. Но прошёл ещё добрый час, прежде чем лодке удалось причалить — сильный прибой делал эту операцию весьма опасной. Наконец шестеро гребцов ухватились за брошенный канат и взобрались на палубу «Аляски».

Это были сильные мужественные рыбаки с острова Сен, люди бесстрашные и закалённые, которым не впервые приходилось оказывать помощь жертвам кораблекрушений. Они полностью одобрили намерение Эрика обратиться за содействием в Лориан, так как маленький порт на острове Сен не имел необходимых приспособлений для спасательных работ. Было решено, что двое из этих людей, как только

взойдёт луна, отправятся на боте в Лориан вместе с маастером Герсебомом и Отто. А пока рыбаки сообщили некоторые сведения о тех гибельных местах, где произошла катастрофа.

Сенская отмель имеет форму клина, который тянется с острова Сен на девять миль к востоку. Она разделяется на две части: Понт де Сен и Бас-Фруад (Сенский мост и Холодная коса).

Понт де Сен длиною в четыре мили, а шириной — в полторы. Он состоит из довольно высоких скал, вытянувшихся цепью над поверхностью моря. Бас-Фруад, как бы продолжая Понт де Сен, простирается ещё на пять миль в длину и на две трети мили, в среднем, в ширину. Бас-Фруад также представляет собой нагромождение рифов, невидимых во время прилива. Только некоторые из них в часы отлива выступают на поверхность. Главные из этих скал носят названия: Корненген, Шомер, Корнок-ар-Гуле, Бас-Вен, Мэдью и Армен. Упомянутые скалы как раз наименее опасны, так как возвышаются над водой. Хаотическое нагромождение этих

многочисленных подводных скал, к тому же ещё недостаточно изученных, сила морского прибоя на этой песчаной косе, быстрые подводные течения, огибающие её со всех сторон, делают её опасной для судоходства и как бы нарочно созданной для кораблекрушений. Вот почему фонари маяков на острове Сен и Бек-дю-Ра были установлены таким образом, чтобы освещать очертания подводной гряды, которую, благодаря этому, корабли, плывущие с Запада, легко могли опознать и обойти. Но эта полоса рифов в то же время была настолько пагубной для кораблей, плывущих с юга, что необходимо было заблаговременно их предупреждать специальными световыми сигналами о грозящей опасности. Как назло, на южном конце Сенской отмели нет ни одного даже самого крохотного островка или утёса, где можно было бы построить маяк, а сила прибоя здесь так велика, что не позволяет использовать даже бакены. Поэтому пришлось решиться на постройку маяка на скале Армен, расположенной в трех милях от конца гряды. Работы были сопряжены с большими трудностями. Маяк, строительство которого началось в 1867 году, через двенадцать лет, в 1879 году, достиг только половины своей высоты — тринадцати метров над уровнем моря. Рассказывают, что был даже такой год, когда работать удалось в общей сложности только восемь часов, хотя строители все время подстерегали благоприятные минуты. Вот почему к моменту крушения «Аляски» маяк ещё не был закончен.

И тем не менее этого было недостаточно для объяснения всего случившегося после выхода из Бреста. Эрик дал себе слово заняться выяснением причины катастрофы, как только отчалит паровой бот.

Когда поднялась луна и бот отчалил, юный капитан, оставив, по обыкновению, на палубе только вахтенных, всех остальных отправил на отдых, а сам спустился в кают-компанию.

Бредежор, Малярнус и доктор дежурили возле тела капитана «Аляски». Увидев Эрика, все они встали.

— Мои бедный мальчик, чем вызвана эта драма, что же, в конце концов, произошло? — спросил доктор.

— Непонятно, — ответил юноша, наклонившись над картой, развёрнутой на столе покойного капитана. — Я инстинктивно чувствовал и говорил, что мы взяли неправиль-

ный курс. Я убеждён, и все подтверждают это, что мы находимся по крайней мере в трех милях к западу от маяка — приблизительно вот здесь, — добавил он, указывая точку на карте. — И, как видите, тут не отмечено никакой опасности — ни отмели, ни рифов. Ничего, кроме тёмного цвета больших глубин. Это просто непостижимо! Ведь нельзя же в самом деле поверить в ошибку на карте британского адмиралтейства, когда речь идёт о местах, так хорошо известных и так тщательно изученных в течение столетий. Все это настолько нелепо, что похоже на страшный сон.

— Нет ли ошибки в определении наших координат и не принят ли нами один маяк за другой? — спросил Бредежор.

— Сбиться с нуты на таком коротком переходе просто невозможно, — сказал Эрик. — Вы только вспомните! Мы ведь ни на минуту не теряли из виду берегов и все время шли от одного ориентира к другому. Правда, можно допустить, что один из двух сигнальных огней, обозначенных на карте, не был зажжён или, наоборот, появился какой-то дополнительный фонарь, то есть предположить невозможное! Но этим мы всё равно ничего бы не объяснили — ведь наш курс был таким обычным, а наш лаг настолько выверен, что просто невозможно ошибиться! Мы можем провести на карте линию нашего маршрута с точностью до пятисот метров. Его последняя крайняя точка почти полностью совпадёт с обозначением на карте Сенского маяка. И однако факт остаётся фактом: мы сидим на рифах, а между тем, если судить по карте, под нами должна быть трехсотметровая глубина!

— Но чем это все кончится? Как бы это узнать? — воскликнул доктор.

— Скоро мы узнаем, — ответил Эрик, — если только морские власти сообразоволят поторопиться с указанием помощи. А пока нам остаётся только запастись терпением и благоразумно улежся спать, словно бы мы стояли на якоре в самой безопасной бухте.

Молодой капитан умолчал, что за собой лично он сохранил право бодрствовать, пока его друзья будут предаваться сну. Так он и провёл всю ночь, шатаая взад и вперёд по палубе, наблюдая, исправно ли вахтенные несут свою службу, или снускаясь на несколько минут в кают-компанию.

На рассвете он с удовлетворением убедился, что ветер стих и волнение улеглось. Он заметил, что отлив почти достиг своего предела и «Аляска» вскоре должна будет оказаться на суше. Это позволяло надеяться в ближайшее же время определить размеры повреждений. И действительно, к семи часам утра стало возможным приступить к осмотру.

Судно напоролось на острые зубья окал, выступающие из песчаного дна. Три острия, пробившие в момент катастрофы наружную обшивку «Аляски», держали её теперь, как штаги¹. Они были направлены к северу, в сторону, противоположную ходу судна перед крушением, чем и объясняется такое необычное положение корабля, застрявшего носовой частью на самом краю отмели. Если бы не эти острия, то «Аляска» сразу же разбилась бы о скалы. Смягчению удара способствовал и удачный манёвр, применённый Эриком. Судно, давшее задний ход за несколько секунд до соприкосновения с отмелью, было выброшено на рифы только по инерции и силой течения. В противном случае оно, без сомнения, разбилось бы вдребезги. К тому же ещё ветер и течение за ночь не усилились, и это давало «Аляске» возможность удерживаться на месте, не приближаясь к скалам, что неизбежно случилось бы при перемене ветра. В общем нельзя было и представить более благоприятного стечения обстоятельств при подобном несчастье. Теперь задача заключалась в том, чтобы поскорее освободить корабль, пока ещё не переменялся ветер и не исчезли благоприятные условия.

Эрик решил действовать, не теряя ни минуты. После завтрака он приказал всему экипажу немедленно приступить к работе — расширять топорами три главных пробоины. Если только буксир из Лориана не задержится, «Аляску» можно будет освободить во время прилива без особого труда. Легко догадаться, с каким нетерпением молодой капитан старался заметить на горизонте хоть малейшее облачко дыма.

Все произошло так, как ему хотелось. О такой мягкой и тихой погоде можно было только мечтать. К полудню к «Аляске» приблизилось сторожевое судно в сопровождении буксира. Командовавший сторожевым судном лейтенант

¹ Штаги — спасти, пятажные от верхней части мачты к позу корабля и удерживающие мачту от падения в сторону кормы

любезно предоставил себя в распоряжение пострадавших. Эрик вместе с офицерами встретил его, как полагается, у трапа. Затем оба капитана снустились в кают-компанию.

— Но скажите, пожалуйста, — спросил лейтенант, — как вам удалось сесть на сенскую отмель на пути из Бреста?

— Эта карта вам все объяснит, — ответил Эрик. — На ней не обозначено никакой опасности.

Французский офицер сначала с любопытством, а потом с крайним удивлением ознакомился с маршрутом, проложенным на карте.

— Действительно, здесь не помечены ни Бас-Фруад, ни Понт де Сен!.. — воскликнул он. — Это неслыханная небрежность!.. Синяя краска морских глубин у самого острова! И очертания этой подводной гряды, и даже положение маяка указаны неправильно! Я положительно ничего не понимаю... Но ведь это же карта британского адмиралтейства! И тем не менее это неверная карта! Можно подумать, что её нарочно испортили, сделав фальшивой и коварной! В былые времена моряки нередко устраивали такие проделки со своими соперниками. Но я бы никогда не поверил, что в Англии ещё могут сохраняться подобные традиции!

— Позвольте, господа, — вежливо вмешался Бреджор, — а какие у нас основания обвинять в этом Англию? У меня возникает другое подозрение и, кажется, более веское. Эта карта поддельная. Какой-то мерзавец заменил ею настоящую и положил её в ящик со всеми другими картами.

— Это мог сделать только Тюдор Броун! — воскликнул возмущённый Эрик. — Когда мы обедали в Бресте у префекта, он спускался в кают-компанию, чтобы взглянуть на карту! Теперь все ясно. Ах негодяй! Так вот почему он не возвратился на корабль!

— Это кажется вполне правдоподобным, — сказал доктор Швариенкрона. — Но ведь такой злодейский поступок свидетельствует о безграничной подлости. Для чего же он его совершил?

— А для чего он приезжал в Стокгольм — неужели только за тем, чтобы известить вас о смерти Патрика О'Доногана? — возразил Бреджор. — А для чего он внёс двадцать пять тысяч крон, когда отплытие «Аляски» было уже делом решённым? А для чего он сел на корабль — неужели только

за тем, чтобы доехать с нами до Бреста?.. И в самом деле, нужно быть слепцом, чтобы не увидеть во всех этих фактах определённой взаимосвязи и последовательности, столь же логичной, как и ужасной! Какую пользу хотел извлечь для себя Тюдор Броун? Я не знаю. Но до чего же серьёзна и велика была его заинтересованность, если он не отступил даже перед такими средствами, лишь бы только помешать нам достигнуть цели! Теперь я убеждён, что он для того и заставил нас остановиться в Бресте, чтобы потом натолкнуть на эти скалы, где нас подстерегала гибель!

— Но ведь трудно допустить, — возразил Малярнус, — что ему было заранее известно, какой нуть изберёт капитан «Аляски»?

— А почему? Разве изменения, которые нанесены на карту, не должны были повлиять на выбор маршрута? Разве не ясно было, что капитан Марсилас, чтобы наверстать после трехдневного опоздания потерянное время, предпочтёт выбрать кратчайший путь? И поскольку капитан Марсилас полагал, руководствуясь картой, что море у острова Сен безопасно, то можно было рассчитывать, что он повернёт к югу и сядет на мель именно в этих местах!

— Все это так, — сказал Эрик, — но мои советы капитану придерживаться западного направления доказывают, что маршрут тогда ещё не был точно определён.

— А кто может поручиться, что и другие карты не подменены? Если бы мы благополучно миновали Бас-Фруад, — воскликнул Бреджор, — то не могли бы мы застрять где-нибудь в другом месте?

— Это легче всего проверить, — сказал Эрик, доставая из ящика все имевшиеся там маршрутные карты.

Первая, которую он развернул, оказалась картой Коруньи, и французский офицер сразу же обнаружил в ней две или три грубейшие ошибки. Вторая была картой мыса Сан-Висенти. И в ней было то же самое. Третья — картой Гибралтарского пролива. И здесь бросились в глаза неверные обозначения. Продолжать изучение карт не было никакой необходимости. Все сомнения рассеялись. Если бы «Аляска» не потерпела крушения у Бас-Фруад, то оно неизбежно произошло бы где-нибудь в другом месте на пути к Мальте.

Что касается способа, каким было совершено это злодеяние, то его легко удалось установить. Действительно это были карты английского адмиралтейства, но в отдельных местах смытые каким-то химическим составом и заново отретушированные таким образом, чтобы среди правильных обозначений встречались фальшивые. Как бы искусно ни были выполнены все эти «поправки», они все же слегка выделялись по тону и окраске, в особенности, когда подтасовку уже обнаружили. Наконец, ещё одно обстоятельство делало несомненным наличие преступного умысла: карты, имевшиеся на «Аляске», были снабжены клеймом шведского морского ведомства. На испорченных же картах этого клейма не оказалось. Как видно, злоумышленник рассудил, что никому не придёт в голову заподозрить недоброе и тщательно их рассматривать.

Эти открытия привели в ужас всех участников расследования. Эрик первый нарушил тягостное молчание.

— Бедный капитан Марсилас, — грустно сказал он. — Ты поплатился за нас всех! Но раз уж мы избежали уготованной нам участи, то впредь постараемся действовать более осторожно. Прилив нарастает и скоро достигнет такой высоты, что можно будет освободить «Аляску». Если никто не возражает, то мы без промедления займёмся этим делом.

Эрик говорил спокойно и решительно. Чувство ответственности придавало его словам уверенность. Стать в таком возрасте капитаном корабля, да ещё при таких обстоятельствах! Это ему самому казалось необычным. Но со вчерашнего дня, как только молодой офицер принял командование, он был уверен, что до конца выполнит свой долг. Эрик сознавал, что может положиться не только на себя, но и на свой экипаж и, сознавая это, он заметно преобразился. Вчера ещё юноша, сегодня он стал мужчиной. Отвага и решимость отражались в его взоре. Авторитет юного капитана непреодолимо действовал на всех окружающих, не исключая Бредежора и доктора Малярнуса.

Операция, подготовленная утренними работами, оказалась более лёгкой, чем можно было предположить. Потребовались небольшие усилия, чтобы снять с рифов судно, поднятое приливом. Достаточно было дать буксиру ход и натянуть привязанные к нему тросы, чтобы корабль, со

скрежетом и скрипом повреждённого корнуса, вырвался из страшных тисков и внезапно очутился на свободе. Правда, он был отягощён водой, заполнившей водонепроницаемые переборки, лишён винта, застрявшего в каменистом грунте, и двигателя, который оставался неподвижным и заглушим. Но все же судно поддавалось рулю и могло плыть, если бы это понадобилось, даже на двух кливерах и марселе¹.

Весь экипаж, собравшийся на палубе, следил с вполне понятным волнением за этим решающим усилием и приветствовал громкими «ура» освобождение «Аляски». Матросы с французского сторожевого судна и буксира ответили на эти радостные крики приветственными возгласами. Было три часа пополудни. Клонящееся к горизонту прекрасное февральское солнце заливало светом спокойно мерцающее море, которое почти полностью покрыло пески и скалы Бас-Фруад, как бы стирая самые воспоминания о разыгравшейся ночью драме.

В тот же вечер «Аляска» очутилась в полной безопасности на рейде Лориана. Уже на следующий день французские морские власти охотно разрешили ввести её в один из сухих доков. Повреждения корнуса не были серьёзными. Более сложными, но, правда, не безнадёжными оказались повреждения механизма. Быть может, в другой гавани ремонтные работы потребовали бы длительного времени, но, как правильно рассудил Эрик, нигде в другом месте ему не удалось бы отремонтировать судно в более короткий срок, чем на верфях, кузницах и литейных мастерских Лориана. Судоремонтный завод «Гамара, Норри и Ко » обязался за три недели привести судно в порядок. Было 23 февраля; 16 марта предстояло двинуться в дальнейший нуть, но теперь уже с проверенными картами.

Таким образом, через три с половиной месяца, к концу июня, можно было рассчитывать достигнуть Берингова пролива. В этом не было ничего невозможного, несмотря на крайне сжатые сроки. Эрику даже и в голову не приходило отказаться от дальнейшего плавания, Он опасался только, что его захотят к этому принудить. Вот почему юный капи-

¹ Кливер — треугольный парус, подинмаемый впередн фок-мачты (посовой мачты). На судах бывает до трех кливеров. Марсель — второй снизу парус трапецевидной формы.

тан «Аляски» решил не посылать в Стокгольм рапорта о кораблекрушении, полагая, что его могут отозвать для возбуждения судебного дела против предполагаемого виновника катастрофы, и тогда его наверняка задержало бы следствие.

Но если Тюдор Броун останется безнаказанным, не осмелится ли он воздвигать новые препятствия на пути «Аляски»? Этот вопрос задавали себе Бредежор и доктор, играя в вист с Маляриусом в уютном салоне гостиницы, в которой они нашли приют по прибытия в Лориан.

Для Бредежора вопрос не вызывал сомнений: негодяй, подобный Тюдору Броуну, узнав о провале своего плана — а трудно было допустить, чтобы он об этом не узнал, — «и перед чем не остановится для возобновления своих преступных попыток. Надеяться достигнуть при таких обстоятельствах Берингова пролива — даже не утопия, а просто безумие! Правда, Бредежор не знал, каким образом Тюдор Броун сможет строить новые козни, но не сомневался, что он найдёт для этого те или иные средства. Доктор Швариенкрона вполне разделял его мнение, и Маляриус тоже был очень встревожен. Уныние сопровождало партии в вист, и даже прогулки трех друзей в окрестностях Лориана не могли улучшить их подавленного настроения. Больше всего они были сейчас озабочены сооружением памятника капитану Марсиласу, на погребении которого присутствовал весь Лориан. Вид этого печального памятника отнюдь не способствовал тому, чтобы уцелевшие пассажиры «Аляски» видели все в розовом свете.

Но стоило им только встретить Эрика, как надежда к ним возвращалась. Его решимость была такой непреклонной, деятельность такой целеустремлённой, он проявлял такую твёрдую волю к преодолению любых трудностей, что в его присутствии невозможно было не только высказывать, но даже таить про себя менее смелые чувства.

Тем временем ещё одно обстоятельство подтвердило, что Тюдор Броун и не думает отказываться от своих планов. 14 марта Эрик убедился, что работы в машинном отделении подходят к концу. Оставалось только проверить один из насосов, и это должны были сделать завтра. И вот в ночь с 14 на 15-е насос исчез из мастерской «Гамара, Норри и Ко »,

и отыскать его оказалось невозможным. Каким образом было совершено похищение? Кто был его виновником? Самое тщательное расследование не смогло ничего установить.

Потребовалось ещё десять дней, чтобы сделать заново эту работу, и таким образом отплытие «Аляски» было отложено до 25 марта.

Странный факт, но последнее происшествие произвело на Эрика большее впечатление, чем сама катастрофа. Он усматривал в этом признак упорного желания во что бы то ни стало помешать «Аляске» закончить своё плавание. И эта уверенность удвоила в нём, если только это вообще было возможно, страстное желание довести дело до благополучного конца.

Десять дней вынужденной отсрочки были почти полностью посвящены всестороннему обсуждению и обдумыванию предстоящей кампании¹. Чем глубже Эрик старался во всем разобраться, тем больше в нём крепла мысль, что ставить своей целью достижение Берингова пролива в трехмесячный срок и следовать маршрутом, известным Тюдору Броуну, в то время как «Аляска» через сорок дней после отплытия из Стокгольма все ещё находится в Лориане, — значит обресть себя не только на неуспех, но и на непоправимые несчастья.

Однако это грустное заключение его не только не обескуражило, но заставило прийти к решению изменить намеренный маршрут. Разумеется, Эрик никого не посвятил в свой замысел, справедливо полагая, что соблюдение тайны является в данном случае первым залогом успеха. Он ограничился лишь тем, что ещё более внимательно, чем прежде, следил за ходом ремонта.

Спутники Эрика заметили, что теперь он уже не так торопит с отплытием. Они заключили из этого, что, по видимому, он в глубине души признал плавание неосуществимым, каким они и сами теперь его считали.

25 марта в полдень «Аляска» покинула док, миновала Лорианский рейд и вышла в открытое море.

¹ Кампания — операция, предприятие, сложное дело, проводимое по заранее разработанному плану; здесь — период непрерывного плавания корабля по намеченному маршруту

КРАТЧАЙШИМ ПУТЁМ

Как только берега Франции скрылись за горизонтом, Эрик пригласил своих трех друзей и советчиков в кают-компанию для серьёзного разговора.

— Я много размышлял, — сказал он им, — об обстоятельствах, сопровождавших наше плавание с того дня, как мы покинули Стокгольм. Сам собой напрашивается вывод: мы должны ожидать на нашем пути ещё новых препятствий и помех. Тот, кто осмелился послать нас на гибель возле Бас-Фруад, не захочет признать себя побеждённым... Быть может, он уже подстерегает нас в Гибралтаре, на Мальте или где-нибудь в другом месте... Если ему не удастся нас погубить, то, я не сомневаюсь, он сделает все возможное, чтобы нас задержать и не дать нам достигнуть Берингова пролива в летнее время, когда Ледовитый океан только и доступен для плавания.

— И я пришёл к тому же заключению, — заявил Бреджор, — но держал его про себя, так как не хотел лишать тебя последней надежды, мой дорогой мальчик. Я убеждён, что отныне мы должны отказаться от мысли преодолеть за три месяца расстояние, отделяющее нас от Берингова пролива.

— Таково и моё мнение, — сказал доктор. Маляриус, со своей стороны, подтвердил кивком головы, что он тоже с этим согласен.

— Итак, — продолжал Эрик, — вывод у нас у всех одинаков. Так что же нам теперь предпринять?

— Остаётся лишь одно благоразумное, подсказанное обстоятельствами решение, — ответил Бреджор, — отказаться от предприятия, которое мы сами же признаем неосуществимым, и вернуться в Стокгольм. Ты это сам понял, мой мальчик, и мы все трое одобряем тебя за умение смотреть правде в глаза.

— Ну уж такую похвалу я бы ни за что не принял! — воскликнул, улыбаясь, Эрик. — Я вовсе её не заслужил! Я даже и не думал отказываться от нашей цели и далёк от того, чтобы считать её недостижимой... Я уверен, мы достигнем её, если только нам удастся расстроить гнусные замыс-

лы негодяя, подстерегающего нас на пути, и единственным средством для этого является полное изменение маршрута.

— Всякое изменение маршрута только увеличило бы трудности, — возразил доктор. — Ведь мы избрали кратчайший нуть. Если не легко добраться за три месяца до Берингова пролива, идя через Средиземное море и Суэцкий канал, то это тем более невозможно, если плыть мимо мыса Доброй Надежды или мимо мыса Горн. Каждый из этих маршрутов отнял бы у нас по меньшей мере пять или шесть месяцев.

— Но есть ещё один маршрут, который не только не удлинит, а напротив, сократит срок нашего плавания. Следуя по нему, мы гарантированы от встречи с Тюдором Броуном, — сказал Эрик, спокойно дожидаясь возражений.

— Ещё один маршрут? — воскликнул доктор. — Ей-богу, я не знаю его, если только ты не имеешь в виду Панамский канал. Но, насколько мне известно, он ещё не открыт для навигации и строительство его будет закончено не раньше чем через несколько лет¹.

— Я и не думаю о Панамском канале, равно как и о мысе Горн или о мысе Доброй Надежды, — продолжал молодой капитан. — Я имею в виду совсем другой путь, единственный путь, по которому мы могли бы добраться за три месяца до Берингова пролива. Это Ледовитый океан, это Северо-Западный проход!

Увидев, как ошеломило его снутников такое неожиданное предложение, Эрик счёл необходимым подробно его мотивировать.

— Северо-Западный проход, — сказал он, — теперь не так ужасен и мучителен для мореплавателей, каким он был в прежние времена. Разумеется, это не обычная магистраль. Ведь он свободен ото льдов всего лишь восемь — десять недель в году. Но зато этот путь хорошо изучен, точнейшим образом нанесён на карты и используется сотнями китобойных судов. Правда, по нему очень редко переходят из Атлантического в Тихий океан. Корабли, заплывающие в него с той или с другой стороны, почти никогда не проходят его насквозь, из конца в конец. И, конечно, может так случиться, что условия сложатся для нас неблагоприятно и мы не в

¹ На панмский капал был открыт для павигации только в 1914 году

состоянии будем его преодолеть. Не исключено, что как раз в это время проход будет забит льдами и освободится от них позже, чем нам будет нужно. Следовательно, мы идём «а риск. Но есть много шансов и на успех, тогда как все другие пути обрекают нас на верную неудачу. И поэтому чувство долга, полномочия и денежная помощь, предоставленные нам соотечественниками, обязывают нас принять это решение, дающее единственную возможность достигнуть вовремя Берингова пролива. Обычное судно, пригодное для плавания лишь в тёплых морях, побоялось бы принять такое решение. Но кораблю, подобному «Аляске», специально приспособленному для арктической навигаций, нечего колебаться. И, наконец, я должен заявить, что, возможно, мне придётся вернуться в Стокгольм, не найдя Норденшельда, но это случится не раньше, чем я использую все средства для оказания ему помощи!

Доводы Эрика были так убедительны, что никто и не пытался их опровергнуть. Да и что могли возразить доктор, Бредежор и Маляриус? Они хорошо представляли себе трудности нового плана. Но, по крайней мере, эти трудности казались преодолимыми, тогда как любо» другой маршрут не оставлял никаких надежд. Кроме того, они не могли не признать вслед за Эриком, что при всех обстоятельствах гораздо почётнее вернуться в Стокгольм, доведя дело до конца, чем прервать плавание на полнуги.

— У меня есть только одно серьёзное возражение, — сказал доктор Швариенкрона после нескольких минут глубокого раздумья. — Как мы сможем пополнять запасы угля в арктических водах? Ясно, что при нехватке топлива нечего и думать преодолеть Северо-Западный проход за то короткое время, когда он доступен для навигации.

— Я предвидел эго единственное, действительно серьёзное затруднение, — ответил Эрик, — и не считаю его непреодолимым. Вместо того, чтобы держать курс на Гибралтар и на Мальту, где нас, без сомнения, подстерегают новые каверзы Тюдора Броуна, мы направимся в Лондон. Оттуда я дам телеграмму по трансатлантическому кабелю в один из торговых домов Монреаля с требованием незамедлительно послать в Баффинов залив судно с углём, где оно и будет нас ожидать. Одновременно я отправлю такую же телеграмму в Сан-Франциско, чтобы второе грузовое судно

встретило «Аляску» у Берингова пролива. У нас и сейчас есть изрядный запас топлива, даже с некоторым излишком. Ведь новый маршрут не потребует столько угля, как прежний, когда мы собирались плыть мимо берегов Азии. Наш теперешний путь гораздо короче! Нам незачем стремиться попасть в Баффинов залив раньше конца мая, а потому и Берингова пролива мы достигнем, в лучшем случае, в последних числах июня. Наши поставщики в Монреале и Сан-Франциско будут иметь достаточно времени, чтобы выполнять наш заказ, а расчёт по нему произведёт лондонский банкир. Таким образом, достижение Северо-Западного прохода станет для нас практически возможным... Сейчас весь вопрос в том, будет ли Северо-Западный проход свободен ото льдов? Разумеется, от нас это не зависит. Но если бы даже он оказался недоступным, то мы, по крайней мере, смогли бы утешить себя тем, что испробовали все возможности для достижения цели!

— Браво! Браво, мой мальчик! — воскликнул Маляриус. — Твои доказательства неоспоримы.

— Спокойнее, спокойнее, сударь, — проговорил Бредежор. — Не будем увлекаться. У меня есть другое довольно веское возражение. Неужели ты думаешь, милый Эрик, что «Аляска» пройдёт незамеченной по Темзе? Конечно нет, — не так ли? О её прибытии заговорят газеты. О ней сообщат телеграфные агентства. О том, что она прибыла в Лондон, узнает и Тюдор Броун. Он поймёт, что наши планы изменились, а что помешает ему соответственно изменить и свои? Не допускаешь ли ты, что ему удастся, например, задержать корабли с углём, без которых ты ничего не добьёшься?

— Бесспорно, — ответил Эрик, — и это лишний раз подтверждает, как тщательно мы должны все предусмотреть. Значит, мы не поплывём к Лондону! Тогда мы остановимся в Лиссабоне, как если бы по-прежнему были на пути к Гибралтару и Суэцкому каналу. Затем один из нас отправится инкогнито в Мадрид и, не вдаваясь ни в какие объяснения, свяжется по телеграфу с Монреалем и Сан-Франциско, чтобы обеспечить корабли углём. О назначении этих судов никто не узнает, я они будут находиться в определённом месте в распоряжении своих капитанов, которым будет сообщён условный пароль.

— Вот это другое дело! При таких условиях почти невозможно, чтобы Тюдор Броун мог напасть на наш след!

— Вы хотите сказать — на мой след, ибо, я надеюсь, вы не собираетесь сопровождать меня в арктические моря? — спросил Эрик.

— Черт побери! Я хочу с чистой совестью смотреть людям в глаза, чтобы никто не посмел сказать, что какой-то проходимец вроде Тюдора Броуна заставил меня отступить! — заявил доктор.

— И меня тоже! — в один голос воскликнули Бредежор и Маляриус.

Молодой капитан попытался было переубедить своих друзей, объяснив, что подобное решение связано с опасностями, что путешествие в условиях полярной ночи будет однообразным и томительно-монотонным. Но его доводы не подействовали. После того как они уже перенесли вместе столько испытаний, говорили друзья, делом чести является довести путешествие до конца. Оставаясь вместе, они смогут взаимно облегчить друг другу трудности предстоящего плавания. Разве не приняты все предосторожности, чтобы пассажиры «Аляски» не очень страдали от холода? Уж кого-кого, а шведов и норвежцев морозами не запугаешь!

Короче говоря, Эрик должен был сдаться и согласиться с тем, что изменение маршрута не повлечёт за собой никаких изменений в составе экипажа.

Необходимо было как можно быстрее пройти первую часть пути. 2 апреля «Аляска» бросила якорь в Лиссабоне. Прежде чем португальские газеты успели оповестить о её прибытии, Бредежор был уже в Мадриде и с помощью банкирского дома связался по трансатлантическому телеграфному кабелю с двумя солидными торговыми фирмами в Монреале и Сан-Франциско. Он договорился о посылке двух судов с углём в назначенные пункты и сообщил пароль, по которому Эрика должны были впоследствии опознать. Этот пароль был не чем иным, как девизом *Semper idem*, который был начертан на некоторых вещичках младенца, лежавшего в колыбели, привязанной к спасательному кругу. Наконец, 9 апреля, удачно заключив и надлежащим образом оформив эти сделки с иностранными фирмами, Бредежор возвратился в Лиссабон, и «Аляска» немедленно вышла в море.

25-го числа того же месяца, после благополучного перехода через Атлантический океан, судно прибыло в Монреаль, где и запаслось углём. Все распоряжения, отданные Бредежором, были выполнены точнейшим образом. 29-го «Аляска» уже покинула воды залива Святого Лаврентия, чтобы на следующий день пройти проливом Белл-Айл, отделяющим Лабрадор от Ньюфаундленда. 10 мая в Годхавне, на берегу Гренландии, был встречен второй пароход с углём, прибывший на место даже раньше назначенного срока.

Эрик прекрасно знал, что в это время года ещё рано пытаться пересечь Полярный круг и плыть извилистыми проливами по Северо-Западному пути, почти на всем протяжении забитому льдами. Но зато у него были все основания надеяться добыть в этих морях, часто посещаемых китобоями, сведения более точные, чем на самых лучших картах. Здесь он рассчитывал также купить, правда, за довольно высокую цену, десяток хороших собак, которые, во главе с Клаасом, могли бы в случае надобности составить санную упряжку.

Годхавн, как и все датские поселения на гренландском берегу, представляет собой бедный посёлок, служащий складочным пунктом для торговцев жиром и мехами. Весною погода там ненамного холоднее, чем в Стокгольме или Нороз. Но Эрик и его друзья с удивлением убедились, как сильно отличаются друг от друга две страны, находящиеся на равном расстоянии от Северного полюса. Годхавн расположен на той же широте, что и Берген. Но тогда как в южной части Норвегии уже в апреле зеленеют леса, фруктовые деревья и даже шпалеры виноградников, взращённых на хорошо удобренной почве, Гренландия ещё в мае покрыта снегом и льдом и ни одно деревце не оживляет здесь унылый пейзаж. Очертания норвежского побережья, глубоко изрезанного фьордами и защищённого цепью островов, способствуют повышению среднегодовой температуры в стране почти так же, как теплота Гольфстрима. В Гренландии, напротив, низкие ровные берега первыми принимают с полюса потоки холодного воздуха. К тому же гренландские берега, как и вся поверхность острова, покрыты ледяным пластом в несколько футов толщиной.

Стоянка в Годхавне отняла пятнадцать дней, после чего «Аляска» поплыла Девисовым проливом вдоль гренландских берегов и пересекла Полярный круг.

28 мая впервые встретились плавучие льды на 70о 15' северной широты при температуре мипус два. Правда, эти первые льды представляли собой мелко искрошенную массу или плыли небольшими изолированными группами. Но вскоре они стали более плотными, и нередко приходилось прокладывать дальнейший путь при помощи тарана. До сих пор плавание не было связано ни с серьёзными опасностями, ни с большими трудностями. Однако по многим признакам можно было уже заметить, что находишься в совершенно ином мире. Все сколько-нибудь отдалённые предметы казались бесцветными и как бы бесплотными. Взгляду не на чём было отдохнуть — настолько изменчивой и подвижной была линия горизонта под влиянием волн и солнечных лучей, преломлявшихся в движущихся массах воздуха. Но особенно ночью, при свете электрического фонаря, зажжённого на «вороньём гнезде» «Аляски», Баффинов залив, в воды которого она только что вступила, принимал совершенно фантастический вид.

«Кто бы мог представить себе эту унылую картину, — писал один очевидец: — рокот волн под блуждающими льдинами, странный шорох снежных пластов, внезапно соскальзывающих в воду и как бы гаснущих с шипением подобно раскалённым углям? Кто бы мог вообразить ослепительно блестящие осколки льда, низвергающиеся каскадом с ледяных гор, брызги пены при их падении, смешной переполох испуганных морских птиц, спящих на вершине какого-нибудь ледяного острова и вдруг теряющих точку опоры, и затем долго выющихся в воздухе, прежде чем опуститься на другую льдину?.. А какое причудливое зрелище по утрам, когда солнце в сверкающем ореоле перистых облаков неожиданно прорывает пелену тумана, сначала освобождая лишь маленький клочок голубого неба, который, постепенно разрастаясь, словно преследует подёрнутые дымкой лёгкие облака, как бы в беспорядочном бегстве стремящиеся к горизонту!»

Эрик и его друзья в свободное время могли наблюдать подобные картины, обычные в северных морях. Продолжая плыть вдоль берегов Гренландии, они поднялись до широты

Упернивика, чтобы потом повернуть на запад и пересечь Баффинов залив во всю его ширину. Здесь трудности стали более ощутимыми, так как Баффинов залив служит главной магистралью для полярных льдов, увлекаемых бесчисленными подводными течениями, выходящими из залива. «Аляска» вынуждена была почти непрерывно пробивать себе путь тараном среди громадных ледяных полей. Иногда она останавливалась перед непреодолимыми торосами, которые приходилось огибать, потому что пробиваться через них было невозможно. Порою она подвергалась атакам снежных буранов, покрывавших палубу, мачты и весь толстый слой снега. Бывало и так, что под порывами пронзительного ветра она обрастала ледяной коростой и рисковала пойти ко дну под тяжестью этого панциря. Случалось «Аляске» попадать и в полыньи — своего рода озера, окружённые хаотическими ледяными заторами. В таких случаях она оказывалась в тупике, и неизвестно было, удастся ли ей снова выбраться в свободное море. Вот когда следовало быть особенно настороже, чтобы не задеть корпусом какой-нибудь огромный айсберг, плывущий с севера со стремительной скоростью и грозящий раздавить корабль, как ореховую скорлупку! Но ещё большую опасность представляли подводные льдины, которые приходили в движение при соприкосновении с килем судна¹ и — настоящий гидростатический парадокс²! — готовы были в любую минуту переместить центр тяжести и с невероятной силой вырваться на поверхность, все сметая на своём пути, подобно сокрушительному тарану. «Аляска» потеряла таким образом две шлюпки, и не раз уже приходилось поднимать на борт гребной винт, чтобы выправлять его искривлённые лопасти. Нужно самому пережить все испытания и непрерывные опасности плавания в арктических морях, чтобы составить об этом хотя бы приблизительное представление. В таких условиях достаточно одной — двух недель, чтобы выбилась

¹ Киль — подводная часть судна.

² Гидростатический парадокс — неожиданное явление в гидростатике, не соответствующее общим закономерностям.

Гидростатика — отрасль науки, изучающая равновесие жидкости, а также равновесие твёрдых тел, полностью или частично погруженных в жидкость

из сил самая выносливая команда. Отдых людям был необходим.

Но все испытания и тревоги искупались по крайней мере той скоростью, с какой накапливались в судовом журнале градусы долготы. Бывали дни, когда их насчитывалось до десяти и даже до двенадцати. Но бывали и такие дни, когда не удавалось отметить и одного пройденного градуса. И вот, наконец, 11 июня на «Аляске» увидели землю, и вскоре она бросила якорь у входа в пролив Ланкастер.

Эрик полагал, что будет вынужден задержаться на несколько дней перед тем как сможет углубиться в этот длинный проход. Но, к его удивлению и радости, пролив оказался свободным, по крайней мере, в начале. Не колеблясь, Эрик ввёл в него корабль. Однако уже на следующий день «Аляску» окружили льды и осаждали её в продолжение трех суток. Только благодаря сильным течениям в этом арктическом проливе судно, как и предсказывали годхавнские китобои, могло продолжать свой путь, несмотря на грозившую ему опасность.

17 июня «Аляска» достигла пролива Барроу и прошла его на всех парах. Но 19-го, когда она уже выходила из пролива Мелвилл, на широте мыса Уолк путь ей преградили льды.

Вначале Эрик отнёсся к этой неприятности спокойно, ожидая ледохода. Но дни проходили за днями, а ледяное поле оставалось неподвижным.

По правде говоря, у путешественников было немало развлечений. Застрав неподалёку от побережья, обеспеченные всем необходимым, чтобы не зависеть от случайностей, они совершали прогулки на санях, охотились на тюленей и наблюдали издали за играми китов. Приближалось летнее солнцестояние. После 15-го люди на «Аляске» стали свидетелями удивительного зрелища, незнакомаго даже норвежцам и жителям южной Швеции — полуночное солнце огибало небосвод, не заходя за линию горизонта.

Забравшись на безымянную вершину, которая вздымалась на этой пустынной равнине, путешественники наблюдали, как дневное светило описывало в течение суток полный круг в небесном пространстве. По вечерам, когда все было залито солнечным светом, где-то вдали южная сторона горизонта погружалась в ночную тьму.

Вернее сказать, то был бледный рассеянный свет, при котором предметы теряют свои очертания, а тени расплываются. Вся природа казалась какой-то призрачной. Здесь нельзя не почувствовать, в каком далёком краю ты находишься и как близок он от полюса!.. Тем не менее морозы не были сильными. Ртуть в термометре не опускалась ниже 4-5 градусов. Воздух иногда был таким тёплым, что с трудом можно было поверить, что это и есть самое сердце Арктики.

Даже самые удивительные явления природы не могли увлечь Эрика настолько, чтобы он хотя бы на минуту забыл о главной цели своего путешествия. Он приехал сюда не из-за любви к ботанике, как Маляриус, который с восторгом предпринимал далёкие экскурсии, собирая неизвестные растения и старательно пополняя ими свой гербарий; и не для того он сюда приехал, чтобы иметь с доктором Швариенк-рона и Бредежором наслаждаться невиданными пейзажами, которые открывала передними арктическая природа. Ведь целью Эрика было найти Норденшельда и Патрика О'Донoghана, выполнить свой священный долг и, быть может, раскрыть тайну своего рождения! Вот почему он так упорно и не заботясь об отдыхе пытался пробиться через ледяное кольцо, окружавшее «Аляску». Поездки на санях и на лыжах к далёкой линии горизонта, на паровом боте — в поисках прохода... В течение десяти дней он испробовал всевозможные средства для нахождения свободного пути. Но на западе, так же как на севере и на востоке, громоздились непреодолимые ледяные торосы.

Было уже 26 июня, а они находились ещё так далеко от сибирских морей! Неужели признать своё поражение? Нет, Эрик не мог с этим примириться! Повторные промеры глубины открыли существование подо льдом подводного течения, идущего в направлении пролива Франклина, то есть к югу; и тогда он пришёл к заключению, что даже не очень сильный толчок может оказаться достаточным, чтобы вызвать подвижку льдов. И Эрик решил попробовать. Он велел пробуровать в ледяном поле на семь морских миль в длину цепь небольших отверстий, отстоящих друг от друга на два-три метра, и заложить в каждое отверстие по килограмму динамита. Отверстия во льду соединялись между собой медной проволокой с гуттаперчевой изоляцией.

30 июня в восемь часов утра Эрик, находясь на палубе «Аляски», поджёг шнур, нажав кнопку электрического аппарата.

Тотчас же раздался страшный взрыв. Взметнулись к небу сотни вулканов из ледяной пыли. Ледяное поле вздрогнуло и заколыхалось, словно от подводного землетрясения. В воздухе с пронзительными криками закружились тучи испуганных морских птиц. Когда все успокоилось, на ледяной поверхности, насколько мог видеть глаз, открылась чёрная извивающаяся дорожка, причудливо изрезанная боковыми трещинами. Приподнятая взрывной волной, разорванная сокрушительной силой динамита, гигантская льдина раскололась. После минутного ожидания и как бы нерешительности лёд, будто повинаясь сигналу, пришёл в движение. С грохотом, скрежетом и треском ледяной массив распался на части и поплыл, увлекаемый течением. То здесь, то там ещё удерживались ледяные поля и острова, как бы протестуя против совершенного насилия. Но уже на следующий день проход освободился и путь оказался открытым. Теперь «Аляска» могла развести пары. С помощью динамита Эрику удалось сделать то, на что слабому полярному солнцу понадобился бы целый месяц.

2 июля «Аляска» достигла пролива Банка. 4-го она вошла — уже в прямом смысле этого слова — в Ледовитый океан. Теперь путь был свободен, несмотря на айсберги, туманы и снега, 12-го она обогнула мыс Глясс, 13-го — мыс Лесборн; 14-го, в десять утра, вошла в залив Коцебу на севере Берингова пролива, где и встретила, согласно данному распоряжению, угольное судно, прибывшее из Сан-Франциско. Так была выполнена в два месяца и шестнадцать дней программа действий, намеченная в Бискайском заливе.

«Аляска» не успела ещё стать на якорь, как Эрик прыгнул в шлюпку и причалил к борту грузового судна:

— *Semper idem!* — сказал он, увидев капитана.

— Лиссабон, — ответил янки.

— Давно вы меня здесь ждёте?

— Пять недель! Мы покинули Сан-Франциско через месяц после получения вашей телеграммы.

— О Норденшельде по-прежнему нет известий?

— В Сан-Франциско ничего не было известно. Но с тех пор, как я здесь, мне пришлось разговаривать со многими китобоями, и они утверждают, что слышали от жителей поселений у мыса Сердце-Камень, будто европейское судно вот уже девять или десять месяцев затёрто льдами западнее этого мыса. Они полагают, что это и есть «Вега».

— Вот оно что! — воскликнул Эрик с живой радостью. — И вы думаете, что она ещё не прошла через пролив?

— Я в этом убеждён. Ни одно судно не проходило здесь за последние пять недель без того, чтобы я не обменялся несколькими словами с капитаном.

— Слава богу! Все наши испытания с лихвою окупятся, если нам удастся найти Норденшельда!

— А вы не первые будете, — сказал янки, иронически улыбаясь. — Вас обогнала американская яхта. Она прошла здесь три дня тому назад и так же, как и вы, осведомлялась о Норденшельде.

— Американская яхта? — переспросил Эрик с удивлением.

— Да, «Альбатрос», капитан Тюдор Броун, прибывший из Ванкувера. Я сообщил ему всё, что знал, и он немедленно повернул к мысу Сердце-Камень.

Глава шестнадцатая.

ОТ МЫСА СЕРДЦЕ-КАМЕНЬ ДО ЛЯХОВСКИХ ОСТРОВОВ

Итак, Тюдору Броуну всё-таки удалось узнать об изменении маршрута «Аляски»! Итак, ему удалось обогнать её в Беринговом проливе!.. Но каким образом и каким путём? Это казалось почти сверхъестественным, но тем не менее факт оставался фактом.

Как ни потрясла Эрика эта новость, он никому не выдал своего волнения. Всю свою энергию капитан «Аляски» направил на скорейшее окончание погрузки топлива и, заполнив все угольные ямы, не теряя ни мипуты, направил судно в Сибирское море.

Сердце-Камень — длинный азиатский мыс, находящийся приблизительно в ста милях к западу от Берингова пролива,

куда ежегодно заходят китобои из Тихого океана. «Аляска» достигла его уже на следующий день. Вскоре в глубине Колючинской губы были замечены тонкие мачты «Веги», резко выделявшиеся среди хаотического нагромождения льдов, преграждавших ей путь уже в течение девяти месяцев.

Ледяной барьер, остановивший Норденшельда, едва ли достигал десяти километров в ширину. Обойдя это ледяное поле, «Аляска» повернула к югу, чтобы бросить якорь в маленькой незамерзающей бухте, укрытой от северных ветров. Затем Эрик высадился на берег вместе со своими тремя друзьями и направился к лагерю, который легко было заметить по струйкам дыма, поднимавшимся в чистом воздухе. Экипаж «Веги» в ожидании длительной зимовки раскинул лагерь на сибирском берегу.

Эта часть побережья Колючинской губы представляет собой низменность, слегка волнистую и изборозждённую небольшими ложбинками эрозионного происхождения¹. Никаких лесов, только несколько групп низкорослых ив да лужайки, густо поросшие ягелем и багульником, и кое-где на кочках стебельки сибирской полыни. Благодаря наступившему лету Малярпус легко обнаружил среди этой чахлой растительности широко распространённые в Норвегии виды, а именно — клюкву, морошку и одуванчики.

Большую часть лагеря «Веги» занимал продовольственный склад, построенный по приказанию Норденшельда на тот случай, если бы внезапное сжатие льдов разрушило корабль, что нередко бывает во время зимовки в этих опасных местах. Какая трогательная подробность! Бедные жители сибирского побережья, всегда голодающие, для которых этот склад с продовольствием представлял бесценное сокровище, и не думали на него посягать, хотя он почти не охранялся. Своеобразные шалаши из звериных шкур — яранги, в которых обитают чукчи, постепенно приблизились к лагерю. Наиболее заметным строением в нём была «тинтиньяранга», то есть ледяной дом, специально приспособленный для работы магнитной обсерватории. Здесь разместили все приборы, выгруженные с «Веги». Тинтиньяранга была сло-

¹ Эрозионное происхождение — вызванные эрозией — разрушительными процессами, производимыми на земной поверхности текучими водами, льдом и ветрами.

жена из ледяных брусков нежно-голубого цвета, вырезанных в форме параллелепипеда и скреплённых вместо цемента снегом. Дощатую кровлю обтянули брезентом.

Путешественников с «Аляски» встретил самым дружеским образом молодой учёный, который находился в это время в тинтиньяранге вместе с часовым. С исключительным радушием сотрудник Норденшельда предложил проводить гостей на «Вегу» по ледяной дорожке, соединявшей корабль с берегом. Верёвка, натянутая вдоль дороги на колышках, помогала ориентироваться в ночной темноте. Пока добрались до «Веги», астроном успел рассказать своим соотечественникам о всех приключениях экспедиции Норденшельда с того самого часа, когда она потеряла связь с внешним миром.

От устья Лены Норденшельд направился к Новосибирским островам с намерением их исследовать. Но, убедившись, что к ним невозможно пристать, благодаря нагромождению льдов и мелководью на протяжении многих миль, он решил продолжить плавание на восток. До 10 сентября «Вега» не встречала больших трудностей. Но с этого дня её ход начали замедлять постоянные туманы и ночные оледенения. Из-за непроницаемой тьмы приходилось делать частые остановки. 27 сентября «Вега» приблизилась к мысу Сердце-Камень. Она зацепилась якорем за ледяную глыбу, надеясь на следующий день преодолеть те несколько миль, которые ещё отделяли её от Берингова пролива, то есть от свободных вод Тихого океана. Но поднявшийся ночью северный ветер пригнал к судну массу льда, которая в последующие дни все увеличивалась, пока не образовала непреодолимый барьер, окруживший «Вегу» сплошным кольцом. Итак, она оказалась запертой во льдах и вынуждена была остаться на зимовку в тот самый час, когда была так близка к цели!

— Вы, конечно, понимаете, каким это было для нас разочарованием! — сказал молодой астроном. — Но мы сразу же приняли решение использовать выпущенную задержку на благо науки. Мы сблизились с жившими по соседству чукчами, быт и нравы которых до сих пор ещё внимательно не мог изучить ни один путешественник. Мы не упустили возможности составить словарь языка чукчей, собрать коллекцию из их орудий, оружия и предметов домашней утвари.

ри. Небесполезными оказались и наши магнитные наблюдения. Натуралисты «Веги» приобщили немало новых видов к фауне и флоре арктических областей. И, наконец, главная задача нашего путешествия была решена, поскольку нам удалось обогнуть мыс Челюскина и первыми преодолеть расстояние, отделяющее устье Енисея от устья Лены. Отныне Северо-Восточный проход найден и изучен. Разумеется, куда приятнее было бы осуществить это плавание за два месяца — ведь оставшийся отрезок пути мы могли покрыть за несколько часов. Но, принимая во внимание всё, что нами было достигнуто, если мы сумеем вскоре освободиться, а надеяться на это позволяют многие признаки, нам не придётся жалеть о потерянном времени и мы вернёмся из путешествия с уверенностью, что сделали полезное дело.

Слушая с большим интересом своего проводника, гости приблизились к «Веге». Теперь она находилась от них на таком незначительном расстоянии, что можно было различить нос корабля, покрытый до командного мостика длинным брезентом, борта, защищённые большими грудями снега, оснастку, от которой были оставлены на месте только ванты¹ и штаги, и трубу, тщательно обложенную тюфяками, чтобы уберечь её от морозов.

Ближайшие подступы к кораблю представляли ещё более необычное зрелище. Судно, вопреки ожиданиям, вовсе не было втиснуто в сплошное ледяное ложе, но каким-то неведомым образом словно нависло над настоящим лабиринтом, образованным из озерков, островков и каналов, между которыми были перекинуты деревянные мостки.

— Это чудо легко объяснимо, — ответил молодой учёный на один из вопросов Эрика. — Всякое судно, которое остаётся на несколько месяцев среди сплошных льдов, бывает окружённым слоем всевозможных остатков, среди которых основную массу образует угольная зола. Это вещество темнее снега и потому, поглощая больше теплоты, либо ускоряет таяние, либо, напротив, задерживает его, как своего рода изолятор, в зависимости от плотности и толщины слоя. Благодаря этому, когда начинается оттепель, примыкающие к кораблю ледяные глыбы и принимают такой

¹ Ванты — снасти, которыми производится боковое крепление мачт.

странный вид, вызывающий у вас удивление, и превращаются мало-помалу в беспорядочное скопление больших или малых впадин, воронок и изрезанных островков.

Матросы «Веги» в специально приспособленной одежде и несколько офицеров с любопытством смотрели на европейских гостей, приближавшихся к ним в сопровождении астронома. Как велика была их радость, когда они услышали приветственные возгласы на шведском языке и узнали среди гостей доктора Швариенкрона, черты лица которого были знакомы каждому!

Однако ни профессора Норденшельда, ни его верного спутника по полярным плаваниям, капитана Паландера, на борту не оказалось. Они отправились на геологическую экскурсию в глубь материка и должны были вернуться только через пять-шесть дней¹. Это было первое разочарование, постигшее наших путешественников. Найдя «Вегу», они надеялись, естественно, выразить своё уважение и принести поздравления великому исследователю. Но увы! Это разочарование было не единственным.

Как только Эрик и его друзья вошли в кают-компанию, они узнали, что три дня тому назад «Вегу» навестила американская яхта или, вернее сказать, владелец яхты мистер Тюдор Броун. Этот джентльмен принёс известия из внешнего мира, по которым так изголодались люди, запертые в Колючинской губе. Он сообщил обо всём, что произошло в Европе со времени их отплытия, рассказал, какая тревога охватила Швецию и все цивилизованные народы, когда прервалась связь с экспедицией Норденшельда, и о том, что «Аляска» была отправлена на её поиски. Этот мистер Тюдор Броун прибыл с острова Ванкувера на Тихом океане, где в течение трех месяцев дожидалась владельца его собственная яхта.

— Но ведь вы должны его знать! — воскликнул молодой врач, находившийся в составе экспедиции, — он говорил нам, что отплыл с вами на борту «Аляски» и покинул вас в

¹ В действительности они вернулись гораздо раньше, так как 18 июля начался ледоход, и «Вега» после 264-дневного плена смогла продолжить плавание; 20 июля она вышла из Берингова пролива и направилась к Иокогаме (Прим. авторов)

Бресте только потому, что не надеялся на успешный исход вашего предприятия...

— Действительно, у него были все основания в этом усомниться, — спокойно ответил Эрик, с трудом подавив своё волнение.

— Его яхта находилась в Вальпараисо, и он телеграфировал, чтобы она ожидала его в Виктории на берегу Ванкувера, — продолжал молодой врач; — потом он отплыл из Ливерпуля в Нью-Йорк и оттуда добрался железной дорогой до Тихого океана. Вот почему он прибыл сюда раньше вас.

— А он вам не говорил, что его сюда привело? — спросил Бредежор.

— Желание оказать нам помощь, если она нам понадобится, а кроме того, он хотел навести справки об одном довольно странном субъекте, о котором я случайно упомянул в каком-то из своих сообщений. Мистер Тюдор Броун, как мне показалось, проявляет к этому человеку живейший интерес.

Четверо друзей переглянулись.

— Патрик О'Доноган?... Не так ли его зовут? — спросил Эрик.

— Совершенно верно. По крайней мере это имя вытатуировано у него на коже, хотя он и заявляет, что это не его имя, а его друга, а самого его якобы зовут Джоном Боулом...

— Скажите, а где он сейчас?

— Уже полгода как он нас покинул. Сначала мы думали, что он будет нам полезен в качестве переводчика, так как он, по его словам, знает чукотский язык. Но вскоре мы убедились, что его знакомство с чукотским языком совершенно ничтожно и ограничивается лишь несколькими словами. К тому же так получилось, что, начиная от Хабарова и до этого самого места, нам не пришлось вступать ни в какие отношения с местными жителями, и в услугах переводчика мы не нуждались. Наконец, этот Джон Боул оказался лентяем, пьяницей и человеком крайне недисциплинированным. Его пребывание на борту «Веги» вызывало одни только неудобства. А потому мы с большим удовольствием откликнулись на его просьбу высадить его с некоторым запасом продовольствия на Большом Ляховском острове.

— Как! Да неужели он там высадился? Но ведь Большой Ляховский остров совсем необитаем! — воскликнул Эрик.

— Совсем необитаем, — подтвердил доктор. — По-видимому, этого парня прельстило то, что остров буквально усеян мамонтовой костью, а значит, там можно найти и драгоценные клыки. Он решил там поселиться, собрать за летние месяцы как можно больше клыков, а зимой, когда замёрзнет морской пролив, отделяющий остров от материка, перевезти своё богатство в санях на сибирское побережье и сбыть его русским купцам, которые приезжают сюда за местными изделиями.

— И все эти подробности вы сообщили Тюдору Бронну? — спросил Эрик.

— Разумеется! Он довольно далеко за ними приехал! — ответил молодой врач, не подозревая, какая глубокая личная заинтересованность скрывалась в вопросах капитана «Аляски».

Затем беседа перешла на более общие темы. Говорили о том, как сравнительно легко Норденшельду удалось осуществить свой план. Почти нигде ему не пришлось столкнуться со значительными препятствиями. Отсюда можно было заключить, какие большие последствия будет иметь открытие нового морского пути для мировой торговли. И не потому, что этот путь станет более доступным на всем своём протяжении, — говорили офицеры с «Веги». Переход, осуществлённый Норденшельдом, несомненно прпучит морские державы, расположенные у берегов Атлантического и Тихого океанов, к мысли о том, что прямое сообщение с Сибирью морем — предприятие вполне возможное. И, пожалуй, этим государствам нигде не найти, вопреки общепринятому мнению, более обширного и богатого поля деятельности.

— Не странно ли, — заметил Бредежор, — что в течение трех столетий эта попытка неизменно оканчивалась неудачей, а сейчас вам удалось осуществить её без особых трудностей?

— Это только кажущаяся странность, — ответил один из офицеров. — Мы воспользовались на севере Азии, так же как вы на севере американского континента, опытом наших предшественников, который нередко приобретался ими ценою жизни. Но, кроме того, нам оказал неоценимую помощь

большой опыт нашего руководителя. Прежде чем сделать эту окончательную попытку, профессор Норденшельд на протяжении двадцати с лишним лет возглавлял восемь больших экспедиций в Арктику, терпеливо накапливая все необходимые данные. Поэтому к решению своей основной задачи он пришёл хорошо подготовленным — можно сказать наверняка. Наконец, нужно принять во внимание и тот факт, что в нашем распоряжении было все, чего обычно не хватало нашим предшественникам, начиная с парового судна, специально оборудованного для такого плавания. Это дало нам возможность за два месяца преодолеть расстояние, на которое парусному кораблю понадобилось бы не менее двух лет. Мы в состоянии были не только выбирать, но и находить наш путь, обгонял плавучие льды, достигая скорости течения, а иной раз — скорости ветра! И всё-таки нам не удалось избежать зимовки! Невольно вспоминаешь, какие тяжёлые препятствия вставали в былые времена на пути мореплавателей, вынужденных надолго останавливаться в ожидании попутного ветра или терять лучшие летние месяцы, плывя наугад. Да разве нам не приходилось десятки раз находить не только свободное море, но даже острова и материки в тех местах, где на картах обозначены вечные льды?.. И нам совсем не страшно было уклониться от маршрута для того, чтобы провести необходимые исследования, а потом, в случае надобности, дать машине задний ход и направить судно на прежнюю дорогу. А ведь раньше мореплавателям приходилось в подобных обстоятельствах довольствоваться одними только догадками!

Так, в непринуждённой беседе и дружеских спорах были проведены послеполуденные часы. Гости с «Аляски», отбедав на «Беге», пригласили к себе на ужин всех свободных от вахты офицеров. Моряки охотно делились друг с другом своими наблюдениями и добытыми в пути сведениями. Эрик подробно ознакомился с маршрутом, проложенным «Вегой», и всеми мерами предосторожности, которые необходимо было принять, чтобы проделать в обратном направлении тот же путь. Выпили за обоюдные успехи, обменялись сердечными пожеланиями благополучно вернуться на родину и расстались, довольные состоявшейся встречей.

В час ночи «Аляска» должна была взять курс на Ляховские острова, а «Веге» приходилось дожидаться ледохода, который откроет ей путь к Тихому океану.

Итак, первая часть задачи, стоявшей перед Эриком, была выполнена. Он нашёл Норденшельда! Теперь оставалось решить задачу до конца: встретить Патрика О'Доногана и попытаться вырвать у него его тайпу. Без сомнения, это страшная тайна. Так думали теперь все. Недаром же Тюдор Броун пытается с таким упорством разыскать злополучного Патрика О'Доногана!

Удастся ли «Аляске» прибыть раньше «Альбатроса» к Большому Ляховскому острову? Мало вероятно, — ведь Тюдор Броун опередил Эрика на три дня. Но попытка не пытка! «Альбатрос» мог сбиться с пути, натолкнуться на непредвиденные препятствия. Как знать, а вдруг его удастся догнать или даже опередить? Пока оставалась хоть малейшая надежда на успех, нужно было идти на любой риск!

Надо сказать, что погода благоприятствовала нашим путешественникам: тёплый, слегка увлажнённый воздух, дымка тумана над горизонтом указывали на то, что море свободно со всех сторон, за исключением того участка побережья Сибири, где нагромодившиеся льды все ещё держали «Вегу» в плену. Лето только начиналось, и «Аляска» могла с полным основанием рассчитывать на десять недель хорошей погоды. Опыт плавания среди льдов у побережья американского материка оказался для Эрика очень ценным и позволял надеяться, что новый переход не вызовет больших трудностей. К тому же при возвращении в Швецию Северо-Восточный путь был самым коротким, и, помимо личной заинтересованности Эрика, было важно и в интересах науки воспользоваться маршрутом Норденшельда и проделать его в обратном направлении. Если бы это удалось — а это вполне могло осуществиться! — то тем самым было бы окончательно доказано и подтверждено практическое значение открытия великого исследователя.

Сам ветер, казалось, стал на сторону «Аляски» и покровительствовал ей. В течение десяти дней он почти непрерывно дул на юго-запад, что позволяло проходить в среднем по девять-десять узлов, не разводя топок. Это давало нашим путешественникам большие преимущества, не говоря уже о

том, что ветер оттеснял к северу плавучие льды, облегчая тем самым плавание. За десять дней «Аляске» лишь несколько раз встретились небольшие скопления пакового дрейфующего льда, или «гнилого льда», как обычно называют полярные мореплаватели наполовину растаявшие остатки зимних ледяных полей.

На одиннадцатый день, правда, разразилась снежная буря, которая, в сочетании с густым туманом, сильно замедлила ход корабля. Но 29 июля солнце вновь засияло во всем своём блеске, и утром 29 августа была замечена восточная оконечность Большого Ляховского острова.

Эрик тотчас же распорядился обогнуть его, чтобы проверить, не укрылся ли «Альбатрос» в какой-нибудь бухте, и вместе с тем защитить «Аляску» от встречного ветра. Закончив осмотр, он велел бросить якорь на песчаное дно, приблизительно в трех милях от южного берега; потом сел в шлюпку вместе со своими тремя друзьями и шестью матросами. Через полчаса шлюпка причалила к довольно глубокой бухте.

Эрик не случайно выбрал для стоянки именно южный берег. Если Патрик О'Доноган действительно ставил своей целью сбывать Мамонтову кость сибирским купцам и не собирался при первой же okazji покинуть остров, на который он сам пожелал высадиться, то он должен был выбрать для жилья такое место, откуда легко наблюдать за морским простором. Кроме того, почти с полной уверенностью можно было предположить, что это место будет расположено на возвышенности, поближе к сибирскому побережью. Наконец необходимость найти укрытие от полярных ветров также должна была побудить его обосноваться на южной стороне острова. Конечно, Эрик не был вполне уверен, что его предположения обязательно оправдаются, но все же счёл самым благоразумным принять их за основу для проведения планомерных поисков.

Вскоре его предположения подтвердились фактами. Не успели путешественники пройти и часа вдоль песчаного берега, как заметили на возвышенности хижину, хорошо защищённую от ветра цепью холмов и обращённую входом к югу. К их величайшему изумлению, этой домик, умело построенный в форме правильного куба, был белого цвета и

казался оштукатуренным извёсткой. Ему не хватало только зелёных ставен, чтобы походить на марсельский деревенский домик или американский коттедж.

Поднявшись на пригорок и подойдя к хижине, они поняли, чем была вызвана эта поразительная белизна. Как выяснилось, домик вовсе не был покрыт штукатуркой, а был сложен из огромных костей, хорошо пригнанных друг к другу и искусно скреплённых между собой. Потому он и выглядел издали таким белым. При всей необычности этого строительного материала сама мысль о его использовании казалась в тех условиях вполне естественной. Не говоря уже о том, что на острове с очень скудной растительностью отсутствовал какой-либо строительный материал, все холмы и возвышенности были усеяны обломками костей. Стоило только доктору Швариенкрона посмотреть на них, чтобы с первого же взгляда обнаружить останки мамонтов, бизонов и зубров.

Глава семнадцатая.

НА ВСЕХ НАРАХ

Дверь была открыта настежь. Войдя в хижину, четверо путешественников убедились, что единственная комната этого жилища ещё совсем недавно была обитаемой. В очаге, сложенном из трех больших камней, головни покрывала та лёгкая, словно вата, зола, которая разлетается от малейшего дуновения. Кровать — деревянная рама с натянутым на неё матросским гамаком — ещё хранила отпечаток человеческого тела.

На этом гамаке Эрик сразу же заметил клеймо «Веги».

Большая плоская кость — лопатка ископаемого животного, положенная на четыре берцовые кости — образовывала некое подобие стола, на котором виднелись крошки морских сухарей, оловянная чарка и деревянная ложка шведской выделки.

Без сомнения, они находились в доме Патрика О'Доногана, и, судя по всему, он покинул его совсем недавно. Не для того ли, чтобы уехать с острова? Или, наоборот, чтобы его обследовать? Установить это можно было только при внимательном осмотре местности.

Разрытая земля и канавы вокруг хижины свидетельствовали о том, что трудились здесь довольно усердно. Штук двадцать мамонтовых бивней, сложенных в ряд на ровной вершине холма, указывали, какова была цель этой работы. Очевидно, раскопки велись для того, чтобы извлечь на поверхность останки давно исчезнувших животных. Путешественники окончательно в этом убедились, когда заметили, что бивни отсутствовали почти у всех валявшихся здесь скелетов слонов и мамонтов. Значит, жители Сибирского побережья успели подобрать клыки, не дожидаясь прибытия Патрика О'Доногана. Потому ирландцу и пришлось заняться раскопками. Впрочем, клыки, которые ему удалось найти в подпочвенном слое, не отличались высоким качеством.

Но недаром же молодой врач с «Беги», так же как и хозяин «Красного якоря» в Нью-Йорке, утверждали, что лень — это отличительная черта Патрика О'Доногана! Вряд ли у него надолго могло хватить терпения обречь себя на такой неблагодарный и малоприбыльный труд. Вполне допустимо, что при первой же возможности он предпочёл покинуть Большой Ляховский остров. Единственную надежду заставить ещё здесь ирландца давали только следы его недавнего пребывания в хижине.

Тропинка, спускавшаяся по противоположной стороне склона, вела к берегу моря. Путешественники пошли по ней и вскоре очутились у котловины, в которой от таяния снегов образовалось маленькое пресное озеро, отделённое от моря скалистой грядой. Тропинка тянулась дальше, по краю этого водоёма и, огибая береговые скалы, обрывалась у естественной гавани.

На песчаной отмели были брошены сани и виднелись уголья от недавно погасшего костра. Эрик тщательно осмотрел берег, но не заметил никаких следов, оставленных отчалившей лодкой.

Он уже возвращался к своим спутникам, когда увидел под кустом, недалеко от того места, где был разведён костёр, какой-то ярко окрашенный предмет. Это была жестянка из-под мясных консервов, называемых обычно «тушёной», которой наполняют теперь продуктовые кладовые на всех кораблях. С первого взгляда находка не представляла ничего особенного, так как Патрик О'Доноган был обеспечен продовольствием с «Веги». Но внимание Эрика при-

влекла приклеенная к жестянке печатная этикетка с именем фабриканта: «Мартинес Доминго, Вальпараисо».

— Значит, здесь был Тюдор Броун! — тотчас же воскликнул Эрик. — Ведь нам говорили на «Веге», что его корабль стоял в Вальпараисо. Туда именно он телеграфировал, чтобы судно ждало его в Ванкувере!.. Ведь не с «Веги» же сюда были доставлены эти чилийские консервы, к тому же ещё совсем свежие! С тех пор, как эта жестянка была вскрыта, не прошло и трех дней, а может быть, и одних суток.

Доктор Швариенкрона и Бредежор хотели было возразить против столь категорического утверждения, как вдруг Эрик, продолжавший тщательно осматривать свою находку, наткнулся на одну деталь, окончательно опровергшую всякие сомнения: на крышке, по-видимому поставщиком консервов, было нацарапано: «Альбатрос».

— Здесь был Тюдор Броун! — повторил Эрик. — А зачем ему было сюда приезжать, как не за Патриком О'Доноганом? Теперь все ясно! Он высаживался в этой бухте, а матросы ожидали его здесь и завтракали у костра. Тюдор Броун поднялся на холм к ирландцу и увёз его отсюда — по доброй ли воле или насильно, не все ли равно! Я до такой степени уверен в этом» как будто вижу все собственными глазами.

По, несмотря на свою уверенность, Эрик решил подробно осмотреть остров, что бы окончательно удостовериться в отсутствии Патрика О'Доногана. Не прошло и часа, как удалось выяснить, что остальная часть острова совершенно необитаема. Там не было ни одной тропинки и никаких следов животных. Во все стороны, насколько хватало глаз, тянулись дюны и песчаная равнина, без всякой растительности, без птиц, без насекомых, без всего того, что могло бы нарушить царившее здесь безмолвие. И только повсюду на поверхности острова были разбросаны огромные кости, как если бы целые полчища мамонтов, носорогов и зубров пришли сюда в незапамятные времена искать спасения от какой-то страшной катастрофы и погибли на этом затерянном клочке земли. А вдали, за дюнами и холмами, подобно гигантской завесе, тянулась горная цепь, покрытая снегами и вечным льдом.

— Вернёмся! — сказал доктор Швариенкрона. — Дальнейший осмотр бесполезен. Всего этого, вполне достаточно,

чтобы заключить, что Патрик О'Доноган не заставил себя долго упрашивать.

Поездка на остров заняла четыре часа. Как только шлюпка вернулась, «Аляска» снова тронулась в путь.

Эрик не скрывал, что теперь у него не осталось никакой надежды. Тюдор Броун, выиграв в скорости, первый прибыл на Большой Ляховский остров и, без сомнения, увёз Патрика О'Доногана. Отныне вряд ли удастся когда-нибудь его разыскать! Человек, способный сделать всё, что было им предпринято против «Аляски», способный проявить такую бешеную энергию, чтобы вывезти ирландца из подобного места, конечно, позаботится и о том, чтобы следы его потерялись навсегда. Мир велик, и весь морской простор открыт перед «Альбатросом»! Как узнаешь, в каком направлении розы ветров¹ он увозил О'Доногана и его тайну?

Вот о чём размышлял капитан «Аляски», прохаживаясь по юту, после того как приказал держать курс на запад, к мысу Челюскину. И к этим печальным размышлениям прибавлялись ещё угрызения совести. Как он мог разрешить своим друзьям разделить с ним все опасности и трудности этой вдвойне бесполезной экспедиции? Ведь Тюдору Броуну не только удалось найти Порденшельда раньше, чем «Аляске», но и опередить её на пути к Ляховским островам! И они вернутся в Стокгольм — если только им будет суждено туда вернуться! — не выполнив ни одной из поставленных перед экспедицией задач. По совести говоря, не слишком ли большое невезенье?... Так нусть хотя бы благополучное прибытие «Аляски» в Стокгольм послужит дополнительным подтверждением важности плавания «Веги»! Пусть подтвердится повторным опытом возможность использования Северо-Восточного пути! Любой ценой нужно достигнуть мыса Челюскина и обогнуть его с востока «а запад! Любой ценой нужно вернуться в Швецию через Карское море!

И вот к этому опасному мысу Челюскину, ещё недавно считавшемуся непреодолимым, «Аляска» шла теперь на всех парах. Путь, по которому она следовала, не повторял в точности маршрута «Веги», вышедшей из устья Лены, где

¹ Роза ветров — график, изображающий распределение и повторяемость разных направлений ветра за определённый срок (месяц, сезон, год и т.п.)

она останавливалась перед тем, как отправиться к Ляховским островам. У Эрика не было никакой необходимости приближаться к берегам Сибири. Оставив по правому борту острова Столбовой и Семеновский, отмеченные 4 августа в судовом журнале, «Аляска» взяла курс прямо на запад, следуя почти точно по 76-й параллели, и плавание её проходило так успешно, что за восемь дней она преодолела расстояние в тридцать пять градусов, от 140° до 105° восточной долготы от гринвичского меридиана. Конечно, при этом пришлось израсходовать немало топлива, так как «Аляска» почти все время шла против ветра. По Эрик справедливо считал, что ему следует все поставить на карту, чтобы по возможности быстрее выбраться из этих опасных мест. Пужно только дойти до устья Енисея, а там уж легко будет запастись углём.

14 августа, в полдень, все небо и горизонт заволкло таким густым туманом, что стало невозможно вести наблюдения по солнцу. И все же удалось установить, что «Аляска» уже приближалась к большому азиатскому мысу. Эрик приказал принять все меры предосторожности и замедлить скорость, а к вечеру велел и вовсе застопорить ход.

Такая предусмотрительность была необходима. На следующий день лот показал глубину всего лишь в тридцать футов. Часом позже была замечена земля. «Аляска» лавировала до тех пор, пока не достигла бухты, где и бросила якорь.

Было решено высадиться на берег не раньше, чем рассеется туман. По миновали 15 и 16 августа, а туман и не думал исчезать. И тогда Эрик все же решил высадиться вместе с Бредежором, Малярнусом и доктором.

После беглого осмотра они убедились, что бухта, в которой «Аляска» стала на якорь, находилась в самой северной точке мыса Челюскина, между двумя песчаными отмелями. Плоские по обеим сторонам бухты берега равномерно поднимались к югу, образуя холмистую возвышенность, и сливались с горами высотой в триста — четыреста метров, которые иногда можно было заметить сквозь просветы в пелене тумана. Здесь, как и в других областях Арктики, снега и льда нигде не было видно, за исключением прибрежной полосы. Глинистая почва была густо покрыта растительностью — мхом, лишайником и багульником. Пустынные бе-

рега оживлялись стаями диких гусей и уток, да ещё десятком моржей, вылезших из воды. На одном из скалистых выступов лежал, развалившись, белый медведь. Если б не туман, обволакивавший все вокруг густой завесой, то общий вид этого знаменитого мыса Челюскина, или, как его ещё иначе называют, Севере, не казался бы особенно суровым, несмотря на ту печальную славу, которой он пользовался в течение столетий.

Паправляясь к восточной стороне бухты, путешественники заметили на вершине одного холма нечто вроде обелиска и, естественно, поспешили осмотреть его. Оказалось, что это был cairn¹ — груда камней, поддерживавших колонну, сделанную из толстого древесного ствола.

На ней были две надписи. Первая гласила:

19 августа 1878 г. «Вега», шедшая из Атлантического океана, обогнула мыс Челюскина на пути к Берингову проливу.

И вторая:

12 августа 1879 г. «Альбатрос», выйдя из Берингова пролива, обогнул мыс Челюскина на пути к Атлантическому океану.

Ещё раз Тюдор Броун опередил «Аляску»! Было 16 августа. Значит, прошло только четыре дня с тех пор, как он сделал эту надпись!

В глазах Эрика она приобретала жестокий и насмешливый смысл и как будто ему говорила: «Ты будешь проигрывать до конца! Все твои усилия будут бесполезны!.. Порденшельд совершил открытие, а Тюдор Броун его подтвердил! Тебе же остаётся только вернуться восвояси униженным и сконфуженным, ничего не открыв, ничего не найдя и ничему не научившись!»

Он собирался уже уйти, ничего не прибавив к тем надписям, которые были начертаны на деревянной колонне, но доктор Швариенкрона не захотел остаться в долгу. Вынув из кармана нож, он вырезал следующие слова:

¹ Cairn (англ.) — пирамида из камней или пагробный памятник.

*16 августа 1879 г. «Аляска», шедшая из Стокгольма,
через Атлантический океан, Баффинов залив,
американские арктические проливы, Сибирские моря,
обогнула мыс Челюскина, завершая первое в мире
кругосветное плавание в полярных водах.*

Магическая сила слова! Этой простой фразы, напомнившей Эрику о том, какой географический подвиг он почти уже совершил, даже и не помышляя об этом, было достаточно, чтобы вернуть ему хорошее настроение. Ведь это же правда! «Аляска», наперекор всему, действительно заканчивала первое в мире полярное кругосветное плавание. Предшественники Эрика, преодолев северо-американские морские проливы, открыли Северо-Западный проход. Порденшельд и Тюдор Броун обогнули мыс Челюскина и прошли Северо-Восточным путём! По ещё никому до Эрика не удалось проплыть от одного прохода до другого, описав вокруг полюса в арктических морях полную окружность в 360° ! Ведь «Аляске» осталось покрыть ещё только 80°, чтобы замкнуть круг. На последний отрезок пути, в крайнем случае, понадобится десять дней.

Эта перспектива так воодушевила четырех друзей, что теперь они думали только об отплытии. Тем не менее Эрик хотел подождать до завтрашнего дня, надеясь на то, что туман за это время рассеется. По туман, казалось, был хронической болезнью мыса Челюскина, и с наступлением нового дня, не предвещавшего солнца, был отдан приказ поднять якорь.

Оставив к югу Таймырский залив — Таймыром назван большой сибирский полуостров, крайнюю северную оконечность которого и составляет мыс Челюскина, — «Аляска» направилась на запад и плыла без задержки весь день и всю ночь. 18-го утром она, наконец, вышла из полосы тумана и попала в безоблачную солнечную зону. В полдень было решено сделать остановку. По в эту минуту вахтенный доложил, что на юго-западе виднеется парус.

Появление паруса в этих редко посещаемых морях было таким из ряда вон выходящим событием, что он не мог не привлечь к себе пристального внимания. Эрик тотчас же забрался в «воронье гнездо» и стал разглядывать в бинокль замеченное судно. У него была глубокая осадка, такелаж,

как у шхуны, пароходная труба, которая сейчас не дымилась, так как судно шло не под парами. Молодой капитан, бледный от волнения, снустился на палубу.

— По-видимому, это «Альбатрос», — сказал он доктору.

Затем Эрик приказал немедленно развести пары.

Через четверть часа стало заметно, что «Аляска» догоняет корабль, корпус которого был уже виден невооружённым глазом. Корабль шёл на парусах при очень слабом ветре, под острым углом относительно курса «Аляски».

По внезапно ход корабля изменился. Из трубы повалил густой дым, оставляя за собой длинную чёрную ленту. Он мчался теперь на всех парах в ту же сторону, что и «Аляска».

— Песомненно! Это «Альбатрос»! — пробормотал Эрик.

И он приказал главному механику ещё прибавить пары. «Аляска» делала уже четырнадцать узлов. Через четверть часа — шестнадцать узлов.

Очевидно, преследуемое судно не в состоянии было развить такую скорость, так как «Аляска» начала его догонять. Через полчаса она настолько приблизилась к нему, что уже можно было различить расположение мачт, кильватер¹, людей, суетившихся на палубе, а затем орнамент на корме и даже буквы, образующие слово «Альбатрос».

Эрик приказал поднять шведский флаг. На «Альбатросе» тотчас же был выброшен звёздный флаг американской федерации.

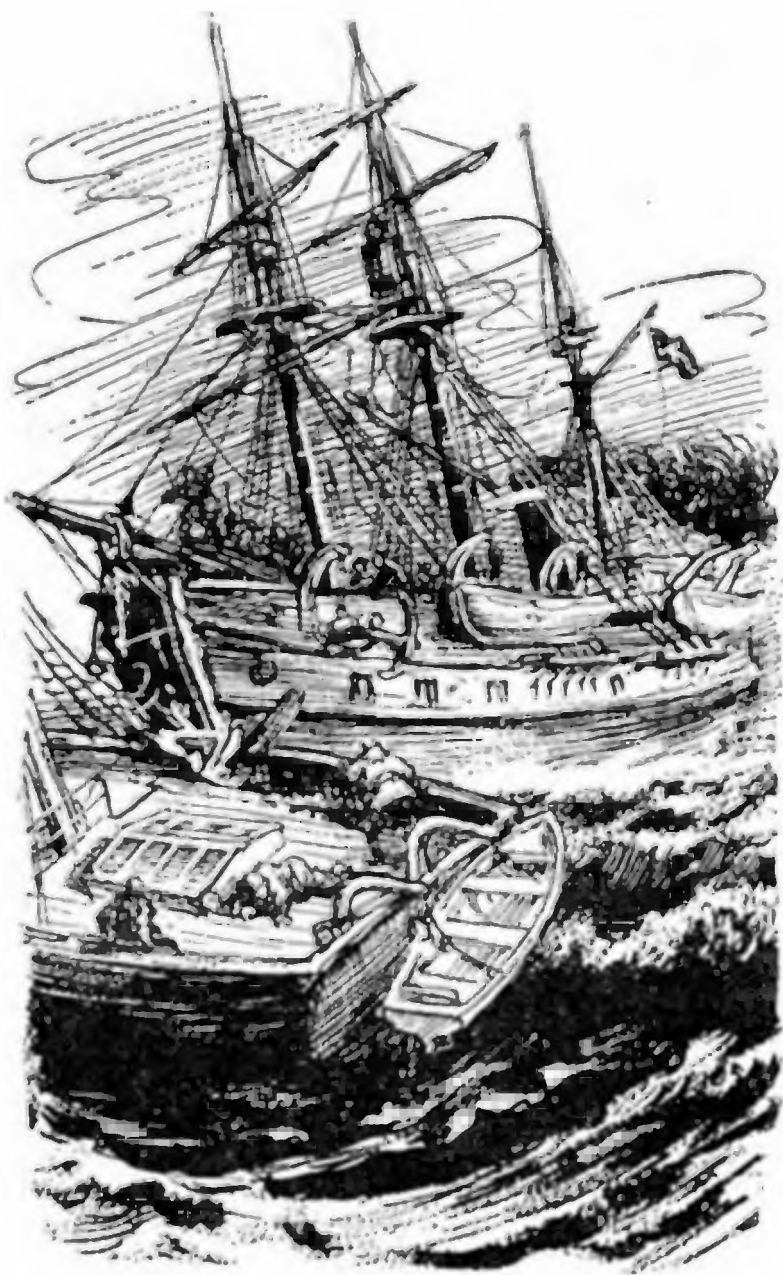
Ещё несколько минут, и между двумя кораблями расстояние сократилось до трехсот — четырехсот метров. Тогда капитан «Аляски», поднявшись на командный мостик, крикнул в рупор на английском языке:

— Эй, «Альбатрос», я хочу говорить с капитаном! Кто-то поднялся на командный мостик «Альбатроса». Это был Тюдор Броун.

— Я владелец и капитан этой яхты, — сказал он, — что вам от меня нужно?

— Я хочу знать, находится ли у вас на борту Патрик О'Доноган.

¹ Кильватер или кильватерная струя — след, остающийся на воде позади идущего судна

— Патрик О'Доноган у меня на борту и сейчас будет сам с вами говорить, — ответил Тюдор Броун.

По его знаку какой-то человек стал рядом с ним на мостике.

— Вот Патрик О'Доноган, — продолжал владелец «Альбатроса», — что вам от него нужно?

Эрик так долго мечтал об этой встрече и в поисках её заехал в такую даль, что теперь, когда очутился перед этим рыжеволосым человеком с расплюснутым носом, смотрящим на него подозрительным взглядом, почувствовал себя застигнутым врасплох и сначала даже не знал, о чём его спрашивать. Паконец, собравшись с мыслями, он заставил себя заговорить:

— Я хотел бы побеседовать с вами подробно и наедине. Я вас разыскиваю уже в течение многих лет и приплыл в эти моря, чтобы вас найти. Пе перейдёте ли вы на мой корабль?

— Я вас знать не знаю и знать не хочу! Мне хорошо и тут, — ответил О'Доноган.

— А я знаю вас! Я узнал от мистера Боула из Пью-Йорка, что вы находились на «Цинтии», когда она потерпела крушение, и рассказывали ему о ребёнке, привязанном к спасательному кругу. Я и есть тот самый ребёнок, и хочу узнать все подробности, которые вам известны.

— Пусть их вам сообщит кто-нибудь другой. Я не желаю вам ничего говорить!

— Пеужели вы не считаете это делом вашей совести?

— Думайте, что хотите, а мне на это наплевать, — ответил матрос.

Эрик решил не выказывать своего волнения.

— Лучше будет, если вы добровольно сообщите то, что меня интересует, не дожидаясь, пока вас вынудит к этому суд.

— Суд? А вы попробуйте сначала меня туда доставить! — смеясь, ответил Патрик О'Доноган.

Здесь вмешался Тюдор Броун:

— Как видите, не моя вина в том, что вы не можете получить интересующие вас сведения. Итак, не лучше ли нам закончить эту приятную беседу и пойти каждому своим путём?

— А почему идти каждому своим нутём? Пе лучше ли будет нам плыть вместе до тех пор, пока мы не достигнем

цивилизованных мест, чтобы урегулировать наши общие дела? — ответил капитан «Аляски».

— У меня нет с вами никаких общих дел, а снутника мне не требуется, — возразил Тюдор Броун, намереваясь покинуть мостик.

Эрик остановил его жестом.

— Слушайте, владелец «Альбатроса»! — закричал он. — Я снабжён полномочиями моего правительства и как офицер морской полиции требую, чтобы вы немедленно предъявили мне ваши документы!

Тюдор Броун даже не счёл нужным ответить на это и спустился с мостика вместе с Патриком О'Доноганом.

Выждав минуту, Эрик снова закричал:

— Владелец «Альбатроса», я обвиняю вас в злонамеренной попытке потопить мой корабль в Бас-Фруад, на Сенской отмели, и я заставляю вас ответить за это преступление перед морским трибуналом! Если вы не выполните моё требование, я должен буду применить силу!

— Попробуйте, если у вас получится! — воскликнул Тюдор Броун, отдав в тот же миг приказание продолжать путь.

Во время этих переговоров его судно незаметно повернулось и стало под прямым углом к носу «Аляски». Внезапно винт «Альбатроса» заработал, вспенивая бурлящую воду. Пронзительный свисток прорезал воздух, и корабль понёсся на всех парах в сторону Северного полюса.

Через две минуты «Аляска» устремилась за ним в погоню.

Глава восемнадцатая.

ВЫСТРЕЛЫ ИЗ ПУШКИ

Пока продолжалась погоня за «Альбатросом», Эрик приказал изготовить к бою нушку, установленную, на носу «Аляски». Это отняло немало времени. Когда с нушки сняли просмолённый чехол, зарядили её и навели на цель, противник был уже вне досягаемости. Он, конечно, не преминул воспользоваться заминкой, чтобы развить предельную скорость и оторваться от преследователя на три — четыре ми-

ли. Правда, такое расстояние для гатлинга¹ не было непреодолимым, но боковая качка, быстрый ход обоих кораблей и ограниченность движущейся мишени делали более вероятным попадание снаряда не в цель, а в воду. Лучше было подождать, тем более, что расстояние между судами хотя и не сокращалось, но перестало теперь увеличиваться. Опыт показывал, что оба корабля, несшиеся на всех парах, были почти одинаково быстроходны. Разделявшая их дистанция оставалась неизменной в течение многих часов.

По достигалось это ценою огромной затраты угля, запасы которого на «Аляске» быстро истощались. Приходилось опасаться, что такой непомерный расход топлива не оправдывает себя, если не удастся догнать «Альбатроса» до наступления ночи. Эрик не счёл возможным идти на такой крайний риск, не посоветовавшись предварительно с командой. Он вызвал всех на палубу и со всей откровенностью сообщил о положении вещей.

— Друзья мои, — сказал он, — вы знаете, как обстоит дело: либо мы поймаем и предадим морскому трибуналу негодяя, пытавшегося погубить нас на Бас-Фруад, либо позволим ему скрыться. Угля нам хватит самое большее на шесть суток. Всякое отклонение от курса заставит нас идти дальше под парусами, а это может помешать успешному окончанию плавания. С другой стороны, «Альбатрос» только и ждёт наступления ночи, чтобы сбить нас со следа. Поэтому мы должны непрерывно держать его под лучом электрического прожектора, ни на минуту не замедляя ход. Впрочем, я убеждён, что погоню вскоре придётся прекратить, так как завтра или послезавтра мы достигнем у семьдесят восьмой — семьдесят девятой параллели границы вечных льдов, закрывающей подступы к полюсу. По я не хотел бы продолжать преследование, не получив вашего согласия и не поставив вас в известность о тех дополнительных трудностях, которые могут встретиться впереди.

Матросы вполголоса советовались между собой и поручили маастеру Герсебому выступить от имени всего экипажа.

— Мы считаем, что долг «Аляски» — пожертвовать всем ради поимки этого мерзавца, — спокойно вымолвил старик.

¹ Г а т л и н г — тип артиллерийского орудия

— Вот и отлично! Мы сделаем все, чтобы этого добиться, — ответил Эрик.

Окончательно удостоверившись, что матросы на его стороне, он не жалел топлива и не давал возможности Тюдору Броуну, несмотря на отчаянные усилия последнего, оторваться от «Аляски» на большее расстояние. Как только скрылось солнце, на верхушке мачты «Аляски» вспыхнул электрический глаз прожектора и устремил свой безжалостный луч на «Альбатроса», чтобы до рассвета не выпустить его из поля зрения. На протяжении всей ночи расстояние между судами не сокращалось. Пастало утро, и они по-прежнему мчались к полюсу. В полдень были определены по солнцу координаты «Аляски»: 78° 21'14" северной широты и 98° восточной долготы.

Плавучие льды, совсем не попадавшие за последние две недели, встречались теперь все чаще и чаще. Передко их приходилось пробивать тараном, как это однажды уже делалось в Баффиновом заливе. Эрик, уверенный в скором появлении ледяных заторов, повернул «Аляску» чуть правее «Альбатроса», с тем чтобы преградить ему путь на восток, если тот попытается изменить направление, когда закроется дорога на север.

Эта предусмотрительность полностью себя оправдала, так как к двум часам дня на горизонте показался длинный ледяной барьер. Американская яхта тотчас же повернула к западу, оставив по правому борту нагромождение торосов, вытянувшихся на четыре — пять миль. «Аляска» немедленно повторила тот же манёвр, «о взяла на этот раз левее «Альбатроса», чтобы отрезать ему возможное отступление к югу.

Погоня становилась все более напряжённой. Соответственно направлению, какого вынужден был придерживаться «Альбатрос», «Аляска» пыталась настигнуть его с фланга, все больше и больше прижимая его к кромке ледяного поля. Американская яхта, потерявшая прежний курс, то и дело задерживаемая плавучими льдами, вынуждена была поминутно переходить на другой галс¹, — то устремляться к северу, то круто поворачивать на запад.

¹ Галс — курс судна относительно ветра; судно идёт левым или правым галсом, когда ветер дует в левый или правый борт.

Эрик пристально следил из «вороньего гнезда» за крейсировкой противника, отвечая контрмерой на каждый его ход, как вдруг «Альбатрос» резко остановился и повернулся к «Аляске» носом. Длинная белая полоса, тянувшаяся к западу, объясняла причину этого неожиданного манёвра: «Альбатрос» очутился внутри настоящего залива, образовавшегося среди крутых изгибов ледяного поля, и, подобно хищнику, загнанному сворой борзых, повернулся лицом к врагу.

Молодой капитан «Аляски» ещё не успел спуститься на палубу, как снаряд со зловещим свистом пролетел над его головой.

Значит, «Альбатрос» был тоже вооружён и решил защищаться!

— Пу что ж, тем лучше, раз он первый открыл огонь! — сказал про себя Эрик и приказал стрелять.

По его снаряду повезло не больше, чем снаряду Тюдора Броуна. Ядро упало в двухстах метрах от цели.

Бой разгорался, и стрельба становилась все более прицельной. Американский снаряд, начисто срезав большую реку «Аляски», разорвался на палубе и убил двух человек. В то же время шведский снаряд угодил прямо в рубку «Альбатроса» и, по-видимому, причинил большой ущерб. Частые выстрелы с той и другой стороны сильно повредили носовую часть и оснастку обоих судов.

Постепенно они сближались, делая быстрые повороты при обмене орудийными выстрелами. По вот какой-то отдалённый гул стал примешиваться к грохоту пушек. Люди подняли головы и увидели, что небо на востоке стало совершенно черным.

Пеужели ураган, завеса тумана или снежная буря помогут Тюдору Броуну скрыться? Всё, что угодно, но Эрик этого не допустит! И он решил взять американскую яхту на абордаж¹. Вооружив всех своих людей мечами, топорами и кинжалами, Эрик на предельной скорости направил своё судно к «Альбатросу».

По Тюдору Броун не стал дожидаться нападения. Поспешно отступив, он повёл свой корабль вдоль ледяной кромки, через каждые пять минут посылая в сторону «Аляс-

¹ А б о р т а ж — соединение судов борт к борту для рукопашного боя.

ки» новый снаряд. Однако поле его действия было теперь очень сужено. Зажатый, как в тиски, между торосами и «Аляской», он решил пойти на отчаянный шаг, чтобы вырваться в открытое море. Попытался он это сделать после нескольких ложных манёвров, надеясь таким образом скрыть от противника свои истинные намерения.

Эрик ему не препятствовал. По как раз в ту минуту, когда нёсшийся на всех парах «Альбатрос» оказался в пределах досягаемости, «Аляска» врезалась в него стальным тараном.

Удар был сокрушительный. В корнусе яхты появилась зияющая рана. Мгновенно отяжелев, «Альбатрос» замер в неподвижности, почти утратив всякую способность к маневрированию. «Аляска» между тем поспешно отошла назад и изготовилась к новой атаке. Пельзя было медлить, так как море становилось все более угрожающим.

Пачалась буря. Палетел юго-восточный шквал со снежным бураном. Ветер не только вздымал чудовищные волны, но и загонял плавающие льдины в глубину залива, где, словно в горле воронки, застряли оба корабля. Айсберги стремились сюда, казалось, со всех концов света. Эрик понял, что не может сейчас терять ни минуты и должен во что бы то ни стало вырваться из этой ловушки, иначе «Аляска» будет заперта в ней и заперта, быть может, навсегда. Повернув корабль бортом к востоку, он думал теперь только о борьбе с ветром, снегом и полчищем грохочущих льдин.

По вскоре он убедился, что вырваться в открытое море невозможно. Буря неистовствовала с такой яростью, что ей не могли противостоять ни машина «Аляски», ни её стальной таран. Корабль продвигался с величайшим трудом, а порою вынужден был отходить на много метров назад. Мачты жалобно стонали под напором ветра. Густой снег, затемнявший небо и ослеплявший людей, покрывал уже толстым слоем палубу и такелаж¹. Льды, все больше нагромождаясь, накапливаясь и теснясь в узком заливе, при каждом порыве шквального ветра воздвигали новые непреодолимые преграды. «Аляска» вынуждена была отойти к границе ледяного

¹ Такелаж — все спасти на судне, служащие для укрепления мачт и управления парусами

поля и почти на ощупь отыскать первую попавшуюся бухту, чтобы переждать в ней непогоду.

Между тем американская яхта скрылась в снежном вихре. Плачевное состояние, в которой она была приведена тараном «Аляски», заставляло сомневаться в возможности её сопротивления буре. Ещё труднее было предположить, что ей удалось выбраться в открытое море.

К тому же положение становилось столь критическим, что Эрик вынужден был заботиться сейчас не о преследовании противника, а о спасении «Аляски». Опасность увеличивалась с каждой минутой.

Пет ничего страшнее этих арктических бурь, когда стихийные силы природы как будто только затем и пробуждаются, чтобы дать почувствовать мореплавателям, как ужасны были некогда катаклизмы¹ ледникового периода. Царила кромешная тьма, хотя в тех странах, где день отличается от ночи, часы ещё не показывали и пяти пополудни. Так как паровая машина застопорилась, нечего было и думать зажечь электрический прожектор. К завыванию урагана, к раскатам грома, к скрежету налетающих и обрушивающихся друг на друга плавучих льдин присоединялся ещё во мраке треск ледяного поля, которое ломалось и крошилось со всех концов. При образовании каждой новой трещины завывание бури заглушалось грохотом взрыва, словно стреляли из пушки во время бедствия. Частота этих взрывов свидетельствовала о том, что расщелин образовалось бесчисленное множество.

Вскоре «Аляске» пришлось испытать на себе силу встречных ударов. Небольшая бухта, где она нашла укрытие, заполнилась, так же как и все излучины залива, дрейфующим льдом. Перед кораблём выросла сплошная ледяная стена, словно сцементированная непрерывно падающим снегом. «Аляска» очутилась в плену. Скрежет её корнуса сливался с шумом ломающихся льдов, которые напирали на неё со всех сторон. Ежеминутно можно было ожидать, что остов судна сломается, как яичная скорлупа, и это непременно случилось бы, если бы его заблаговременно не укрепили на случай такого страшного сдавливания.

¹ Катаклизмы — катастрофы, вызываемые стихийными силами природы (бури, паводнения, землетрясения и т.д.)

Эрик решил не сдаваться без борьбы. Не теряя времени, он бросил всех людей на возведение вокруг корабля преграды из вертикально поставленных тяжёлых брёвен, чтобы по возможности смягчить силу давления, распределив её на более широкую поверхность. По эти подпоры, и в самом деле защитившие корпус судна, вскоре вызвали другую, непредвиденную опасность, которая могла стать роковой.

Корабль, вместо того, чтобы быть раздавленным, теперь, при малейшем колебании ледяного поля, приподнимался из воды и затем падал на лёд с силой парового молота. С минуты на минуту при любом из таких страшных ударов он мог расколоться, дать течь, пойти ко дну. Чтобы отразить эту опасность, существовало только одно средство: по возможности укреплять, непрерывно укреплять заслон из льда и снега, который, худо ли, хорошо ли, но всё-таки защищал корпус корабля, составляя с ним почти единую, как бы однородную массу.

Все работали с исключительным рвением. Поистине это было волнующее зрелище! Горстка пигмеев с помощью якорей, брёвен и канатов пыталась воспротивиться разбушевавшимся стихиям! Люди спешно заделывали пробоины, забивали снегом промежутки между бортами и ледяной преградой, даже и не задумываясь о том, что малейшего дыхания Полярного моря будет достаточно, чтобы положить конец всей этой жалкой возне. После четырех или пяти часов нечеловеческого труда все выбились из сил, но опасность несколько не уменьшилась, так как буря продолжала свирепствовать с ещё большей яростью.

Посоветовавшись с офицерами, Эрик приказал выгрузить на лёд продовольствие и припасы на тот случай, если «Аляска» не выдержит этих ужасных толчков. Впрочем, ещё в самом начале бури каждому из членов экипажа были даны точные инструкции, как вести себя и что делать, если произойдёт катастрофа, и был выдан на руки недельный паек. Кроме того, всем было приказано держать ружьё на перевязи и не снимать его с плеча даже во время работы.

Не так-то легко было выгрузить на лёд двадцать больших бочек, но в конце концов люди справились и с этой работой! Всевозможные припасы были сложены в двухстах

метрах от корабля, под просмолённым брезентом, который вскоре покрылся пушистым снежным ковром.

Меры предосторожности, принятые Эриком, немного успокоили люден. Если бы и произошло кораблекрушение, оно не грозило теперь немедленной гибелью. Матросы сели за стол, чтобы подкрепиться неурочным ужином и горячим чаем с ромом.

Во время ужина внезапный толчок, мощнее всех предыдущих, с такой силой потряс ледяное поле, что ложе из льда и снега, на котором покоилась «Аляска», сломалось от чудовищного напора. Сжатая с кормы, она приподнялась с пронзительным скрежетом и рухнула носом в бездну, чтобы, казалось, исчезнуть в ней навеки. Началась паника. Все ринулись на палубу. Несколько человек, решив, пока ещё не поздно, искать спасения на льду, бросились за борт, не дожидаясь распоряжения капитана.

Четверым или пятерым из этих несчастных удалось спастись, так как они упали на снег, а двое других очутились между ледяным пластом и обшивкой правого борта, — в ту самую минуту, когда судно, придя в равновесие, со скрипом и хрустом выпрямилось.

Отчаянные вопли и треск ломающихся человеческих костей были заглушены воем урагана...

Наступило затишье, корабль оставался недвижимым.

Таков был трагический урок. Эрик ещё раз предложил экипажу сохранять хладнокровие и действовать во всех случаях только по приказу начальствующих лиц.

— Поймите же, — сказал он своим снутникам, — высадка — это чрезвычайная мера, прибегнуть к которой может заставить нас только самая крайняя необходимость. Все наши усилия должны быть направлены на спасение «Аляски»! Если мы потеряем её, то наше положение будет более чем ненадёжно! Мы покинем корабль лишь в случае его полной непригодности. Но даже и при таком несчастье высадка должна производиться спокойно, иначе нас неизбежно постигнет катастрофа! Я советую вам вернуться к прерванному ужину, предоставив офицерам заботу о дальнейших действиях.

Решительность, с какой были сказаны эти слова, успокоила даже самых робких, и матросы спустились в кубрик¹.

Затем Эрик подозвал маастера Герсебома, велел ему отвязать верного пса Клааса и бесшумно следовать за ним.

— Мы спустимся на лёд, — объяснил он вполголоса, чтобы вернуть беглецов и призвать их к чувству долга. Это будет лучше, чем бросить их на произвол судьбы.

Бедные матросы, пристыженные своим малодушием, находились ещё на краю ледяного поля. По первому требованию капитана они вернулись на «Аляску».

Убедившись, что беглецы находятся уже на борту, Эрик и маастер Герсебом дошли до продуктового склада, полагая, что там мог укрыться ещё какой-нибудь матрос. Они обогнули склад, но никого больше не встретили.

— Как вы считаете, отец, не своевременно ли будет во избежание новой паники высадить часть экипажа на лёд? — спросил Эрик.

— Пожалуй, оно было бы хорошо, — ответил рыбак, — если только оставшиеся на корабле не будут завидовать тем, кто высадится. В таком случае эта мера предосторожности вызовет среди матросов ещё большее беспокойство.

— Да, это верно! — продолжал Эрик. — Разумнее всего будет до последней минуты объединять их усилия для борьбы с бурей, тем более, что я вижу в этом единственную возможность спасти судно. Но раз уж мы спустились на льдину, то воспользуемся случаем и посмотрим, в каком она состоянии. Признаюсь, этот непрерывный треск и грохот заставляют меня сомневаться в её прочности.

Не успели ещё Эрик и его приёмный отец отойти и трехсот шагов к северу от продуктового склада, как вынуждены были остановиться: у их ног зияла громадная расщелина. Чтобы перебраться через неё, требовались длинные шесты, которые они не догадались с собой захватить. Тогда решили пройти по обочине в восточном направлении, чтобы посмотреть, как далеко тянется эта расщелина или, вернее сказать, трещина.

Шли уже больше получаса, но конца трещины не было видно. Следовательно, продуктовый оклад находился на

¹ Кубрик — жилое помещение для судовой команды.

огромной льдине. Успокоенные результатами своего исследования, Эрик и маастер Герсебом повернули назад.

Когда они были уже на полпути от склада, произошла новая подвижка ледяного поля, сопровождавшаяся оглушительным грохотом, скрежетом и треском ломающихся льдов. Не очень тревожась, они все же ускорили шаг, желая поскорее узнать, не причинил ли этот очередной толчок новых неприятностей «Аляске».

Вскоре они добрались до продуктового склада, а потом и до маленькой бухты, где стоял корабль.

Эрик и маастер Герсебом протёрли глаза, спрашивая друг друга, не видится ли им все это во сне: «Аляски» не было на месте!

Первое, что они подумали, — корабль пошёл ко дну. После всего, что ему пришлось испытать, в этом не было бы ничего удивительного.

Но, к счастью, от такого мрачного предположения сразу же пришлось отказаться: на поверхности воды не видно было ни одного обломка. Ещё более странное впечатление производил общий вид этой маленькой бухты, неузнаваемо изменившийся за короткий промежуток времени. Вместе с «Аляской» бесследно исчез и окружавший её плотным кольцом барьер из дрейфующих льдов, нагромождённый бурей за несколько часов. И даже больше того — все излучины вырисовывались теперь так отчётливо, что, казалось, ледяному полю удалось избавиться от случайного нароста и вернуть себе свои прежние очертания.

В ту же минуту маастер Герсебом отметил одно обстоятельство, которое он опустил из виду при обходе ледяного поля, но привлёкшее его внимание именно сейчас, когда он вернулся к исходному месту: ветер переменялся и дул теперь с запада!

Не мог ли внезапно переменявшийся ветер загнать ещё дальше в глубину залива дрейфующие льды, сгрудившиеся вокруг «Аляски»?

Да, по-видимому, так оно и было. Оставалось только проверить правильность этого предположения.

Эрик и маастер Герсебом немедленно направились вдоль береговой полосы.

Шли они довольно долго, сделав четыре или пять километров. Края ледяного поля повсюду были свободны от дрейфующего льда; яростные волны разбивались о ледяной берег словно о песчаную отмель, а залив все уходил вдаль и не было видно ему конца. Но что особенно показалось странным, — исчез высокий ледяной мыс, закрывавший залив с юга.

Наконец Эрик остановился. Теперь ему было все понятно. Он крепко пожал руку маастеру Герсебому.

— Отец, — сказал он многозначительно, — вы из породы тех людей, которым следует сразу говорить всю правду! Так вот, правда заключается в том, что айсберги, преграждавшие нуть «Аляске», оторвались от ледяного поля. Мы находимся на плавучем острове, длиной в несколько километров и в несколько сот метров шириной, который по прихоти бури несётся в океан!

Глава девятнадцатая.

ВЫСТРЕЛЫ ИЗ РУЖЬЯ

Около двух часов ночи Эрик и маастер Герсебом, изнемогая от усталости, забрались под брезентовый полог продовольственного склада. Они улеглись среди бочек и тотчас же заснули, прижавшись к тёплой шкуре Клааса, а когда пробудились, солнце уже стояло высоко над горизонтом, небо было снова синим и море спокойным. Огромный осколок ледяного поля, на котором они плыли, казался неподвижным, до того плавным и размеренным был его ход. Вдоль обоих берегов с устрашающей быстротой проносились громадные айсберги, обгоняя друг друга, порою сталкиваясь и разбиваясь. Эрику ещё никогда не приходилось любоваться зрелищем более прекрасным, чем эти колоссальные кристаллы, в которых, как в призме, преломлялись и отражались солнечные лучи. Даже маастер Герсебом, менее всего склонный восхищаться красотами арктической природы, да ещё в таких необычных условиях, и тот не мог скрыть своего изумления.

— Насколько лучше было бы наблюдать за всем этим с надёжной палубы! — сказал он, вздохнув.

— Напротив! — возразил Эрик со свойственным ему оптимизмом. — На борту корабля пришлось бы думать все время о том, как избежать столкновения с айсбергами и не превратиться в лепёшку, а на нашем ледяном острове можно, по крайней мере, не опасаться подобной неприятности!

Конечно, это был чересчур оптимистический взгляд на вещи. Маастер Герсебом в ответ только грустно улыбнулся. Но такова уж была особенность Эрика — воспринимать любое явление прежде всего с хорошей стороны.

— Разве нам не повезло, что сохранился продовольственный склад? — продолжал он. — Наше положение было бы действительно отчаянным, если б мы остались без провизии. Но с двадцатью бочками сухарей, копчёным мясом, брендвейном, да сверх того ещё с нашими ружьями и запасом патронов, — чего нам опасаться? На худой конец, продрейфуем несколько недель, пока не увидим берег, к которому можно будет пристать. Не сомневайтесь, дорогой отец, мы непременно вынутаемся из этой истории так же, как потерпевшие крушение на «Ганзе».

— На «Ганзе»? — с любопытством переспросил маастер Герсебом.

— Да, это судно отправилось в арктические моря в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году. Когда на ледяное поле выгружались продукты и уголь, часть экипажа очутилась в таком же положении, как и мы с вами. Мужественные моряки должны были возможно лучше приспособиться к жизни на плавучей льдине. Они провели на ней шесть с половиной месяцев, проплыв за это время несколько тысяч лье, пока не пристали к полярным берегам Северной Америки.

— Если бы и нам так посчастливилось!.. — произнёс маастер Герсебом, снова тяжело вздохнув. — Но, пожалуй, самое лучшее, что мы сейчас можем сделать, — хорошенько закусить.

— И я так думаю, — ответил Эрик. — Несколько сухарей и кусок мяса будут как раз кстати.

Маастер Герсебом откупорил две бочки и достал все необходимое для завтрака. Остриём ножа он прорезал дырку в бочонке с брендвейном и заткнул отверстие деревянной втулкой, чтобы можно было, по мере надобности, выщипывать живительную влагу. Затем они сытно позавтракали.

— А та самая льдина, на которой плыли матросы с «Ганзы», была такая же большая, как наша? — осведомился старый рыбак после того, как в течение десяти минут усердно подкреплял свои силы.

— Нет, скорее наоборот! Наша льдина тянется, должно быть, на десять — двенадцать километров, а у матросов с «Ганзы» льдина не достигала и двух километров в длину; да к тому же она сильно укоротилась после шестимесячного дрейфа. Беднягам пришлось покинуть её, когда волны стали доходить до их палаток. К счастью, моряки могли воспользоваться большой шлюпкой и перекочевать на другую льдину, так как на первой уже нельзя было оставаться. Несколько раз они переселялись, как белые медведи, с льдины на льдину, пока, наконец, не выбрались на сушу.

— Так вот оно что! — сказал маастер Герсебом. — Значит, у них была лодка. А у нас-то её нет!.. Когда придётся покидать эту льдину, единственно, что мы сможем, — сесть в пустую бочку. Другого способа я не вижу.

— Если понадобится, придумаем, — ответил Эрик. — Поживём — увидим! А пока что, я полагаю, всего разумнее будет заняться осмотром наших владений!

Эрик и маастер Герсебом начали с того, что взобрались на крутой пригорок из льда и снега, так называемый «hummock»¹, чтобы получить общее представление об окружающей местности. Их взорам открылось длинное ледяное поле, — вернее сказать, остров, протяжённостью от одного конца к другому в двенадцать — пятнадцать километров; своей причудливой формой он напоминал диковинное китообразное животное, распластанное на поверхности Ледовитого океана. Продуктовый склад находился как раз на уровне оси, которая как бы отделяла голову «кита» от туловища. Вместе с тем было довольно трудно судить о действительной величине и форме ледяного острова, так как громоздившиеся повсюду торосы мешали охватить глазом всю его поверхность. Вытянутый конец ледяного поля, где накануне был ещё залив, оказался теперь обращённым в другую сторону. Эрик и Герсебом решили исследовать местность прежде всего в этом направлении. Если раньше конец ледяного поля, оторвавшийся потом от всей массы,

¹ Hummock (англ.) — холм, возвышенность, ледяной торос

был обращён к востоку, то теперь, насколько возможно было определить по положению солнца, он был повернут к северу. Это давало все основания заключить, что корабль, под воздействием течения или бриза, отнесло к югу, и тот факт, что больше не видно было никаких следов длинного ледяного барьера, растянувшегося у 78-й параллели с востока на запад, только подтверждал эту гипотезу.

Вся льдина была покрыта снегом. В разных местах виднелись чёрные точки, в которых маастер Герсебом сразу же признал «ougiouks» — бородатых моржей самого крупного вида. По-видимому, моржи обитали в трещинах или пещерах ледяного поля и, чувствуя себя защищёнными от любого нападения, спокойно грелись на солнце.

Понадобилось больше часа ходьбы, прежде чем Эрик и маастер Герсебом добрались до другого конца огромной льдины. Большую часть пути они проделали вдоль западного берега, что позволяло им одновременно вести наблюдение за морем и за положением льдов. Клаас, вырываясь вперёд, то и дело вснугивал вдали какого-нибудь моржа. Почувяв опасность, ластоногие неуклюже ковыляли к кромке льда, чтобы поскорее броситься в воду. Легко было их забить в любом количестве. Но к чему, если нельзя было и подумать о разведении огня, чтобы сварить или зажарить нежное мясо этих безобидных животных!

Эрика одолевали другие заботы. Внимательно изучив ледяную почву, он пришёл к выводу, что она отнюдь не была однородной. Многочисленные щели и трещины, прорезавшие в разных местах поверхность ледяного поля, вызывали опасение, что при малейшем толчке от него останутся одни обломки. Правда, обломки могли быть большой величины, но сама возможность такого несчастья заставляла держаться возможно ближе к продовольственному складу, чтобы в любую минуту не оказаться от него отрезанными. Впрочем, немедленной опасности не угрожало, так как все эти трещины и щели были покрыты толстым слоем выпавшего накануне снега. Сверху он припорашивал их, а затем, подтаивая, набивался внутрь и скреплял кое-как промежутки. Эрик решил отыскать среди разграниченных трещинами участков наиболее плотный и устойчивый, чтобы обосноваться на нём и перенести туда продовольственный склад.

Именно ради этого Эрик и маастер Герсебом после короткого отдыха возобновили осмотр западной части острова. Они продвигались вдоль края ледяного поля, откуда ещё два часа тому назад видели знакомые очертания того самого берега залива, где очутилась в безвыходном положении американская яхта. Клаас бежал впереди, возбуждённый свежестью воздуха, и, казалось, чувствовал себя в родной стихии среди снежного ландшафта, должно быть, напоминавшего ему равнины Гренландии.

Вдруг Эрик увидел, как собака, понюхав воздух, понеслась стрелой и с лаем остановилась возле какого-то предмета, по ту сторону ближайшего тороса.

«Наверное, ещё один морж или тюлень», — подумал Эрик, не ускоряя шага.

Но не морж и не тюлень вызвал волнение Клааса. Это был человек, бездыханный, окровавленный человек, в меховой одежде, какой не было ни у одного матроса на «Аляске». В ту же минуту Эрик подумал о зимовщиках с «Веги». Он поднял голову лежащего человека. У него были густые рыжие волосы и нос, приплюснутый, как у негра...

Эрик решил, что стал жертвой галлюцинации. Он растегнул на человеке жилет, надетый на голое тело, и сделал это скорее для того, чтобы проверить, бьётся ли сердце, чем увидеть своими глазами татуировку...

Юноша сразу же заметил знакомое имя, грубо нацарапанное синей краской: некое подобие герба со словами: «Патрик О'Доноган. Цинтия».

Сердце его билось!.. Он ещё не был мёртв!.. На голове у него зияла широкая рана, вторая виднелась на плече, а на груди были заметны следы сильного удара, вызвавшего контузию и затруднявшего дыхание.

— Надо его немедленно перетащить в наше убежище, перевязать и привести в чувство, — сказал Эрик маастеру Герсебому и добавил шёпотом, словно боясь, чтобы его кто-нибудь не услышал:

— Это он, отец, это он, тот, кого мы так долго искали и не могли найти, это Патрик О'Доноган!.. Но он почти уже не дышит!

Когда Эрик подумал, что тайна его жизни скрывалась в голове этого окровавленного человека, на которого смерть,

казалось, уже наложила свою печать, — в глазах юноши зажёгся мрачный огонь. Хотя маастер Герсебом и догадывался, какие чувства обуревали Эрика, он не мог не пожать плечами, как бы желая сказать: «Вот уж действительно, повезло! Но если бы нам даже и удалось теперь все узнать, чего стоят все тайны мира, раз мы находимся в таком безвыходном положении?»

Тем не менее он поднял тело за ноги, в то время как Эрик подхватил его под мышки, и с этой тяжёлой ношей они тронулись в обратный нуть.

Толчки при движении заставили раненого открыть глаза. Боль, которую причиняли ему раны, вскоре стала такой мучительной, что он начал громко стонать, произнося какие-то бессвязные слова; среди них преобладало, однако, английское слово «dring» — «пить». До продовольственного склада было ещё довольно далеко. Эрик решил сделать привал. Уложив раненого на мягкий снег у подножия ледяной скалы, он поднёс к его губам медную фляжку.

Она была почти нуста, но глоток водки, казалось, вернул О'Доногана к жизни. Он осмотрелся вокруг, глубоко вздохнул и спросил:

— Где Джонс?

— Мы нашли вас возле тороса, — сказал Эрик. — Кроме вас, никого не было. Давно уже вы здесь находитесь?

— Не знаю, — с трудом вымолвил раненый. — Дайте ещё попить! — сказал он, пристально глядя на Эрика.

Он ещё раз глотнул водки и почувствовал себя в силах продолжать разговор.

— Когда началась буря, — сообщил он, — яхта стала тонуть. Кое-кто из команды успел прыгнуть в спасательные шлюпки, остальные погибли. Мистер Джонс подозревал меня к себе и велел сесть вместе с ним в маленький «каяк», привязанный на корме. Никто не решался в него сесть — такой он был маленький и лёгкий. Но он-то и оказался наиболее устойчивым. Только наш каяк и достиг ледяного поля, а все шлюпки перевернулись, не успев даже к нему причалить. Мы совсем уже выбились из сил, когда волны выбросили нас на лёд. С большим трудом нам удалось отползти подальше от воды и дожидаться рассвета... а утром мистер Джонс покинул меня, чтобы попытаться убить тюленя или

какую-нибудь морскую птицу. С тех пор я его больше не видел.

— Этот мистер Джонс — офицер с «Альбатроса»? — спросил Эрик.

— Владелец и капитан, — ответил О'Доноган тоном, в котором сквозило удивление, что ему задали такой вопрос.

— Разве владельца зовут не Тюдор Броун?

— Н-не знаю, — нерешительно пробормотал раненый, словно спрашивая себя, не слишком ли он разоткровенничался, сказав так много.

Эрик решил на этом не настаивать. Ведь ему ещё столько нужно было узнать!

— Послушайте, — обратился он к ирландцу, усаживаясь рядом с ним на снег. — Однажды вы отказались перейти на мой корабль, чтобы поговорить со мной по душам, и ваш отказ уже причинил столько бедствий! Но сейчас, когда мы встретились снова, воспользуемся случаем, чтобы побеседовать серьёзно, как деловые люди. Ведь вы находитесь на дрейфующей льдине, раненый, голодный, беспомощный, перед лицом мучительной смерти! У меня и у моего приёмного отца есть все, в чём вы нуждаетесь: пища, оружие, вода! Мы готовы позаботиться о вас, поделиться с вами всем и поставить вас на ноги. Так не окажете ли вы нам немного доверия в ответ на наши заботы?

Ирландец устремил на Эрика мутный взгляд, в котором признательность, казалось, смешивалась с беспредельным и безотчётным страхом.

— А какое доверие я должен вам оказать? — спросил он уклончиво.

— О, вы это прекрасно знаете! — ответил Эрик, заставив себя улыбнуться и взяв раненого за руку. — Я уже говорил вам об этом прошлый раз; вы ведь знаете, что мне необходимо выяснить и что меня привело в эти далёкие края... Послушайте, Патрик О'Доноган, соберитесь с силами, раскройте тайну, которая имеет для меня такое значение, расскажите мне всё, что вы знаете о «ребёнке на спасательном круге»! Наведите меня хоть на какой-нибудь след, чтобы я мог найти свою семью!.. Чего вы боитесь? Какая опасность может вам угрожать, если вы мне все расскажете?

О'Доноган не ответил, словно взвешивая в своём тупом мозгу доводы Эрика.

— А такая опасность, — проговорил он, наконец, с трудом, — что если бы мы вышли живыми из этой передраги и попали бы в страну, где имеются судьи, вы могли бы мне здорово насолить!

— Нет, нет, клянусь вам!.. Клянусь вам всем, чем угодно! — горячо воскликнул Эрик. — Какова бы ни была ваша вина предо мной или другими, я обещаю вам, что у вас не будет из-за неё никаких неприятностей! К тому же вы, кажется, не учитываете одного обстоятельства: любой ваш проступок уже утратил силу за давностью лет. Я хочу вам напомнить, что за всякое преступление, совершенное более двадцати лет тому назад, каково бы оно ни было, человеческое правосудие не имеет права привлекать виновного к ответу!

— Это правда? — недоверчиво спросил Патрик. — Но мистер Джонс сказал мне, что «Аляска» послана полицией, да и вы сами угрожали судом.

— Это касалось совсем недавних событий, случившихся в начале нашего плавания. Поверьте мне, Патрик, Джонс вас обманывал! Без сомнения, он заинтересован в том, чтобы вы молчали!

— Ну конечно, ему это выгодно, — с уверенностью произнёс ирландец. — Но как вам все же удалось выяснить, что мне известна тайна? — продолжал он, глядя в упор на Эрика.

— От мистера и миссис Боул из «Красного якоря» в Бруклине. Они часто слышали от вас о «ребёнке на спасательном круге».

— Это верно, — подтвердил ирландец. И он снова замолчал.

— Так вы и в самом деле не подосланы полицией? — спросил он после некоторого раздумья.

— Да нет же! Что за глупости! Я отправился по собственной воле, потому что должен же я, в конце концов, узнать, где моя родина и кто мои родители!

О'Доноган снисходительно улыбнулся.

— Э-э, так вот что вам нужно узнать? По правде говоря, я мог бы вам помочь, я действительно это знаю.

— Скажите же мне, скажите, О'Доноган! — воскликнул Эрик, чувствуя, что он все ещё колеблется. — Скажите, и я обещаю простить вам все ваши грехи, если они у вас есть, и отблагодарить вас, если только это будет в моих силах!

Ирландец с жадностью посмотрел на медную фляжку.

— Пересохло в горле от всех этих разговоров. С вашего разрешения, я хлебнул бы ещё немного водки.

— Больше здесь не осталось, но вам сейчас принесут из продовольственного склада. У нас есть запас, — ответил Эрик, передавая фляжку маастеру Герсебому.

Тот сразу же удалился в сопровождении Клааса.

— Он не заставит себя ждать, — продолжал молодой человек, снова наклонившись к раненому. — Да ну же, старина, не торгуйтесь со мной за вашу искренность!.. Вы только поставьте себя на моё место. Вообразите, что всю жизнь вы

ничего не знали о своей родине, не знали, как зовут вашу мать, а теперь находитесь рядом с человеком, которому все это известно и который отказывается сообщить эти неоценимые для вас сведения в то время, когда вы его только что спасли и вернули к жизни... Это было бы слишком жестоко, — не правда ли?... Я ведь не прошу у вас невозможного и не требую, чтобы вы признались в своей вине, если у вас что-то есть на совести!.. Дайте мне хоть какой-нибудь намёк, пусть даже самый незначительный! Больше мне ничего от вас не нужно!..

— Чёрт возьми, я, кажется, это сделаю, чтобы доставить вам удовольствие!.. — сказал Патрик О'Доноган, явно расчувствовавшись. — Вы, наверное, знаете, что я был младшим матросом на «Цинтии»...

Вдруг он умолк.

Эрик наклонился к его лицу... Неужели он достиг своей цели? Неужели он сейчас узнает тайну своего происхождения, узнает о своей семье, о своей родине? В эту минуту надежды уже не казались ему несбыточными. Он не сводил глаз с матроса, с волнением ожидая рассказа, и ни за что на свете не решился бы теперь его прервать — ни возгласом, ни жестом...

Потому Эрик и не заметил выросшей позади него тени, которая заставила Патрика остановиться на полуслове.

— Мистер Джонс! — произнёс он тоном провинившегося школьника.

Эрик обернулся и у соседнего тороса увидел Тюдора Броуна, по-видимому, скрывавшегося до последней минуты. Иснуганный возглас ирландца подтвердил возникшее у Эрика подозрение: мистер Джонс и Тюдор Броун был одним и тем же лицом!

Едва он успел подумать об этом, как прогремели один за другим два выстрела, и два трупа остались на снегу.

Тюдор Броун, сорвав с плеча ружьё, выстрелил в грудь Патрика О'Доногана, и тот упал, как подкошенный. Ещё не успев опустить ружьё, он в свою очередь получил пулю в лоб и рухнул вниз лицом.

— Я заметил подозрительные следы и вовремя вернулся, — сказал маастер Герсебом, неожиданно появившись с дымящимся ружьём в руке.

КОНЕЦ КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ

Эрик вскрикнул и бросился на колени перед Патриком О'Доноганом, пытаясь удержать вместе с его последним дыханием последнюю искорку надежды... Но на этот раз ирландец был действительно мёртв и унёс в могилу свою тайну.

В то же время предсмертная судорога свела тело Тюдора Броуна. Из рук его выпало ружьё, и он испустил дух, не проронив ни слова.

— Что вы наделали, отец? — в отчаянии стал упрекать его Эрик. — Зачем вы отняли у меня последнюю возможность узнать правду о моих родителях?.. Не лучше ли было наброситься на этого человека и обезоружить его?

— Ты думаешь, он сдался бы так просто? — ответил маастер Герсебом. — Вторая нуля, как пить дать, была предназначена для тебя!.. Я отомстил ему за убийство этого бедняги, наказал его за преступление на Бас-Фруад и, наверное, ещё за многие другие злодеяния!.. И я нисколько не раскаиваюсь, что так случилось... Да и что значит тайна твоей жизни, мой мальчик, в таком положении, как наше?.. Тайну твоей жизни мы узнаем скоро от самого господина бога!

Не успел он произнести эти слова, как над айсбергами и торосами прокатился нушечный выстрел. Казалось, это был ответ на мрачные мысли старого рыбака. Но вернее всего, и даже без сомнения, это был ответ на те два выстрела, которые только что прогремели на плавучей льдине.

— Пушка «Аляски»!.. Мы спасены!.. — радостно закричал Эрик и устремился к ближайшему торосу, с верхушки которого можно было охватить взором широкий горизонт.

Сначала он ничего не заметил, кроме айсбергов, подгоняемых бризом и покачивающихся на волнах под лучами полярного солнца. Но когда на выстрел маастера Герсебома, разрядившего в воздух своё ружьё, почти тотчас же ответила пушка, Эрик ясно увидел, как с западной стороны горизонта, на фоне синего неба обозначилась струйка чёрного дыма.

Ружейные и пушечные выстрелы раздавались теперь с промежутками в несколько минут, и несущаяся га всех па-

рах «Аляска», обгоняя айсберги, вскоре появилась у северной кромки ледяного поля.

Эрик и маастер Герсебом, плача от радости, бросились друг другу в объятия. Они махали платками, бросали в воздух шапки, стараясь всеми способами сигнализировать своим друзьям.

Наконец «Аляска» остановилась. С борта была снущена шлюпка, и не прошло и двадцати минут, как она причалила к льдине.

Трудно выразить словами глубокую радость доктора Швариенкрона, Бредежора, Маляриуса и Отто, когда они увидели живыми и невредимыми тех, кого считали уже безвозвратно погибшими.

Начались бесконечные рассказы: о переживаниях и ужасах той страшной ночи, о тщетных поисках без вести пропавших и отчаянии, охватившем их друзей и весь экипаж от сознания собственного бессилия... После того как «Аляска» наутро почти полностью освободилась от сковывавших её льдов, дорогу в открытое море удалось проложить несколькими взрывами пороховых шашек. Помощник капитана Безевиц, приняв на себя командование судном, тотчас же направил его по ветру на поиски оторвавшейся части ледяного поля. Это плавание среди бесчисленного множества льдин, приведённых в движение взрывами, было, пожалуй, наиболее опасным из всего, что пришлось испытать «Аляске». Но благодаря опыту, приобретённому экипажем под руководством молодого капитана, и искусному маневрированию ей все же удалось благополучно выбраться из лабиринта этих блуждающих ледяных глыб. Впрочем, помогло тут одно обстоятельство: «Аляска» шла в том же направлении, что и плавающие льды, но с гораздо большей скоростью. Судьбе было угодно, чтобы поиски не оказались напрасными. В девять часов утра с подветренной стороны было замечено ледяное поле. Из «вороньего гнезда» вскоре удалось различить его знакомые очертания. А затем донёсшиеся оттуда два выстрела вселили надежду, что Эрик и маастер Герсебом ещё живы.

Все остальное теперь не имело значения. «Аляска» направится в сторону Атлантики, и уже никакие силы, будь то козни самого дьявола, не помешают ей добраться до этих

вод! Но идти придётся под парусами, так как угля уже не осталось...

— И вовсе не под парусами! — заявил Эрик. — У меня на этот счёт есть свои соображения. Во-первых, мы можем следовать за ледяным полем на буксире, пока оно будет дрейфовать на юг или на запад. Это избавит нас от непрерывной борьбы с айсбергами: наш ледяной «паром» будет гнать их впереди себя. Во-вторых, мы выгадаем время, чтобы добыть необходимое нам топливо на самом же «пароме», а потом, когда нам будет удобно, самостоятельно закончим плавание.

— Что ты хочешь этим сказать? Уж не скрываются ли в недрах торосов угольные залежи? — смеясь, спросил доктор.

— Нет, разумеется, не угольные залежи, но нечто такое, что вполне заменит нам твёрдое топливо. Это залежи «животного угля», в виде моржового жира. Мне хочется испытать его, ведь наша топка специально приспособлена для такого рода горючего.

Прежде всего был отдан последний долг обоим мертвецам: их онутили в воду с привязанным к ноге пушечным ядром.

Затем «Аляска» пристроилась к ледяному полю с таким расчётом, чтобы двигаться вместе с ним и быть в то же время под его защитой. Это дало возможность беспрепятственно перенести на борт продовольствие, которое ни в коем случае нельзя было потерять. Когда погрузка была закончена, корабль пристал к северной оконечности ледяного поля, где было найдено надёжное укрытие от айсбергов. Правда Эрика полностью подтвердилась: следуя на буксире, «Аляска» делала в среднем до шести узлов, а этого было вполне достаточно, пока она не вышла из опасной зоны дрейфующих льдов.

В то время как гигантская льдина, влача на буксире своего спутника, подобно плавучему матерiku, величественно продвигалась к югу, экипаж «Аляски» не прекращал охоту на моржей.

Дважды или трижды в день группы охотников, вооружённых гарнунами и ружьями, высаживались с гренландскими собаками на ледяное поле и окружали морских чудовищ, дремлющих неподалёку от воды. Моржей убивали вы-

стрелом в ухо, разрубали тушу, отделяли жир, нагружали его на сани и переправляли с помощью собак на «Аляску». Эта охота была такой лёгкой и обильной, что не прошло и недели, как складские помещения были буквально забиты моржовым жиром.

По-прежнему увлекаемая к юго-западу дрейфующим ледяным полем, «Аляска» достигла уже 400 долготы под 74-й параллелью и таким образом оставила позади себя Новую Землю, обогнув её с севера.

Плавучий остров из льда под воздействием солнечных лучей сократился к тому времени почти вдвое, а оставшаяся его часть, изрезанная трещинами и пересечённая глубокими бороздами, явно приближалась к своему окончательному распаду. Уже близок был час, когда громадное ледяное поле должно было превратиться в скопление дрейфующего льда. Эрик не стал этого дожидаться. Он приказал выбрать якорь и направить судно носом к западу.

Моржовый жир, заложенный прямо с ходу в топки «Аляски», в смеси с небольшим количеством угольной пыли оказался превосходным топливом. Единственным его недостатком было быстрое засорение дымовых труб, вследствие чего их ежедневно приходилось прочищать. Что касается специфического запаха моржового жира, который, без сомнения, неприятно подействовал бы на средиземноморских пассажиров, то шведским и норвежским морякам он не причинял почти никаких неудобств.

Обширный запас топлива помог «Аляске» держать пары до последнего часа и, несмотря на встречные ветры, быстро покрыть расстояние, отделявшее её от европейских морей. 5 сентября она была уже в виду Нордкапа в Норвегии и, даже не зайдя в Тромсе — в этом не было особой надобности — обогнула Скандинавский полуостров, снова пересекла Скагеррак и вернулась к месту своего отправления.

14 сентября «Аляска» бросила якорь в Стокгольме, в тех самых водах, которые она покинула 10 февраля прошлого года.

Таким образом, под командованием двадцатидвухлетнего капитана за семь месяцев и четыре дня было совершено первое кругосветное плавание в полярных водах!

Этому географическому эксперименту, с такой быстротой проверившему и дополнившему результаты великой

экспедиции Норденшельда, вскоре предстояло приобрести громкую мировую славу. Но, пока суть да дело, газеты и журналы не успевали ещё оповестить о заслугах капитана «Аляски». Да и не только он сам, но даже немногие, близкие ему люди, вряд ли могли по достоинству оценить огромное значение его экспедиции, и уж, во всяком случае, меньше всего подозревала об этом некая особа, по имени Кайса.

Надо было видеть, с какой снисходительной улыбкой она выслушала рассказ о путешествии.

— И стоило добровольно подвергать себя таким опасностям! — сказала она, ограничившись только этой репликой.

Впрочем, при первом же удобном случае она не преминула бросить камень в огород Эрика:

— Теперь, когда пресловутого ирландца уже нет в живых, мы избавились, наконец, от этого скучнейшего дела!

До чего разителен контраст между холодными сухими словами Кайсы и письмом, полным сердечного волнения и нежности, которое Эрик вскоре получил из Норрэ!

Ванда сообщала ему, в какой тревоге она и матушка Катрина провели эти долгие месяцы, как они мысленно следовали за «Аляской», пакую радость им доставило известие, что наконец-то путешественники вернулись в родную гавань!.. Если даже экспедиция и не достигла тех результатов, которых ожидал от неё Эрик, то всё равно ему не следует чрезмерно сокрушаться. Ведь Эрик прекрасно знает, что хотя у него и нет родной семьи, но зато есть другая семья — в бедном норвежском селении, — которая его нежно любит и устремляет к нему все свои помыслы. Неужели он не выберет время, чтобы навестить эту семью, которая всегда считала его своим и никогда от него не откажется? Неужели он не может найти возможность подарить им хотя бы недельку-другую?.. Ведь это самое сокровенное желание его приёмной матери и его младшей сестры Ванды и т.д., и т.п.

В этих задушевных словах и в тонком запахе трех цветков, сорванных на берегу фьорда и вложенных в конверт, Эрик, казалось ему, вновь обретал своё детство. Что могло быть более целительным для его опечаленного сердца и что могло помочь ему быстрее справиться с горьким разочарованием от неудачного финала экспедиции, если не заботы самых близких и дорогих людей?

Между тем пришлось признать очевидный факт и отдать ему должное: плавание «Аляски» было событием не менее важным, чем плавание «Веги». Имя Эрика отныне везде упоминалось наравне со славным именем Норденшельда. Все газеты были заполнены сообщениями о необычном кругосветном нутешестве. Корабли всех наций, стоявшие в стокгольмской гавани, условились поднять одновременно флаги в честь этой новой победы навигационного искусства. Сконфуженного и удивлённого Эрика повсюду встречали овациями, как настоящего триумфатора. Научные общества являлись в полном составе засвидетельствовать уважение молодому капитану и всему экипажу «Аляски». Гражданские власти собирались наградить участников экспедиции национальной премией.

Все эти похвалы и вся эта шумиха донельзя смущали Эрика. Ведь он-то хорошо знал, что преследовал своим путешествием главным образом личные цели, и это заставляло его стыдиться своей неожиданной славы, к тому же ещё неимоверно раздутой. А потому он решил при первом же удобном случае чистосердечно рассказать о том, что заставило его нуститься в далёкое плавание, что он искал, но так и не нашёл в арктических морях, иными словами — предать гласности загадочную историю своего происхождения и гибели «Цинтии».

Случай не замедлил представиться в лице безбородого, юркого как белка, почти карликового роста человечка, отрекомендовавшегося репортёром одной из главных стокгольмских газет. Эта странная личность неожиданно заявила на борт «Аляски», чтобы «удостоиться чести получить интервью от самого капитана».

Единственной целью искушённого газетчика, скажем об этом сразу, было извлечь из своей очередной жертвы строчек на сто биографических сведений. Разумеется, он и не мог рассчитывать на то, что «объект», будет до такой степени податлив и так легко согласится подвергнуть себя «вивисекции»¹. Эрика же разбирало нетерпение поскорее сообщ-

¹ В и в и с е к ц и я — проведение операции па живом организме в паучных целях; вивисекции обычно подвергаются кролики, морские свинки, собаки и другие животные

щить всю правду и объявить во всеуслышание, что его только по ошибке принимают за нового Христофора Колумба.

И он поведал без утайки всю свою историю: как он был найден в море бедным рыбаком из Норвегии, учился у господина Меларнуса, воспитывался в Стокгольме в доме доктора Шварценбурга, как возникло предположение, что Патрик О'Доноган владеет ключом к тайне, как удалось выяснить, что ирландец находится на борту «Вегги», как он отправился с друзьями на его поиски и вынужден был изменить свой маршрут, а потом пошёл к Ляховским островам и далее к мысу Челюскина... Эрик все это рассказал как бы в своё оправдание, желая освободиться от незаслуженно присвоенной ему славы героя. И сообщил он обо всём так подробно именно потому, что его больше всего смущали похвалы за поступки, казавшиеся ему самыми обыденными и естественными.

Тем временем карандаш репортёра, господина Скирреллиуса порхал по бумаге со стенографической быстротой. Даты, имена, мельчайшие факты — все было подробно записано. Скирреллиус говорил себе с замиранием сердца, что извлечёт из этой исповеди не сотню строк, а добрых пятьсот или шестьсот. И каких строк!.. Это будет потрясающий отчёт, почерпнутый из первоисточника, захватывающий, как лучший фельетон!

На другой день этим отчётом были заполнены три колонки самой распространённой в Швеции газеты. И, как нередко бывает в таких случаях, искренность Эрика не только не умалила его заслуги, но, напротив, придала им ещё больший вес, а его исключительная скромность и романтическая тайна, которой была окружена его биография, послужили приманкой для прессы и публики. Статья Скирреллиуса вскоре была переведена на многие языки и обошла всю Европу.

Достигнув Парижа, она проникла однажды вечером на газетном листе, ещё влажном от типографской краски, в скромно обставленную гостиную, находившуюся в третьем этаже старинного особняка на улице Деварен.

В гостиной сидели двое — высокий красивый старик и седая дама в трауре, казавшаяся ещё молодой, несмотря на отпечаток безысходной грусти на всем её облике. Она машинально водила иглой по канве, в то время как мысли её

были обращены к прошлому и взор был затуманен каким-то неотвязным мучительным воспоминанием.

Старик небрежно просматривал газету, которую только что подал ему слуга.

Это был г-н Дюръен, бывший генеральный консул и один из секретарей Географического общества — тот самый господин Дюръен, который присутствовал в Бресте у морского префекта на банкете по случаю прибытия «Аляски».

Не удивительно, что имя Эрика заставило его встрепенуться, как только он заметил биографический очерк о молодом шведском мореплавателе. Но когда он ещё раз внимательно перечитал статью, его и без того измождённое лицо покрылось смертельной бледностью, и руки, сжимавшие газету, так сильно задрожали, что это не могло укрыться от внимания молчавшей до этой минуты дамы.

— Отец, вам плохо? — спросила она с тревогой.

— Мне кажется... слишком сильно натопили камин... Я пройду к себе в кабинет, — наверное, там не так душно... Пустяки... лёгкое недомогание! — ответил г-н Дюръен, уходя в соседнюю комнату.

Как бы невзначай он захватил с собой газету. Если бы дочь в состоянии была в ту минуту прочесть мысли своего отца, то в охватившем его смятении чувств она прежде всего обнаружила бы намерение во что бы то ни стало скрыть от неё эту статью.

Она хотела было последовать за отцом в кабинет, но, вовремя догадавшись, что он ищет одиночества, безропотно подчинилась его капризу. Вскоре она услышала, как он ходит по кабинету взад и вперёд большими шагами, то открывая, то снова затворяя окно.

Только через час она решилась приоткрыть дверь, чтобы узнать, как он себя чувствует. Г-н Дюръен сидел на своем столе и писал письмо. Однако г-жа Дюръен не заметила, что глаза его были полны слез...

Глава двадцать первая.

ПИСЬМО ИЗ НАРИЖА

После возвращения в Стокгольм Эрик почти ежедневно получал много писем из разных европейских стран. Науч-

ные общества или частные лица слали ему свои поздравления, иностранные правительства отмечали его заслуги наградами и премиями, судовладельцы и негоцианты просили ответить на интересующие их вопросы. И все же он немного удивился, когда в одно прекрасное утро, разбирая корреспонденцию, обнаружил два конверта с парижским почтовым штемпелем.

В первом, который он вскрыл, оказалось приглашение французского Географического общества капитану «Аляски» и его спутникам самолично пожаловать в Париж за получением большой почётной медали, присуждённой на торжественном заседании «Совершившему первое в мире кругосветное полярное плавание в арктических морях».

Второй конверт заставил Эрика оцепенеть от неожиданности. Он был запечатан каучуковой облаткой в форме медальона, с вытесненными на нём инициалами Э.Д. и девизом *Semper idem*...

Те же инициалы и тот же девиз воспроизводились и на уголке письма, вложенного в конверт. Оно было от г-на Дюрёна и гласило следующее:

«Мой дорогой мальчик! Позвольте мне в любом случае так Вас называть. Я только что прочёл во французской газете одну биографическую заметку, переведённую со шведского, которая до такой степени взволновала меня, что я не в силах это выразить. В этой заметке речь идёт о Вас. Если можно верить тому, что в ней сообщается, Вы были подобраны в море двадцать два года тому назад норвежским рыбаком в окрестностях Бергена, в колыбели, привязанной к спасательному кругу с надписью «Цинтия»; арктическое плавание было предпринято Вами со специальной целью — отыскать человека, уцелевшего после крушения судна под этим названием, затонувшего в октябре 1858 года неподалёку от Фарерских островов; и, наконец, Вы вернулись из Вашей экспедиции, так и не сумев ничего выяснить.

Если все это правда (о, чего бы я ни отдал, чтобы это было правдой!), я умоляю Вас, не теряя ни минуты, ответьте мне телеграммой.

Ведь в таком случае, мой мальчик, — поймите моё нетерпение, мои сомнения и мою радость! — Высказались бы

моим внуком, которого я уже столько лет оплакиваю, которого я считал безвозвратно погибшим; Вы оказались бы тем, кого моя дочь, моя бедная дочь, с её разбитым сердцем после драмы на «Цинтии», не перестаёт ещё призывать и не перестаёт ждать каждый день — её единственным сыном, единственным утешением и радостью в её горестном вдовстве!..

Найти Вас, найти Вас живым и прославленным — какое это было бы невероятное и огромное счастье! Но поверить в такое счастье я не решусь до тех пор, пока не получу от Вас личного подтверждения!.. И, тем не менее, как все это выглядит правдоподобно!.. В точности совпадают даже мельчайшие детали и подробности! Черты Вашего лица и весь Ваш облик удивительно напоминают мне моего покойного зятя. В тот единственный раз, когда мы случайно с Вами встретились, я сразу же почувствовал к Вам глубокую симпатию!.. И сейчас мне хочется верить, что моё безотчётное влечение к Вам было далеко не случайным...

Несколько слов, всего лишь несколько слов — телеграфируйте немедленно! Не знаю даже, как я доживу до той минуты. Даст ли она мне ответ, которого я так мучительно и так страстно жду? Принесёт ли она моей бедной дочери и мне ту радость, которая вознаградит нас за долгие годы страданий и слез?

Э.Дюрьен,
генеральный консул в отставке.
104, ул. Деварен, Париж».

К этому письму был приложен документ с заверенной подписью г-на Дюрьена, также написанный его рукой. Эрик с жадностью прочёл следующие строки:

«Я был французским консулом в Новом Орлеане, когда моя единственная дочь Катерина вышла замуж за молодого француза Жоржа Дюрьена, нашего дальнего родственника, как и мы родом из Бретани. Жорж Дюрьен был горным инженером. Он приехал в Соединённые Штаты, чтобы заняться эксплуатацией недавно открытых нефтяных источников, и рассчитывал провести в Америке несколько лет. Сын ближайшего друга моей молодости, носящий одинаковую с нами фамилию, г-н Дюрьен был принят в моем доме, как и

подобало такому достойному человеку. И когда он попросил руки моей дочери, я без колебаний дал своё согласие. Вскоре после свадьбы я был неожиданно назначен консулом в Ригу и мне пришлось расстаться с дочерью, так как важные дела задержали зятя в Соединённых Штатах. Там она родила сына, которого назвали моим именем и именем его отца — Эмиль-Анри и Жорж.

Через полгода мой зять стал жертвой несчастного случая в шахте. Бедная Катерина, овдовевшая в двадцать лет, спешно покончила со всеми делами и выехала на борту «Цинтии» из Нью-Йорка в Гамбург, чтобы попасть ко мне кратчайшим путём.

7 октября 1858 года «Цинтия» потерпела крушение восточнее Фарерских островов. Обстоятельства катастрофы вызывали подозрения, но выяснить их не удалось. Когда пассажиры тонущего судна перебирались в шлюпки, мой семимесячный внук, привязанный матерью вместе с его колыбелью к спасательному кругу, сорвался с палубы или был кем-то сброшен и исчез, унесённый бурей.

Моя дочь, обезумевшая от этого ужасного зрелища, хотела броситься за своим ребёнком в нучину, но её насильно удержали и в бессознательном состоянии перенесли в лодку, где находилось ещё три человека. Только эта единственная лодка и уцелела. Через сорок восемь часов она причалила к одному из Фарерских островов. Оттуда моя дочь, измученная жестокой семинедельной горячкой, была отвезена в Ригу одним заботливым матросом, который не только спас её от гибели, но и препроводил к отцу. Джон Динмен, так звали этого славного парня, впоследствии умер в Малой Азии, находясь у меня на службе.

Мы почти и не надеялись, что наш бедный малютка остался после кораблекрушения в живых. Тем не менее я предпринял поиски на Фарерских и Шетландских островах и на побережье Норвегии к северу от Бергена. Подумать о том, что колыбель могло отнести ещё дальше, было просто невозможно. Только по истечении трех лет я отказался от дальнейших поисков, и посёлок Нороз не попал в зону обследования единственно по той причине, что он расположен в стороне и довольно далеко от открытого моря.

Когда всякая надежда была окончательно потеряна, я целиком посвятил себя моей дочери, ибо её физическое и моральное состояние требовало бережного ухода. Добившись, чтобы меня перевели на Восток, я всячески старался развлечь её путешествиями и участием в моих научных изысканиях. Она приобщилась ко всем моим работам и была моей неизменной помощницей, но, увы, мне никогда не удавалось развеять её безысходную печаль. Наконец, через два года я подал в отставку, и мы вернулись во Францию. С тех пор мы живём попеременно то в Париже, то в моем старом доме в Валь-Фере, близ Бреста.

Так неужели нам суждено будет увидеть, как порог этого дома переступит мой внук, которого мы оплакиваем столько лет? Надежда так заманчива, что я не могу решиться сообщить о ней дочери, пока не обрету полной уверенности. Воистину это было бы настоящим возвращением к жизни! И если теперь мне придётся отказаться от своей мечты, какое это будет горькое разочарование!..

Сегодня понедельник. В субботу, сказали мне на почте, я мог бы получить ответ!..»

Эрик с трудом закончил чтение. Слезы застилали ему глаза. Как и г-н Дюрьен, он боялся слишком поспешно отдалиться внезапно возникшей перед ним надежде, но тоже говорил себе, что все данные совпадают: факты, даты и самые мельчайшие подробности... Это было бы настоящим чудом! Как он мог поверить в него после стольких разочарований! Найти одновременно семью, мать и родину!.. И какую родину!.. Именно ту, какую он предпочёл бы выбрать сам, потому что в ней каким-то удивительным образом воплотились все щедроты, таланты и величие человечества, потому что в ней объединились в одно целое гений античной цивилизации, дух и пламень новых времён!

Ему казалось, что все это он видит во сне. Уже столько раз его обманывала надежда!.. Вот и сейчас, быть может, достаточно будет одного слова доктора, чтобы развеять прекрасную мечту. Но, так или иначе, прежде всего нужно с ним посоветоваться.

Доктор внимательно прочёл письмо, неоднократно прерывая себя возгласами удивления и радости.

— Нечего и сомневаться, — сказал он наконец. — Все подробности точнейшим образом совпадают, даже и те, о которых забыл упомянуть твой корреспондент. Инициалы, вышитые на бельё, изречение, выгравированное на колечке, те же самые, что и на его почтовой бумаге... Мой дорогой мальчик, на этот раз ты действительно нашёл свою семью! Ты должен немедленно телеграфировать дедушке...

— Но что же сообщить ему? — спросил Эрик, побледнев от радости.

— Сообщи, что ты завтра выедешь курьерским, что мечтаешь поскорее обнять свою мать и его!

Успев только обменяться сердечным рукопожатием с этим благородным человеком, молодой капитан выбежал из дому и вскочил в первый попавшийся кабриолет¹, чтобы, не теряя ни минуты, добраться до телеграфа.

В тот же день он выехал скорым поездом из Стокгольма в Мальмё, на западном побережье Швеции, за каких-нибудь двадцать минут пересёк пролив, сел в Копенгагене в экспресс, следующий в Голландию и Бельгию, а там пересел на поезд Брюссель-Париж.

В субботу, в семь часов вечера, ровно на шестой день после того, как г-н Дюрьен отправил своё письмо, он с радостным нетерпением встречал своего внука на Северном вокзале. Эрик посылал с дороги телеграмму за телеграммой, которые сокращали для обоих томительные часы ожидания.

Наконец поезд с грохотом ворвался под высокие, застеклённые своды вокзала. Г-н Дюрьен и его внук бросились друг другу в объятия. За эти последние дни они настолько сблизились в своих мыслях, что им начинало казаться, будто они всегда были хорошо знакомы.

— А моя мать? — спросил Эрик.

— Я так и не решился ей обо всём рассказать, пока тебя не встречу, — ответил г-н Дюрьен, сразу перейдя на нежное, как материнская ласка, «ты».

— Она ещё ничего не знает?

— Она подозревает, страшится, надеется! Как только я получил твою первую телеграмму, я начал исподволь её

¹ Кабриолет — лёгкий двухколесный экипаж.

подготавливать к ожидающей её в недалёком будущем неслыханной радости. Я говорил ей, что меня, кажется, навёл на след один шведский офицер, что в Бресте я познакомился с молодым моряком и почувствовал к нему большую симпатию... Но она ещё ничего не знает и ни о чём не догадывается, хотя и начинает уже подозревать, что её ждут какие-то новости... Сегодня утром, за завтраком, мне с большим трудом удалось скрыть от неё своё нетерпение. Я чувствовал, как она внимательно наблюдает за мной. Мне не раз уже казалось, что она вот-вот потребует от меня откровенного объяснения. Признаться, я больше всего этого опасался. Легко представить, какое несчастье могло бы обрушиться на нас, если бы случилось неожиданное недоразумение или возникла непредвиденная помеха! В такой истории, как наша, можно всего опасаться... Чтобы не встретиться с нею сегодня за обедом и не попасть в затруднительное положение, я спасся бегством под предлогом неотложных дел...

Не дожидаясь багажа, они поехали на улицу Деварен в двухместной коляске, которой правил сам г-н Дюрьен.

Тем временем, оставшись в одиночестве, г-жа Дюрьен с нетерпением дожидалась возвращения своего отца. Он правильно догадался о её желании вызвать его за обедом на откровенный разговор. Уже несколько дней как она была встревожена его странными уловками, многочисленными телеграммами, которые он получал, какими-то туманными намёками, проскальзывавшими в его словах. У отца и дочери вошло в привычку верить друг другу все свои помыслы и чувства, и потому ей даже не приходило в голову, что он в состоянии от неё что-либо утаить. Уже много раз она собиралась с ним объясниться, но не осмеливалась нарушить его упорное молчание. «Должно быть, он готовит для меня какой-нибудь сюрприз, — думала она, — не стоит портить ему удовольствие».

Но за последние два — три дня и особенно в это утро ей бросилось в глаза какое-то явное нетерпение, которое обнаруживалось в каждом жесте г-на Дюрьена, в счастливом блеске его глаз и в той непонятной настойчивости, с какой он возвращался к обстоятельствам гибели «Цинтии», хотя об этом они давно уже старались не говорить.

И вдруг её словно осенило. Она смутно поняла, что появились какие-то признаки надежды, что отцу, по видимому, удалось напасть на какой-то след, и он опять надеется найти её пропавшего сына. Даже и не подозревая, как далеко продвинулось дело, она твёрдо решила выпытать у него все подробности.

Г-жа Дюрьен никогда не отказывалась от мысли, что сын её мог остаться в живых. До тех пор, пока мать не удостоверится собственными глазами, что её ребёнок мёртв, она не поверит в его гибель. Она будет убеждать себя, что свидетели ошиблись, что их ввело в заблуждение внешнее сходство, и даже много лет спустя она все ещё будет надеяться на внезапное возвращение пропавшего и не перестанет его ждать. Тысячи солдатских матерей и матерей моряков стараются тешить себя этой трогательной иллюзией.

Что касается г-жи Дюрьен, то у неё были большие основания, чем у многих других, беречь и лелеять свою надежду. Все пережитые ужасы были так свежи в её памяти, трагические картины так отчётливо стояли у неё перед глазами, словно события двадцатидвухлетней давности произошли только вчера.

Она видела перед собой «Цинтию», осаждённую бушующей стихией, готовую пойти ко дну от удара первой волны. Она видела себя привязывающей малютку к широкому спасательному кругу, в то время как пассажиры и матросы с бою захватывали места в спасательных шлюпках; отеснённая толпой, она умоляла, требовала, чтобы захватили хотя бы её ребёнка, но в эту минуту какой-то человек вырвал у неё из рук её бесценное сокровище, а сама она была брошена в шлюпку. Почти в тот же миг обрушился новый вал и — о, ужас! — спасательный круг мелькнул на гребне волны, кружева колыбели надулись от ветра, который уносил свою добычу, как пёрышко, упавшее в бурный поток. Душераздирающий вопль смешался с криками и стонами насмерть перепуганных людей, потом отчаянная борьба, падение во мрак, потеря сознания... Потом пробуждение, безграничная скорбь, мучительные ночи в горячке и бреде... А затем длительные и безуспешные поиски и безысходная тоска, поглотившая все другие чувства...

О, как свежо все это было в её памяти! А вернее сказать, её до такой степени потрясла пережитая трагедия, что она уже не в силах была оправиться. Прошло почти четверть века с тех пор, как это случилось, а г-жа Дюръен, как и в первые дни, продолжала оплакивать своё дитя. Её бедное материнское сердце изнемогало от горя, и вся её жизнь, омрачённая трауром, была отдана воспоминаниям.

Перед её духовным взором часто возникал образ сына, последовательно переходящего из одного возраста в другой. Детство сменялось отрочеством, подросток становился юношей. Из года в год она рисовала его себе таким, каким он мог бы стать и каким, возможно, был в действительности, ибо она ни на минуту не переставала верить в его возвращение. Ничто не могло поколебать её безотчётную надежду — ни бесполезные хлопоты, ни бесплодные поиски, ни истёкшее время!

Вот почему в этот вечер она ожидала отца с твёрдым намерением освободиться от мучивших её сомнений.

Вошёл г-н Дюръен. Его сопровождал молодой человек, который был представлен ей в следующих выражениях:

— Дорогая моя, это тот самый Эрик Герсебом, о котором я тебе рассказывал. Он только что прибыл в Париж. Географическое общество присудило ему большую почётную медаль, и он оказал мне честь, согласившись воспользоваться нашим гостеприимством.

По пути с вокзала было решено, как Эрику себя вести. Только позднее и как бы невзначай он упомянет о ребёнке, найденном близ Нороз, и очень осторожно, чтобы не вызвать у г-жи Дюръен сильного потрясения, наведёт её на мысль, что он и был тем самым ребёнком. Но, когда Эрик увидел свою мать, у него не хватило сил войти в эту роль. Побелев, как полотно, он низко поклонился, не произнеся ни слова.

А она приветливо улыбнулась ему, слегка приподнявшись в кресле. И вдруг глаза её широко раскрылись, губы задрожали, руки протянулись ему навстречу.

— Мой сын!.. Вы мой сын! — воскликнула она и бросилась к Эрику. — Да, ты, ты... ты и есть моё дитя! — сказала она. — Я вижу перед собой твоего отца! Он воскресает во всем твоём облике.

И в то время как Эрик, обливаясь слезами, опустился на колени перед своей матерью, бедная женщина, обхватив его голову и поцеловав в лоб, лишилась чувств от радости и счастья.

Глава двадцать вторая.

ВАЛЬ-ФЕРЕ — ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Месяцем позже в пригороде Бреста Валь-Фере на семейном торжестве у матери и деда Эрика собрались гости из Нороз и Стокгольма. Г-жа Дюрьен выразила горячее желание, чтобы простые добрые люди, которые спасли её сына, поделили с ней её величайшую и ни с чем не сравнимую радость. Ей хотелось во что бы то ни стало принять у себя в доме не только матушку Катрину и Ванду, маастера Герсебома и Отто, но и доктора Швариенкрона, Кайсу, Бредежора и Маляриуса.

Среди суровой бретонской природы, близ мрачного Армориканского моря¹ норвежские гости, несомненно, должны были чувствовать себя менее оторванными от родины, чем на улице Деварен в Париже. Они совершали далёкие прогулки в окрестные леса, сообщали друг другу то, что недавно стало известно от г-на Дюрьена, обсуждали разрозненные факты, сопоставляли отрывочные сведения, стараясь внести ясность во всю эту историю, во многом ещё туманную и загадочную. И постепенно, в длительных беседах и спорах, восстанавливалась истина.

Прежде всего, кто такой был Тюдор Броун? Какая корысть заставляла его с помощью Патрика О'Доногана препятствовать поискам семьи Эрика? Как много значило одно слово, сказанное несчастным ирландцем! Он назвал Тюдора Броуна Джонсом и знал его только под этим именем. А ведь не кто иной, как мистер Ной Джонс был компаньоном отца Эрика по эксплуатации нефтяного источника, открытого молодым инженером в Пенсильвании! Достаточно было установить этот факт, чтобы события, казавшиеся до недав-

¹ Армориканское море — часть залива, омывающего берега полуострова Бретань

него времени таинственными, вдруг озарились зловещим светом.

Подозрительное крушение «Цинтии», падение ребёнка в море, а может быть и смерть отца Эрика — все это — увы! — было результатом рокового контракта, который г-н Дюрьен обнаружил в бумагах своего зятя. Он изложил содержание этого договора, комментируя отдельные статьи.

— За несколько месяцев до своей женитьбы, — сообщил он друзьям Эрика, — мой зять открыл возле Гаррисберга нефтяной источник. Так как у него не было средств, чтобы закрепить за собой участок, ему казалось уже, что он теряет все выгоды от этого открытия. Но тут подвернулся некто Ной Джонс, который выдавал себя за скотопромышленника с Дальнего Запада, а на самом деле, как позднее стало известно, был работоторговцем из Южной Каролины. Этот субъект охотно взялся вложить необходимую сумму для покупки источника «Вандалия» и последующей его разработки. Но при этом, в виде возмещения издержек, он заставил Жоржа подписать совершенно неравноправный контракт. По этому соглашению Ною Джонсу причиталась львиная доля прибыли. Пока моя дочь была замужем, я ничего не знал об условиях договора, и, судя по всему, сам Жорж о нем больше не думал. Можно сказать, что он ничего не смыслил в подобных вещах. Исключительно одарённый и разносторонний человек, математик, химик и выдающийся механик, он был крайне неопытен в коммерческих делах и по своей неосведомлённости дважды терял состояние. Несомненно, что и в отношениях с Ноем Джонсом он был верен себе. Весьма возможно, что он, не читая, подписал двустороннее обязательство, которое тот ему подsunул. Вот главные статьи, параграфы и выводы, представляющие типичный образец англо-саксонской фразеологии:

«Статья 3. Источник «Вандалия» — неделимая собственность открывшего его Жоржа Дюрьена и вкладчика капитала Ноя Джонса.

Статья 4. Ною Джонсу предоставляется исключительное право распоряжаться всеми денежными средствами, сбывать продукцию, собирать доходы, оплачивать издержки с обязательством ежегодно отчитываться перед своим ком-

паньоном и делить с вышеупомянутым компаньоном чистую прибыль. Жорж Дюрьен, со своей стороны, обязуется руководить работами и технической эксплуатацией источника.

Статья 5. В случае, если один из совладельцев пожелает продать свою долю, он должен будет предпочесть в качестве приобретателя своего компаньона, которому после официального уведомления будет предоставлен трехмесячный срок для принятия соответствующего решения, после чего он станет единственным владельцем, уплатив своему бывшему компаньону сумму в размере одной трети чистого годового дохода, установленного последним переучетом.

Статья 6. Только дети каждого из компаньонов наследуют его права. Если один из компаньонов умрёт бездетным или в случае смерти до достижения двадцатилетнего возраста ребёнка или детей покойного компаньона, единственным собственником предприятия и капиталовложений становится оставшийся в живых совладелец, минуя всех других наследников покойного.

Настоящая статья продиктована различием национальности обоих компаньонов и неизбежными процессуальными трудностями, которые возникли бы при любых других условиях договора».

— Таков был, — продолжал г-н Дюрьен, — контракт, подписанный моим будущим зятем в ту пору, когда он ещё не помышлял о женитьбе и когда все окружающие, за исключением разве одного только Ноя Джонса, даже не представляли себе, какие огромные доходы сулит разработка источника «Вандалия». В ту пору ещё не были закончены изыскания и только собирались приступить к его освоению. По-видимому, янки рассчитывал охладить пыл своего компаньона и отстранить его от дел, всячески преувеличивая трудности эксплуатации нефтяного месторождения, чтобы взять его в ближайшем будущем в свою полную собственность. Женитьба Жоржа на моей дочери, рождение нашего дорогого мальчика и неожиданное установление громадной ценности источника — все это, разумеется, коренным образом изменило положение. Теперь уже не могло быть и речи о покупке Ноем Джонсом за бесценок этого прибыльного участка. Такую возможность дало бы ему только исчезнове-

ние с лица земли сначала Жоржа, а потом и его единственного наследника. И вот, через два года после женитьбы и шесть месяцев спустя после рождения моего внука, Жорж был найден мёртвым возле буровой скважины, задохнувшимся, как говорили врачи, от ядовитых газов. В то время меня уже не было в Соединённых Штатах, так как моё назначение консулом в Ригу предшествовало этим событиям. Вопрос о наследовании был урегулирован судебным исполнителем. Ной Джонс показал себя с хорошей стороны и подписался под всеми обязательствами в отношении моей дочери. Было решено, что он будет по-прежнему распоряжаться общими средствами и вносить каждое полугодие в Центральный банк в Нью-Йорке часть чистого дохода, принадлежащего ребёнку. Однако ему не пришлось уплатить даже за первое полугодие. Моя дочь, чтобы поскорее встретиться со мною, оказалась в числе пассажиров «Цинтии», которая потерпела крушение при таких подозрительных обстоятельствах, что страховой компании удалось освободиться от всяких обязательств, а единственный наследник Жоржа бесследно пропал во время катастрофы... С тех пор Ной Джонс стал полновластным владельцем источника «Вандалия», ежегодно приносившего ему в среднем сто восемьдесят тысяч долларов чистого дохода.

— И вы никогда не подозревали, что он замешан во всех этих, следовавших одно за другим, несчастьях? — спросил Бредеджор.

— Конечно, подозревал, это было вполне естественно, так как подобное нагромождение трагических случайностей, ведущих к одной цели, к величайшему сожалению, было более чем очевидно. Но как я мог обосновать свои подозрения и, главное, сформулировать их перед правосудием? В моем распоряжении были не факты, а только смутные догадки. Я знал по опыту, как мало можно полагаться на суд, когда вопрос идёт о тяжбе между подданными разных государств. И к тому же ещё мне нужно было утешить или хотя бы отвлечь мою дочь от её навязчивых дум, а судебный процесс только увеличил бы её страдания, не говоря уже о том, что его могли приписать моей алчности. Стоит ли об этом сожалеть? Но думаю, и остаюсь при своём убеждении, что я всё равно не добился бы никакого результата. Вы сами видите,

как нелегко нам даже сегодня, собрав воедино все наши впечатления и все известные нам факты, прийти к какому-то определённомu и окончательномu выводу!

— Но какую роль мог играть в этом деле Патрик О'Доноган? — задал вопрос доктор Швариенкрона.

— В отношении Патрика О'Доногана, как и во многом другом, — сказал г-н Дюръен, — нам придётся ограничиться одними только предположениями. Но вот какой довод мне кажется наиболее убедительным. Этот самый О'Доноган, младший матрос на борту «Цинтии», приставленный в услужение капитану, постоянно общался с пассажирами первого класса, которые обедают в кают-компании. Он знал, конечно, имя моей дочери, её французское происхождение и мог без труда отличить её в толпе пассажиров. Не дал ли ему Ной Джонс какого-нибудь преступного поручения? Не приложил ли этот матрос руку к подозрительному крушению «Цинтии», или, куда проще, к падению ребёнка в море? Поскольку его уже нет в живых, мы никогда об этом не узнаем, но, так или иначе, Патрик О'Доноган хорошо понимал, какое значение для компаньона покойного Жоржа Дюръена имел «ребёнок на спасательном круге». А такому человеку, как О'Доноган, этому лодырю и пропойце, вполне могло прийти в голову использовать сведения о ребёнке в корыстных целях. Знал ли О'Доноган, что «ребёнок на спасательном круге» остался в живых? А не помог ли он сам его спасти, то ли подобрав в море, чтобы затем оставить близ Нороз, то ли каким-нибудь иным способом? Это тоже загадочно. Но несомненно одно: он сообщил Ною Джонсу о том, что ребёнок уцелел после кораблекрушения и что ему, Патрику, известно, в каком месте младенца подобрали. И само собой разумеется, он не забыл предупредить Ноя Джонса, что «ребёнок на спасательном круге» узнает обо всём, если бы с ним, Патриком О'Доноганом, случилось какое-нибудь несчастье. Ной Джонс вынужден был платить ему за молчание. Таков, без сомнения, источник нерегулярных доходов, которыми пользовался ирландец в Нью-Йорке каждый раз, когда туда попадал.

— Это кажется мне весьма правдоподобным, — сказал Бредеджор. — И я добавлю от себя, что последующие события полностью согласуются с вашей гипотезой. Газетные

объявления доктора Швариенкрона встревожили Ноя Джонса. Он сделал все возможное, чтобы избавиться от Патрика О'Доногана, но вынужден был действовать крайне осмотрительно. Ведь ирландец поставил его в известность о принятых им мерах предосторожности. Ной Джонс, по-видимому, запугал его этими объявлениями, заставив опасаться немедленного вмешательства полиции. К такому выводу приводит рассказ Боула, содержателя таверны «Красный якорь» в Нью-Йорке, и та поспешность, с какой скрылся Патрик О'Доноган. Считая, должно быть, что его как преступника могут выдать иностранному государству, он забрался в самую глушь, — к самоедам¹, да к тому же ещё и под чужим именем. Ной Джонс, который, как видно, и подал ему эту мысль, отныне мог считать себя гарантированным от всяких неожиданностей. Но объявления, настойчиво разыскивающие Патрика О'Доногана, как говорится, сверлили ему мозг. Он предпринял даже специальное путешествие в Стокгольм, чтобы заставить нас поверить в смерть Патрика О'Доногана и увидеть воочию, как далеко продвинулось наше расследование. Наконец было опубликовано сообщение с «Веги», и «Аляска» отправилась в арктические моря. Ной Джонс, или Тюдор Броун, предвидя свою неминуемую гибель, ибо у него были основания не доверять Патрику О'Доногану, не остановился ни перед какими злодеяниями, лишь бы обеспечить себе безнаказанность. К счастью, все кончилось для нас благополучно, и мы вправе сейчас сказать, что ещё дешевле отделались!

— Как знать, быть может, перенесённые испытания и помогли нам, в конечном счёте, достигнуть цели! — сказал доктор. — Не случись несчастье на Бас-Фруад, мы, наверное, продолжали бы наш путь через Суэцкий канал и вошли бы в Берингов пролив с таким опозданием, что не застали бы там «Вегу». И ещё менее вероятно, что нам удалось бы вытянуть из Патрика О'Доногана это единственное, наводящее на след, слово, если бы мы застали его в обществе Тюдора Броуна!.. Таким образом выходит, что наше нутешество, хотя оно и сопровождалось с самого начала трагическими событиями, помогло нам в конце концов отыскать

¹ Самоеды — устаревшее паимепование пенцев, чукчей и других народов, паселяющих русский Крайний Север

семью Эрика, и это произошло только благодаря кругосветному плаванию «Аляски», создавшему ему такую популяриность!

— Да, — сказала г-жа Дюрьен, нежно глядя курчавые волосы своего сына, — слава помогла ему вернуться ко мне.

И затем она добавила:

— Преступление отняло у меня моего мальчика, а ваша доброта не только его сохранила, но и сделала незаурядным человеком...

— И к тому же этот скотина Ной Джонс, помимо своей воли, снабдил его состоянием, которому могут позавидовать многие американские богачи! — воскликнул Бредежор.

Все посмотрели на него с удивлением.

— Бесспорно, — продолжал опытный адвокат. — Разве Эрик не унаследовал от своего отца доходы, приносимые нефтяным промыслом «Вандалия»? Разве он не был незаконно их лишён на протяжении двадцати двух лет? И разве не достаточно будет для установления его родства и признания за ним прав наследования простых свидетельских показаний нескольких лиц, знавших его с детства, начиная с присутствующих здесь маастера Герсебома и его супруги Катрины и кончая господином Малярнусом и нами?

Если Ной Джонс оставил детей, то они юридически ответственны за этот огромный просроченный долг, который, по-видимому, поглотит целиком принадлежащую им долю совместного капитала. Если же у этого негодяя не было детей, то по условиям договора, которые прочёл нам г-н Дюрьен, Эрик — единственный законный наследник всего состояния. В любом случае он должен иметь в Пенсильвании не менее ста пятидесяти или двухсот тысяч долларов годового дохода:

— Ну и ну! — смеясь, произнёс доктор Швариенкрона, — вот вам и маленький рыбак из Нороз! Он представляет теперь довольно завидную партию!.. Лауреат Географического общества, впервые осуществивший кругосветное полярное плавание, молодой человек, обременённый «скромным» доходом в двести тысяч долларов — такого жениха не так-то легко найти в Стокгольме! Как ты думаешь, Кайса?

При этом шутовском замечании, о жестокости которого её дядя, конечно, не подозревал, девушка густо покраснела. Именно в ту минуту Кайса говорила себе, что была несколько недальновидна, оттолкнув такого достойного поклонника, и что в дальнейшем нужно будет оказывать ему больше внимания.

Но Эрик, как это ни странно, не чувствовал к ней больше никакой привязанности, особенно сейчас, когда его самолюбие уже не могли уязвить её презрительные реплики. То ли разлука и размышления в долгие часы ночных вахт помогли ему понять чёрствую душу Кансы, то ли ему достаточно было сознавать, что теперь она уже не может считать его «жалким подкидышем», но отныне он оказывал ей только самое необходимое внимание, на какое она имела право как молодая девушка и племянница доктора Швариенкрона.

Его решительное предпочтение было отдано Ванде, которая становилась все более очаровательной. Её исключительная доброта, врождённое изящество, благородство и чистосердечие привлекали к ней симпатии всех, кто её знал. Она и недели ещё не провела в Валь-Фере, как г-жа Дюрьен во всеуслышание заявила, что даже не представляет себе, как с нею расстанется.

Эрик взялся все уладить. Он уговорил маастера Герсебома и матушку Катрину оставить Ванду во Франции, но с непременным условием, чтобы она ежегодно навещала вместе с ним Нороз. Ему бы очень хотелось переселить маастера Герсебома со всей семьёй в Бретань, и он даже предложил перевезти на берег Брестского рейда деревянный дом, в котором провёл своё детство. Но этот план всеобщего переселения был признан практически не осуществимым. Маастер Герсебом и матушка Катрина говорили, что на старости лет не так-то легко изменить привычный образ жизни, да и к тому же они не чувствовали бы себя счастливыми в чужой стране, не зная её языка и нравов. Эрику поневоле пришлось согласиться с их желанием вернуться на родину, и он обеспечил своих приёмных родителей таким достатком, какого не могла до сих пор им дать вся их честная трудовая жизнь.

Эрик хотел по крайней мере удержать при себе Отто, но и его названный брат тоже предпочитал свой фьорд всем га-

ваниям мира и не видел более заманчивой перспективы, чем суровая жизнь рыбака. Но уж если быть до конца правдивым, то следует сказать, что белокурые косы и голубые глаза Регнильды, дочери управляющего фабрикой рыбьего жира, имели некоторое причастие к той непреодолимой привязанности, которую Отто испытывал к Нороз. Во всяком случае, к такому заключению можно было прийти после того, как стало известно, что он собирается жениться на ней на будущее рождество.

Г-н Малярнус рассчитывает со временем обучать их детей так же, как он обучал Эрика и Ванду. Он снова вернулся к своим скромным обязанностям в деревенской школе, после того как разделил с капитаном «Аляски» почести, оказанные им Французским географическим обществом. В настоящее время он правит рукопись своего замечательного труда о флоре арктических морей, принятого к печати Линнеевским обществом¹.

Что же касается доктора Швариенкрона, то он до сих пор ещё не закончил своё описание старинных памятников, которое должно будет обессмертить его имя.

Последним судебным процессом адвоката Бредежора было дело, возбуждённое им для установления законных прав Эрика на нефтяной источник «Вандалия». Дело было выиграно не только в первой инстанции, но и в апелляционном суде², что явилось немалым успехом даже и для такого искусного адвоката.

Эрик воспользовался этой победой и свалившимся на него богатством, чтобы купить «Аляску», которую он превратил в прогулочную яхту. Он ежегодно пользуется ею, навещая вместе с г-жой Дюрьен и Вандой своих приёмных родителей в Нороз. Хотя его личность и подданство были юридически установлены и он законно носит своё имя — Эмиль Дюрьен, присоединив к нему ещё — Герсебом, но все близкие по привычке продолжают называть его Эриком.

¹ Липпей Карл (1707-1778) — выдающийся шведский натуралист; его именем названо шведское учёное общество естествоиспытателей

² Апелляционный суд — высший судебный орган, выносящий окончательное решение по жалобе одной из сторон, не удовлетворённой исходом дела в низших инстанциях

Тайное желание г-жи Дюрьен когда-нибудь увидеть своего сына мужем Ванды, которую она полюбила как родную дочь, настолько совпадает с желанием самого Эрика, что недалёк уже тот день, когда оно осуществится.

А Кайса, все ещё не найдя «подходящей партии», так и ходит в невестах, укоряя себя в душе за то, что, как говорится, «дала маху».

Доктор Швариенкрона, г-н Бредежор и профессор Гохштедт по-прежнему играют в вист.

Однажды вечером, когда доктор играл хуже обычного, Бредежор, постукивая пальцами по табакерке, не мог отказать себе в удовольствии напомнить ему о давно забытом соглашении.

— А когда же вы соблаговолите, наконец, прислать мне вашего Плиния в издании Альда Мануция? — спросил он с лукавым огоньком в глазах. — Надеюсь, вы теперь уже не считаете, что Эрик ирландского происхождения?

Растерявшись было от такой внезапной атаки, доктор сумел взять себя в руки и с уверенностью произнёс:

— Ну и что же! Если даже бывший президент Французской республики¹ происходит от ирландских королей, то не было бы ничего удивительного, если бы и семья Дюрьен тоже оказалась ирландского происхождения.

— Пожалуй, — ответил Бредежор, — стоит вам только это доказать, и я охотно пришлю вам своего Квинтилиана.

¹ Имеется в виду Мак-Магон, президент Франции в 1873—1879 годах

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Брандис. Жюль Верн, Андре Лори и «Найденьши с погибшей «Цинтии»	5
Глава первая. Друг учителя Маляриуса	17
Глава вторая. У рыбака из Норвегии	27
Глава третья. Размышления маастера Герсебома	40
Глава четвертая. В Стокгольме	49
Глава пятая. Tretten julen dage	61
Глава шестая. Решение Эрика	72
Глава седьмая. Мнение Ванды	80
Глава восьмая. Патрик О'Доноган	91
Глава девятая. Пятьсот фунтов стерлингов вознаграждения	101
Глава десятая. Мистер Тюдор Броун	109
Глава одиннадцатая. Нам пишут с «Веги»	119
Глава двенадцатая. Неожиданные пассажиры	130
Глава тринадцатая. Держать курс на юго-запад	139
Глава четырнадцатая. Бас-Фруад	148
Глава пятнадцатая. Кратчайшим путём	160
Глава шестнадцатая. От мыса Сердце-Камень до Ляховских островов	171
Глава семнадцатая. На всех парах	181
Глава восемнадцатая. Выстрелы из пушки	191
Глава девятнадцатая. Выстрелы из ружья	201
Глава двадцатая. Конец кругосветного плавания	211
Глава двадцать первая. Письмо из Парижа	218
Глава двадцать вторая. Валь-Фере — Заключение	229

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении

Укажите точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Р. И. Филиппова. Художник-редактор Ю. П. Киселев. Технический редактор З. П. Корепнок. Корректоры Л. К. Петрова и К. П. Пемковская. Подписано к набору 19/VIII 1959 г. Подписано к печати 30/XI 1950 г. Формат 84X108¹/₃₂. Печ. л. 7¹/₂. Усл. п. л. 12,32. Уч-изд. л. 12,5. Тираж 90 000 экз. Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 1587

Цепя 6 р. 25 к.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

6 р. 25 к.